

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Кораблина Татьяна Ивановна

**МОДУСНАЯ КАТЕГОРИЯ «ВОСПОМИНАНИЕ»:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Специальность 10.02.01 – русский язык
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент, профессор Н. П. Перфильева

Новосибирск
2018

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ. «ВОСПОМИНАНИЕ» В СИСТЕМЕ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ.....	15
1.1. Общая характеристика модуса	15
1.2. Понятие “модусная категория «воспоминание»”	19
1.3. Ядерные средства выражения модусной категории «воспоминание»	21
1.4. Периферийные средства выражения модуса «воспоминание»	27
1.5. Взаимодействие модусных категорий «воспоминание» и авторизации, «воспоминание» и личности	35
1.6. Взаимодействие модусных категорий «воспоминание» и темпоральности	44
1.7. Взаимодействие модусных категорий «воспоминание» и достоверности.....	54
1.8. Взаимодействие модусной категории «воспоминание» и эвиденциальности	65
1.9. Взаимодействие модусных категорий «воспоминание» и «восприятие»	71
1.10. Взаимодействие модуса «воспоминание» и ментального модуса ...	82
1.11. Типы взаимодействия модусной категории «воспоминание» с другими модусными категориями.....	91
Выводы по первой главе	99
ГЛАВА ВТОРАЯ. ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МОДУСНОЙ КАТЕГОРИИ «ВОСПОМИНАНИЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ...	103
2. 1. Особенности модусного ключа модусной категории «воспоминание»	103

2.2. Textoобразующие функции показателей модусной категории «воспоминание»	122
2.3. Репрезентация значения «воспоминание» в прозе Д. Рубиной	145
2.4. Репрезентация значения «воспоминание» в прозе Е. Гришковца	168
Выводы по второй главе	187
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	191
Список литературы	198
Список словарей	230
Список источников	231

ВВЕДЕНИЕ

Ментальные процессы, связанные с хранением и воспроизведением информации, ее вербализацией, всегда представляли большой интерес для философов, психологов [Рассел, 1997; Бергсон, 1999; Выготский, 1999; Лурия, 1979; Леонтьев, 1931; Величковский, 1982; Артемьева, 1999; Блонский, 2001; Роуз, 1995; Пиаже, 1969; Блум, Лайзерсон, Хофстедтер, 1988; Циген, 1998; Хофман, 1986; Пенфильд, Робертс, 1964 и др.].

Мемуарный текст последние десятилетия в различных гуманитарных науках является объектом или материалом исследования. Важные исторические и теоретические вопросы изучения мемуаристики поставлены во второй половине XX в. [Дмитриев, 1981; Черноморский, 1959; Голубцов, 1970; Тартаковский, 1991; Минц, 1979 и др.]. Воспоминания отдельного человека историки исследуют как исторический источник, отражающий не только события прошлого, но и мысли, чувства, настроения, общественное сознание, уровень духовной жизни, психологию людей определенной исторической эпохи [Чекунова, 1995; Павловская, 2006; Смирнова, 2013; Киселева, 2013; Матханова, 2010; Матханова, 2016; Баяндин, 2008; Баяндин, 2016; Николаев, 2008; Куликова, 2012; Рогушина, 2015; Ушакин, 2013 и др.]. Проблемы поэтики и эстетики мемуарного жанра разносторонне исследуются литературоведами [Манн, 1987; Гинзбург, 1999; Лотман, 1998; Лотман, 2000; Аверинцев, 1996; Билинчис, 1976; Богомолов, 1990; Кардин, 1961; Колядич, 1998; Урбан, 1977; Иванчикова, 1996; Петрова, 2009 и др.]. В лингвистике большинство работ, связанных с изучением памяти, посвящено концепту **память** [Кубрякова, 1991; Дмитриевская, 1991; Туровский, 1991; Карпенко, 2014; Муфозалова, 2014; Шапиро, 2016; Шаталова, 2005; Шулежкова, 2003 и др.], воспоминанию под углом зрения теории речевых жанров жанров [Гынгазова, 2001; Дмитриева, 2011; Кормазина, 2014; Лагута, Самойленко, 2011; Мызникова, 2014; Ньюбина, 2010; Орлова, 2004; Сухотерина, 2011; Ярмаркина, 2010 и др.]. Часто мемуарный текст является материалом

исследования по когнитивной лингвистике, прагматике, гендерной лингвистике, теории текста [Бакланова, 2015; Бондарева, 1994; Бондарева, 1995; Брызгалова, 2010; Вязигина, 2013; Голубева, 1986; Голубева, 1989; Жирова, 2005; Лаппо, 2015; Левковская, 1981; Левковская, 1985 и др.]. Обращение к мемуарному тексту позволило Н. П. Перфильевой поставить вопрос о новой модусной категории «воспоминание» [Перфильева, 2012], которой посвящена настоящая диссертация.

Данная работа выполнена на стыке семантического синтаксиса и лингвистики текста.

Объектом настоящего исследования являются высказывания и текстовые фрагменты с показателями модусной категории «воспоминание» (далее – МК «воспоминание»), например: 1) *Когда уходила жена, **помню**, был и прыгал на стены* (Слава Сэ. Ева); 2) ***Помнится**, когда-то очень давно я слышал даже легенду на эту тему* (А. Чехов. Рассказ старшего садовника); 3) *Но то, как моя бабушка Рахиль «представляла» – отлично **помню** с младенчества* (Д. Рубина. Окна); 4) *Я остро в такой момент **вспоминаю** свою радость, вспоминаю счастливые глаза моей жены Лены* (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами). **Предметом** исследования является семантика и языковые средства выражения данной МК в аспекте взаимодействия ее с другими модусными категориями, а также в аспекте организации пространства художественного текста.

Актуальность данной работы обусловлена ее включенностью в контекст современных исследований, ориентированных на разработку идеи субъективного в языке [Бенвенист, 1974], дифференциации вслед за Ш. Балли двух семантических слоев высказывания – диктума и модуса [Балли, 1955]. По обоснованному мнению Т. В. Шмелевой и ее последователей, модус обязательно выражает «коррелятивную операцию, производимую мыслящим субъектом» над объективным содержанием предложения: его оценку, выражение чувства или воли [Шмелева, 1988].

В современной лингвистике вопрос о количестве и составе модусных категорий остается дискуссионным. К настоящему времени список модусных категорий в работах разных авторов варьирует и открыт [Белашапкина, 1977; Арутюнова, 1988; Шмелева, 1988; Трипольская, 1992; Рябцева, 1993; Рябцева, 1994; Падучева, 1996; Перфильева, 1996; Всеволодова, 2000; Стеклова, 2002; Вольф, 2003; Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004; Матханова, 2005; Демешкина, 2006; Кобрина, 2006; Перфильева, 2006; Демешкина, 2012; Демешкина, 2013; Перфильева, 2016 и др.]. Следовательно, не все модусные категории названы и описаны. Это совершенно справедливо объясняется сложностью описываемого объекта и разнообразием грамматических концепций исследователей.

Мало исследована модусная категория «воспоминание»: не описана специфика языковых средств выражения МК «воспоминание», не обоснован ее статус как модусной категории под углом зрения ее взаимодействия с другими модусными категориями, как общепризнанными, так и дискуссионными («восприятие», ментальный модус).

Сложность разграничения диктума и модуса и их взаимодействия также обуславливают актуальность исследования. Как справедливо отмечает Т. В. Шмелева, модусное содержание может составить диктум предложения [Шмелева, 1988]. Размышляя над проблемой взаимодействия диктума и модуса, Г. А. Золотова отмечает, что при совпадении точек зрения наблюдателя и Говорящего «модусная рамка отсутствует, модус оказывается “растворенным” в компонентах модели, выражающей содержание диктума [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004].

И, наконец, актуальность данного исследования определяется тексто- и антропоцентрическим подходом к особенностям функционирования средств выражения модусной категории «воспоминание» в плане их участия в текстообразовании: осуществления роли модусного ключа в

организации текста/текстового фрагмента, обеспечения текстовых категорий.

Цель настоящей работы состоит в обосновании особого статуса модусной категории «воспоминание» на фоне других модусных категорий и в исследовании функционирования ее показателей в художественном тексте.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) уточнить определение модусной категории «воспоминание»;

2) определить место МК «воспоминание» в модусной организации высказывания, выделив ядерную и периферийную зону средств выражения данной МК в художественном тексте;

3) выявить и обосновать типы взаимодействия «воспоминания» и других модусных категорий в художественных текстах;

4) определить функции показателей МК «воспоминание»;

5) определить механизм действия “модусного ключа «воспоминание»” в реализации значения исследуемой МК и в обеспечении формальной и семантической связности текста;

6) сформулировать понятие “ модусной рамки «воспоминание»” и выявить ее инвариант в художественном тексте;

8) сопоставить художественные тексты Д. Рубиной и Е. Гришкова в плане воплощения инварианта модусной рамки «воспоминание» в зависимости от авторской манеры.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов по семантическому синтаксису, функциональной грамматике, лингвистике текста: Ш. Балли, А. Вежбицкой, У. Л. Чейфа, Ю. Д. Апресяна, И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюновой, М. М. Бахтина, В. А. Белошапковой, Е. И. Беляевой, А. В. Бондарко, Т. В. Булыгиной, М. В. Всеволодовой, В. Г. Гака, И. Р. Гальперина, Б. М. Гаспарова, Т. А. ван Дейк, М. А. Дмитриевской, М. Я. Дымарского, Г. А. Золотовой, С. Г. Ильенко, С. Д. Кацнельсона,

Г. В. Колшанского, И. А. Мартыановой, Л. Н. Мурзина, С. Р. Омельченко, Е. В. Падучевой, Н. П. Перфильевой, Ю. А. Пупынина, Н. К. Рябцевой, Л. В. Сахарного, Т. И. Стексовой, Т. А. Трипольской, А. Д. Шмелева, Т. В. Шмелевой, Е. С. Яковлевой и др. [Балли, 1955; Вежбицка, 1986; Wierzbicka, 1999; Чейф, 1983; Chafe, 1973; Chafe, 1994; Chafe, 1998; Апресян, 1995д; Апресян, 2008; Арнольд, 1999; Арутюнова, 1988; Бахтин, 1977; Белошапкова, 1977; Беляева, 1990; Бондарко, 1990; Бондарко, 1991; Булыгина, Шмелев, 1997; Всеволодова, 2000; Гак, 1978; Гак, 1998; Гальперин, 1981; Гаспаров, 1996; ван Дейк, 1989; Дмитровская, 1991; Дымарский, 2001; Дымарский, 2005; Дымарский, 2015; Золотова, 2004; Ильенко, 2003; Ильенко, 2009; Кацнельсон, 1984; Колшанский, 1977; Мартыанова, 2014; Мурзин, 1994; Омельченко, 2004; Падучева, 1996; Перфильева, 1996; Перфильева, 2006; Перфильева, 2012; Пупынин, 1992; Рябцева, 1996; Рябцева, 2004; Сахарный, 1994; Стексова, 1992; Стексова, 2016; Трипольская, 1992; Шмелева, 1984; Шмелева, 1988; Шмелева, 1995; Шмелева, 2008; Яковлева, 1988].

Эмпирической базой исследования является выборка преимущественно с эксплицитными показателями этой модусной категории объемом более семисот текстовых фрагментов различной протяженности из материалов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), из произведений Д. Рубиной, Е. Гришковца. Были также использованы текстовые фрагменты из произведений Г. Газданова, Ф. Искандера, С. Довлатова, Б. Садовского, В. Кондратьева, В. Каверина, И. Тургенева, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Бунина, А. Куприна, А. Чехова.

Методы исследования. В работе применяются традиционные лингвистические методы анализа (наблюдения, описательно-аналитический, контрастивный), а также приемы дефиниционного, дистрибутивного, компонентного анализа, трансформационного и математико-статистического методов.

Положения, выносимые на защиту

1. «Воспоминание» как модусная категория обозначает языковыми средствами одну из ментальных операций Говорящего, которая представляет собой его обращение к событиям, свидетелем которых он был в прошлом, а также допускает возможность маркирования внимания адресата на степени погрешности в точности воспроизведения информации, в ее адекватности произошедшим ранее событиям.

2. Семантику исследуемой МК обуславливает ее взаимодействие с модусными категориями как актуализационными (персональность, темпоральность), так и квалификативными (авторизация, достоверность, эвиденциальность, ментальный модус и восприятие). Отчетливо выделяются три типа взаимодействия «воспоминания» с обязательными и необязательными модусными категориями: а) наложение друг на друга (или **спаянность**) «воспоминания» и субъективных смыслов авторизация, персональность, темпоральность, достоверность, а иногда восприятие, ментальный модус; б) **включение** одного субъективного смысла («воспоминание») в другой (эвиденциальность); в) взаимодействие показателей на синтагматическом уровне, или **линейная цепочка**, показателей МК «воспоминание» и авторизации / достоверности / восприятия).

3. «Воспоминание» – это необязательная модусная категория, потому что свойственна не любому высказыванию и эксплицируется грамматическими и лексическими показателями, в репертуаре которых выделяются две зоны: ядерная (содержащая основные лексемы со значением «хранение информации в памяти», выполняющие функцию вводных единиц) и периферийная. Периферийные средства выражения МК «воспоминание» отражают процессы взаимодействия а) модуса и диктума (модус-диктумные конструкции с ментальными предикатами, а также другие лексические показатели в том числе метафоры, со значением «хранение информации в памяти»; фразеологизованные конструкции);

б) «воспоминания» и различных модусных категорий (синкретичные лексические показатели, имеющие эксплицитную семантику темпоральности / восприятия / ментального модуса и контекстуальную семантику 'воспоминание').

4. Показатели МК «воспоминание» могут выполнять в художественном тексте различные функции: семантическую (экспликация семантики модусной категории), прагматическую функцию (актуализация семантики «воспоминание»), текстообразующую (экспликация формальной и семантической связности и целостности текста/текстового фрагмента; функция модусного ключа), композиционную (влияние на композиционный рисунок текста/текстового фрагмента, обеспечение разных типов композиции).

5. Модусное значение категории «воспоминание» в тексте (текстовом фрагменте) воплощается при помощи модусного ключа и модусной рамки «воспоминание», которая, помимо модусного ключа «воспоминание», может включать показатели исследуемой МК (поддерживающие заданную модусным ключом семантику и организующие текстовое пространство внутри модусной рамки) и показатель выхода из воспоминаний (вербальный или невербальный) и которая может быть представлена в тексте в виде инварианта или вариантов, в зависимости а) от полной или неполной реализации инварианта, б) антропоцентрического фактора. При неполной реализации данного инварианта возможна незамещенная позиция или модусного ключа, или других показателей исследуемой модусной категории, или показателя выхода из рамки.

6. Реализация инварианта модусной рамки «воспоминание» обуславливает разные типы композиции текста (текстового фрагмента), предъявляющего воспоминания Говорящего: а) модусный ключ организует композицию «рассказ в рассказе», если воспоминания Говорящего составляют содержание всего произведения; б) модусный ключ, соединяя

разные по протяженности фрагменты-воспоминания, обеспечивает радиальную композицию текста; в) «нагнетание» показателей МК «воспоминание», даже при отсутствии модусного ключа, создает каркас для текста / текстового фрагмента; г) возможна мозаичность линейно расположенных фрагментов-воспоминаний (часто нарушающих хронологическую последовательность).

7. Предпочтения в выборе способов реализации инварианта модусной рамки «воспоминание» зависит от индивидуальной авторской манеры повествования. При сопоставлении художественных текстов современных авторов Д. Рубиной и Е. Гришковца, различающихся и стилем, и поэтикой, выявилось сходства (наличие модусной рамки «воспоминание»; радиальный тип композиции текстового фрагмента с этой модусной рамкой; имплицитное указание темпорального модусного ключа на воспоминания персонажа) и различия (частота введения модусного ключа «воспоминание» и сфера его действия; средства выражения модусного ключа; актуализация различных МК).

Научная новизна работы состоит в 1) обосновании статуса «воспоминания» как модусной категории, в выявлении специализированных средств ее выражения и области взаимодействия с актуализационными (персональность, темпоральность) и квалификативными (достоверность, эвиденциальность, ментальный модус, «восприятие») модусными категориями;

2) в определении типов взаимодействия МК «воспоминание» с актуализационными и квалификативными модусными категориями (а) спаянность нескольких субъективных смыслов; б) включение одного субъективного смысла в другой; в) линейная цепочка.

3) в описании с позиции полевой грамматики средств выражения модусной категории «воспоминание»;

4) в выявлении широкого спектра функций показателей «воспоминания» в художественном тексте; в введении понятий модусного

ключа и модусной рамки «воспоминание»; в исследовании представления ее инварианта и вариантов, которые могут способствовать характеристике идеостиля писателя.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что обращение к малоисследованной модусной категории «воспоминание» вносит значительный вклад в теорию семантического синтаксиса, акцентируя внимание на проблемах взаимодействия диктума и модуса, восполняя лакуны в области изучения «сотрудничества» модусных категорий между собой. Введение понятий «модусного ключа “воспоминание”», «инварианта модусной рамки “воспоминание”» позволило проанализировать функции показателей исследуемой модусной категории в художественном тексте, определить степень их участия в организации текста (текстового фрагмента), в обеспечении его формальной и семантической связности и целостности, а также влияние на композиционный рисунок текста или его фрагмента, т.е. рассмотреть функции языковых средств выражения исследуемой модусной категории в текстоцентрическом аспекте. Изучение соотношения модусного ключа «воспоминание» и темпорального ключа при реализации инварианта модусной рамки «воспоминание» в художественном тексте разных авторов развивает теорию текста.

Практическая ценность полученных результатов настоящего исследования состоит в возможности использования их в курсах филологического анализа текста в школе и в вузе и спецкурсов по семантическому синтаксису, лингвистике текста в вузе, а также в практической лексикографии.

Апробация и внедрение работы. Основные результаты исследования прошли апробацию 1) на конференциях молодых ученых «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении» (Новосибирск, 2012, 2013, 2014, 2015); 2) на Международных конференциях «Филологические чтения» (Новосибирск, 2012, 2013, 2014, 2015); 3) на V Международном

конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2014); 4) на Всероссийской научной конференции «Слово. Словарь. Словесность: Динамические процессы в языке, речи и словаре (к 50-летию издания академического «Словаря современного русского литературного языка»)» (Санкт-Петербург, 2015).

По теме исследования опубликованы статьи:

1) Модус “воспоминание”: статус и взаимодействие с другими модусными категориями (на материале рассказов Е. Гришковца) // Филология и человек. – 2013. – № 2. – С. 139–144.

2) Вводные элементы с семантикой «воспоминание»: семантико-функциональный и динамический аспекты // Вестн. Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – Новосибирск. – 2014. – Т. 13. Вып. 9. Филология. – С. 62–66.

3) О взаимодействии модуса «воспоминание» и ментального модуса // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 4. – С. 241–247.

4) О взаимодействии субъективных смыслов «воспоминание» и «восприятие» (на материале современной художественной прозы) // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение: сб. науч. тр. / под ред. И. П. Матхановой. – Новосибирск, 2013. – С. 150–156.

5) Место модуса «воспоминание» в системе модусных категорий (на материале современной художественной прозы) // Русский язык: исторические судьбы и современность: мат-лы V Международн. конгресса исследователей русского языка / сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М., 2014. – С. 380–381.

6) О синкретизме семантики показателей модуса “воспоминание” // Молодая филология – 2015: сб. науч. тр. / под ред. О. А. Маркасовой. – Новосибирск, 2016. – С. 63–69.

7) Языковые средства выражения модуса «воспоминание» в традиционной и современной лексикографии // Слово. Словарь. Словесность:

Динамические процессы в языке, речи и словаре (к 50-летию издания академического «Словаря современного русского литературного языка»): мат-лы Всероссийск. науч. конф / под ред. В. Д. Черняк. – СПб.: Сага, 2015. – С. 97–101.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, списка словарей и списка источников.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. «ВОСПОМИНАНИЕ» В СИСТЕМЕ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ

Поскольку данная работа посвящена изучению мало исследованной модусной категории «воспоминание», в первой главе предпринята попытка сформулировать определение этой модусной категории, исследовать семантику и средства ее выражения, а также определить ее место среди других модусных категорий.

1.1. Общая характеристика модуса

Во второй половине XX в. особое место в лингвистических исследованиях заняла мысль о субъективности в языке [Бенвенист, 1974], которая базируется на концепции Ш. Балли о том, что в содержании предложения соединены два компонента смысловой структуры предложения: **диктум**, или объективное, отражающее действительность, и **модус**, или субъективное, отражающее отношение мыслящего субъекта к этой действительности: «...мысль нельзя свести к простому представлению, исключаяющему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта» [Балли, 1955. С. 43]. Следовательно, предложение обязательно выражает коррелятивную операцию, производимую мыслящим субъектом над объективным содержанием предложения: его оценку, выражение чувства или воли.

Модус отражает, по точному замечанию В. Г. Гака, «то, что говорится о диктуме, кем, когда, кому, с какой целью, в каких условиях», он включает все субъективно маркированные элементы высказывания, зависящие от интенции Говорящего [Гак, 1978. С. 21].

Близкую мысль высказывает и В. А. Белошапкова, которая считает, что «субъективные значения, исходящие от Говорящего, имеются в каждом предложении; в определенном объеме они составляют обязательный компонент его содержания. Значения же, исходящие от

любого мыслящего субъекта, входят в содержание далеко не каждого предложения» [Белошапкина, 1989. С. 682]¹.

Так, Н. К. Рябцева видит главное предназначение модуса в том, чтобы «воплотить отношение субъекта к диктуму, придать ему необходимую эпистемическую определенность» [Рябцева, 2005. С. 484].

Принадлежность высказывания Говорящему и, следовательно, субъективное отношение автора высказывания к его содержанию, по мнению Г. Я. Солганика, является пресуппозицией любого высказывания, однако при этом модус необязательно часть синтаксической конструкции, это особый слой синтаксического значения, связанный с принадлежностью высказывания к Говорящему [Солганик, 1984].

В. А. Белошапкина намечает список обязательных МК. Выступая в роли автора высказывания, Говорящий актуализирует передаваемое в тексте объективное содержание, т.е. соотносит его с ситуацией речи «я – здесь – сейчас» и выражает целый ряд обязательных субъективных значений:

- 1) предикативность, т.е. реальность / ирреальность и время;
- 2) целеустановку, т.е. вопросительность / невопросительность;
- 3) персуазивность, т.е. достоверность / недостоверность.

Выделяя обязательные субъективные значения, В. А. Белошапкина отмечает их взаимосвязь, что проявляется в неполной свободе их комбинирования. Так, желательность и побудительность – два частных вида значения ирреальности – не сочетаются с вопросительностью, а вопросительность сложно сочетается с персуазивностью [Белошапкина, 1989].

Серьёзный вклад в разработку теории модуса внесла Т. В. Шмелева, представив концепцию организации этого смыслового слоя высказывания как комплекса модусных категорий. Она объединяет модусные категории в

¹Эта же точка зрения отражена в работах многочисленных последователей В. А. Белошапкиной: Т. В. Шмелевой, Н. К. Рябцевой, Т. А. Колосовой и др.

следующие «пучки» (выражение Т. В. Шмелевой) в соответствии с той семантической задачей, которая с их помощью решается:

- 1) актуализационные категории (модальность, синтаксическое время, синтаксическое лицо, пространство)²;
- 2) квалификативные категории (персуазивность, авторизация, оценочность);
- 3) метакатегории;
- 4) социальные категории.

Т. В. Шмелева интерпретирует термин *модус* с помощью удачной метафоры *струнный инструмент*, в котором «обязательно должны звучать все имеющиеся струны, хотя всякий раз каждая дает особый звук. Количество струн определено и неизменно, звучание каждой из них узнается и прочитывается, даже если это молчание. Каждая такая струна и есть модусная категория» [Шмелева, 1988.С. 30].

Как справедливо отмечает Т. В. Шмелева, модусные смыслы могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно и при эксплицитном выражении модус может располагать большим и неоднородным кругом языковых средств.

Вслед за Т. В. Шмелевой мы делим все модусные категории на обязательные и необязательные. Обязательные МК могут быть выражены в высказывании как эксплицитно, так и имплицитно. К ним она относит модальность, синтаксическое время, синтаксическое лицо, персуазивность, авторизацию; к необязательным — оценочность, метакатегории, социальные категории [Шмелева, 1988].

Т. В. Шмелевой также принадлежит важная мысль: «одни модусные показатели комплексны, они выражают сразу несколько модусных значений, затушевывая картину их дифференциации; другие в разных условиях выражают разные модусные значения» [Шмелева, 1988.С. 28].

²Заметим, что комплекс актуализационных значений, составляющий обязательный минимум для каждого предложения (модальность, синтаксическое время, синтаксическое лицо), именуется вслед за В. В. Виноградовым предикативностью [Виноградов, 1975].

Поэтому ее идея о «сотрудничестве» модусных категорий активно поддерживается в современной лингвистике [Стексова, 1992; Гатинская, 1999; Копытов, 2004; Ревякина, 2006; Шацкая, 2008; Никитина, 2013; Ламбарджян, 2017; Боуфал, 2017 и др.]

Несмотря на значительное количество исследований о субъективных элементах смысла высказывания в современном языкознании, в теории модуса есть лакуны: некоторые модусные категории до настоящего времени остаются недостаточно изученными, что совершенно справедливо В. Г. Гак объясняет сложностью описываемого объекта и разнообразием грамматических концепций исследователей [Гак, 1978].

Как отмечает в своей работе Н. П. Перфильева, набор модусных категорий в работах разных авторов варьирует и, более того, список модусных категорий в современной лингвистике открыт [Перфильева, 2006]. Например, выделяют модус важности, воспоминания, ментальный модус, невольности, ожидания, осторожности, согласия, отрицания, странности, метатекст, надежды, представления [Трипольская, 1992; Рябцева, 1993; Падучева, 1996; Стексова, 2002; Вольф, 2003; Матханова, 2005; Перфильева, 2006; Болдырев, 2010; Перфильева, 2012; Перфильева, 2016; Ма Цзиньпин, 2015; Голайденко, 2012; Голайденко, 2015]. Мало исследованной модусной категории «воспоминание» посвящена и данная работа.

Таким образом, вопрос об объеме модуса, а следовательно, о его структурированности, ещё далек от окончательного решения.

Итак, вслед за Т. В. Шмелевой мы определяем модус как комплекс обязательных и необязательных семантических категорий в семантической структуре высказывания, с помощью которых Говорящий выражает свое отношение к описываемой ситуации (или событию), к информации о них, к Адресату, к высказыванию как речевому произведению, а также к собственному речевому поведению. Обязательные модусные категории в высказывании могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно.

Вопрос о количестве категорий модуса остается открытым и нуждается в дальнейших исследованиях.

1.2. Понятие “модусная категория «воспоминание»”

Очень часто мы видим, слышим или иным образом воспринимаем происходящее вокруг нас, а позднее вспоминаем все это, и та или иная причина побуждает нас использовать язык для передачи другим людям того, что мы помним. Иными словами, мы часто ведем беседу об опыте, извлеченном из памяти, например: 1) *Наградили его золотым георгиевским оружием и офицерским Георгием четвёртой степени – я его **помню**: белый тяжёленький крестик* (Д. Гранин. Зубр); 2) *Я **вспоминаю** себя в кухне, когда гости уже вышли, а наши ещё провожают их со двора, в страшной спешке дотпивающего из бутылок последние капли* (Ф. Искандер. Путь из варяг в греки).

Обратимся к модусу «воспоминание», который и является предметом нашего исследования.

Термин *модус «воспоминание»* встречается впервые в работе Е. В. Падучевой, где автор, анализируя художественный текст, отмечает, что данный модус связан с «отступом назад во времени» [Падучева, 1996.С. 348]. Автор соотносит модус «воспоминание» с модусом «знания»: модус «воспоминание» позволяет «оправдать “переключение внимания” своего воспринимаателя на какой-то участок его области знаний» [Падучева, 1996. С. 399].

Первую попытку дать определение модусной категории «воспоминание» сделала Н. П. Перфильева. Модус «воспоминание» мы, вслед за Н. П. Перфильевой, рассматриваем как модусную категорию, обозначающую, что автор обращается к событиям, свидетелем которых он был в прошлом, и маркирует внимание адресата на степени погрешности в точности воспроизведения информации, в её адекватности происходившим

в прошлом событиям, что связано со свойством памяти». По мнению Н. П. Перфильевой, эта категория необязательная [Перфильева, 2012].

Действительно, эта модусная категория является необязательной, потому что может сопровождать далеко не каждую пропозицию, так как связана с «отступом назад во времени», и потому что она эксплицитно выражена, как правило, специализированными показателями (как будет показано в 1.3. – 1.4.), например 1) ***Помню** затем возвращение отца, привезённую им бронзовую модель Эйфелевой башни и рассказы его об этой башне, потрясающие моё воображение* (В. Ходасевич. Младенчество); 2) *Когда я вынужден проявить власть, волю, **вспоминаю**, как этим пользовалась моя мама, – мгновенно помогает* (Ю. Башмет. Вокзал мечты); 3) *Короленко, **насколько я помню**, любил ранние произведения Леонида Андреева, но к позднейшим относился скорее враждебно: слишком уж разные были у обоих писателей темпераменты, литературные вкусы, сюжеты, цели* (К. И. Чуковский. Короленко в кругу друзей); 4) ***В памяти высветился** тот концерт пять лет назад и имя: Мишель Глотц* (С. Спивакова. Не всё).

«Отступ назад во времени» может быть задан для всего текста или его фрагмента при помощи модусного ключа: если вначале содержится указание на обращение к воспоминаниям, то этот сигнал распространяется на все высказывания данного текста (подробнее об этом см. во второй главе), например: 1) ***Я как сейчас помню** случай, когда дряхлый дьякон изрек мне это своеобразное определение: это был один из тех тяжелых и ужасных случаев, с которыми в позднейшую эпоху не только ознакомилось, но почти не расставалось наше семейство. По болезни я одна оставалась дома: была зима и вечер; я скучала, и хлопотавшая около меня Ольга Федотовна позвала для моего рассеяния Марью Николаевну и ее мужа. Сама Ольга Федотовна была очень расстроена событием, которое совершилось в нашем семействе и грозило лечь черным пятном на наше доброе имя <...>* (Н. Лесков. Захудалый род); 2) ***Я сохранил иное,***

тягостное и отвратительно-смешное воспоминание о другом аббате, который, по странной случайности, попался мне несколько дней спустя. Ему могло быть сорок, сорок пять лет, он сел в автомобиль и сказал – поезжайте прямо <...> (Г Газданов. Ночные дороги).

Итак, модус «воспоминание» мы рассматриваем как модусную категорию, отражающую речемыслительную операцию предъявления Говорящим собственного прошлого опыта и маркирующую «внимание адресата на степени погрешности в точности воспроизведения информации, в её адекватности происходившим в прошлом событиям, что связано со свойством памяти». Данная МК является необязательной, поскольку сопровождает не каждую пропозицию.

Далее рассмотрим разнообразные языковые средства выражения модусной категории «воспоминание» с позиции полевой грамматики.

1.3. Ядерные средства выражения модусной категории «воспоминание»

В данном параграфе после общей характеристики системы языковых средств выражения данной модусной категории проанализируем их ядерную зону. Особенности языковых средств периферийной зоны модусной категории «воспоминание» рассмотрим в следующих параграфах под углом зрения двух проблем: а) взаимодействия диктума и модуса высказывания; б) взаимодействия разных модусных категорий.

Впервые список показателей исследуемой МК был намечен Н. П. Перфильевой на небольшом корпусе текстов мемуарной литературы. Она справедливо отмечает, что модусная рамка «воспоминание» легко обнаруживается по таким эксплицитным средствам выражения данной модусной категории, как **помнится**, **помню**, которые выполняют роль вводных элементов или главной части изъяснительной конструкции [Перфильева, 2012]. Приведем примеры: 1) *Очень **помню**, как однажды мы с Карташевым сидели, по дежурству, у дверей залы Собрани*

принимали запись входящих членов (З. Гиппиус. Задумчивый странник (о Розанове)); 2) *У меня, **помню**, даже мурашки забегали по телу* (Ю. Башмет. Вокзал мечты); 3) *Вообще мне **помнится**, что лучшие впечатления от театра я получал не в креслах, а именно «на своих двоих», отставая по три-четыре часа на балконе* (В. Смехов. Театр моей памяти); 4) ***Помнится**, одна здравая мысль тогда сидела в моей голове: не дать майору перехватить инициативу* (Б. Васильев. Оглянись на середине).

Языковой материал показывает, что наиболее частотным показателем модусной категории «воспоминание» в художественном тексте также является лексема **помнить** и ее дериваты **вспомнить**, **припомнить** и др., называющими ментальную операцию.

Множество средств выражения исследуемой МК с позиции полевой грамматики можно рассматривать как полевую структуру. Ядро показателей составляют вводные элементы **помню** и **помнится** (1) *Мальчишкой, **помню**, гонял я сову в овраге* (М. Горький. Фома Гордеев); 2) ***Помнится**, всех тогда озадачил двусмысленный ответ Валерия* (Л. Леонов. Русский лес), поскольку эти лексемы, во-первых, наиболее полно выражают семантику «воспоминание» – обращение Говорящего к событиям, свидетелем которых он был в прошлом, и маркирование внимание адресата на степени погрешности в точности воспроизведения информации, в её адекватности происходившим в прошлом событиям, а во-вторых, не содержат объекта воспоминаний.

Ближняя периферия представлена лексемой **помнить** и ее дериватами и антонимом **забыть**, которые прежде всего являются семантическими предикатами, с одной стороны, а с другой – выражают семантику «воспоминание», например: 1) *Но **помню**, что речь его была неожиданно грубо-простонародной, неправильной* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); 2) *Мне все **вспоминается**, как он топтался, ходил взад-вперед по участку* (Л. Петрушевская. Дядя Гриша); 3) *Были, впрочем, вечера,*

когда **я** вовсе о ней **не вспоминал**: вернее, мысль о Клэр лежала в глубине моего сознания, а мне казалось, что **я забываю** о ней (Г. Газданов. Вечер у Клэр); 4) **Никогда не забуду** выражения растерянности и вместе с тем готовности к сопротивлению, которое было написано у него на лице, когда он выскочил на поверхность воды (Ф. Искандер. Мой кумир).

Как показывает языковой материал, процесс восстановления информации в памяти находит у Говорящего разное языковое воплощение, поэтому периферийная зона модусной категории «воспоминание» широко представлена разнообразными лексическими показателями, со значением ментальной операции припоминания, глагольно-именными оборотами типа *хранить в памяти*, фразеологизованными конструкциями, метафорами, выступающими в значении *помню, вспоминаю*, например: 1) ...как только я слышал что-нибудь, **напоминающее это, я тотчас представлял** себе громадные тёмные залы <...> длинные ночи и утренний барабан <...> (Г. Газданов. Вечер у Клэр); 2) ...**память хранит** те медовые дни, как мёд мне, пришедшему, в сущности, со всяческих Иргизов (Б. Пильняк. Три брата); 3) Я была здесь один раз, **в памяти всплывают** подробности моего единственного визита сюда (Г. Рудых. Такой устойчивый мир); 4) Для начала **я постарался** как можно точнее **воспроизвести в памяти** её позу и понять, насколько сильно она наклонялась – чтобы определить нужный ящик и не ломать лишнего (В. Белоусова. Второй выстрел); 5) **Зачем все это застряло в памяти:** Нюра, навсегда исчезнувшая, ее неведомая тетка, какая-то невестка, чья-то смерть? Но ведь все вместе <...> и составляет громадную нелепицу, вроде нескладно сложенного стога сена, мою жизнь (Ю. Трифонов. Предварительные итоги).

Дальнюю периферию составляют синкретичные показатели других семантических категорий, эксплицитно выражающие значение других МК (темпоральности, ментального модуса, восприятия) и контекстуальную семантику ‘воспоминание’, иначе говоря, находящиеся на пересечении

значений собственной категории и «воспоминание». Так некоторые показатели темпоральности (наречия с временной семантикой *тогда, теперь, раньше, сейчас, никогда, навсегда*; лексические показатели *в детстве, пять лет назад, в 1837 году* и др.) эксплицируют семантику исследуемой модусной категории общей семей 'отступ назад во времени' (***В детстве я очень любил прокуренный запах ее вещей*** (М. Шишкин. Письмовник). Показатели ментального модуса (*знать, узнавать* и др.) в некоторых контекстах также могут выражать значение «воспоминание» (*...и, только сойдя с поезда, на просеке, когда я шла потихоньку, обгоняемая пассажирами, сошедшими вместе со мной, что-то стала узнавать* (Ф. Кнорре. Каменный венок). Обращение к прошлому опыту Говорящий выражает и при помощи глаголов со значением восприятия – *вижу, слышу, чувствую* и др. (*Весь последующий разговор в основной, существенной его части я привожу текстуально, хотя ни тогда, ни потом не записал ни одного слова из него — просто я до сих пор слышу глуховатый, негромкий голос Фарбера, слышу каждую его интонацию, вижу его плохо выбритое лицо, освещенное неярким светом коптящей гильзы, его глаза, руки, его растрепанные, падающие на глаза, давно не стриженные волосы* (В. Некрасов. Случай на Мамаевом кургане).

Как видим, средства выражения модусной категории «воспоминание» разнообразны.

Итак, ядро средств выражения исследуемой МК составляют вводные элементы ***помню, помнится***, поскольку эти лексемы не просто называют ментальную операцию припоминания (***помнить*** – «держать в памяти, не забывать» [Ушаков, 1939; Евгеньева, 1984]; «сохранять, удерживать в памяти, не забывать» [Ожегов, Шведова, 1997]; ***помниться*** – «сохраняться в памяти, не забываться, вспоминаться» [Ушаков, 1939; Евгеньева, 1984]; «сохраняться, удерживаться в памяти, не забываться» [Ожегов, Шведова, 1997]), но и актуализируют внимание на субъективности интерпретации события в результате этой ментальной операции, например: 1) *На клумбах,*

помню, Ленина из маргариток высаживали (М. Елизаров. Библиотекарь); 2) На фамильном склепе одного магната в Галиции я прочел как-то, *помнится*, следующую прекрасную надпись: «*Hie finis est invidiae, persecutions et querelae*» (В. Авенариус. Гоголь-студент); 3) *Помнится*, тогда было начало марта, стояла оттепель и уже несколько дней извозчики ездили на колесах (А. Чехов. Рассказ неизвестного человека).

Называя процесс сохранения информации в памяти, вводные элементы *помню* и *помнится* семантически различны. Например, в контексте *Я, помню*, про один агат подумал: как глаза у женщины, у очень красивой, необыкновенной такой и загадочной женщины, в которую ты, например, влюблен и век готов в ее глаза смотреть (А. Берсенева. Возраст третьей любви) употребляется личный глагол *помню* в форме 1-го лица единственного числа, который выступает в качестве главного члена предложения односоставной определенно-личной предикативной единицы. В данном случае эта форма обозначает, что процесс припоминания непосредственно зависит от воли и желания Говорящего извлечь из памяти сознательно удержанную в ней информацию.

При замене вводного элемента *помню* на безличный глагол *помнится*, получаем трансформу – грамматически и семантически правильное предложение, ср.: *Я, помнится*, про один агат подумал: как глаза у женщины, у очень красивой, необыкновенной такой и загадочной женщины, в которую ты, например, влюблен и век готов в ее глаза смотреть. Однако смысловые акценты расставлены иначе: процесс припоминания здесь интерпретируется как результат действия внешних сил, в отрыве от деятеля, как будто сам собой, и характеризуется безотчетностью, неосознанностью причин, что непосредственно обусловлено типовым значением безличного предложения. Активное действие в ментальной сфере *помню* трансформируется в непроизвольное состояние *помнится*.

Таким образом, будучи близкими по значению, рассматриваемые вводные элементы не являются в полной мере взаимозаменяемыми. Они

имеют семантические различия: произвольность и произвольность ментальной операции припоминания. Выбор исследуемых вводных элементов во многом определяется коммуникативной задачей, поставленной автором высказывания: в одном случае подчеркивается намеренность предъявления воспоминаний, в другом – его стихийность.

К ядру показателей МК «воспоминание», относятся и другие вводные единицы, например: (1) *Одну из них, **я помню**, звали Грета* (С. Довлатов. Наши); (2) *Мне тогда стало – **помню** – только скучно очень, и такая лень напала на меня* (М. Горький. Старуха Изергиль); (3) *Так вас как будто нет. Вы, **насколько помню**, сейчас в мэрии* (С. Данилюк. Бизнес-класс); (4) *Никакой священник, **сколько помнится мне**, в театр не поступал, но зато некий Жорж Пинель действительно выкинул с отцом Покленом престранную штуку* (М. Булгаков. Жизнь господина де Мольера). Как видим, исследуемый языковой материал позволяет отметить, что такие показатели модусной категории «воспоминание» представляют собой нераспространенные или распространенные предикативные единицы, построенные по моделям двусоставного предложения (1), односоставного определенно-личного предложения (2) и (3) и односоставного безличного предложения (4).

Вводные единицы, выражающие семантику «воспоминание», в предложении могут занимать инициальную позицию, интерпозицию и, – довольно редко – постпозицию, маркируя таким образом значимые для Говорящего детали сообщаемой информации, например: 1) ***Помню**, чья-то сильная рука тащит меня к освещенному трактиру* (А. Чехов. Устрицы); 2) *Час, **помню**, уже третий. Иду я пешком, благо близко <...>* (Д. Быков. Орфография); 3) *Я как услышал, что она из Башкирии, разозлился, **помню*** (Р. Сенчин. Квартирантка с двумя детьми).

Наиболее сильно значение вводности, по обоснованному мнению В. В. Бабайцевой, в интерпозиции, поскольку «в препозиции вводные конструкции сохраняют многие свойства тех единиц языка, на базе которых

они сформировались, поэтому иногда трудно отграничивать сложное предложение от предложений с вводными единицами» [Бабайцева, 2011. С. 364]. Ср.: ***Я помню**, на полном серьезе он дискутировал на эту тему* (С. Шаргунов. Ура!); *За него меня просил, **я помню**, Архаров* (Н. Гейнце. Коронованный рыцарь). В первом примере ***я помню*** относится ко всему высказыванию в целом, т. е. для Говорящего имеет значение все произошедшее, в то время как во втором примере вводный элемент выполняет прагматическую функцию актуализации – акцентирует выделение части высказывания: Говорящий, подчеркивая важную для него деталь, обращает на нее внимание собеседника (***я помню**, Архаров*).

Итак, средства выражения МК «воспоминание» имеют ядерную и периферийную зоны.

Ядерным средством выражения исследуемой МК являются вводные элементы ***помню**, **помнится*** и другие вводные единицы на их базе, поскольку они, во-первых, акцентируют внимание на самой ментальной операции воспоминания, а также указывают на субъективность интерпретации событий в результате этой ментальной операции, а во-вторых, наиболее точно эксплицируют модусный смысл «воспоминание» и не имеют объекта воспоминания.

Лексемы ***помнить**, **помниться*** семантически нетождественны, различаясь семами ‘случайность / неслучайность обращения к воспоминаниям’. Выбор той или иной лексики зависит от коммуникативной задачи Говорящего: намеренность или произвольность предъявления воспоминаний. Исследуемые вводные элементы, занимая разную позицию в предложении, акцентируют внимание на наиболее значимой для Говорящего информации.

1.4. Периферийные средства выражения модуса «воспоминание»

Вопрос о периферии средств выражения модуса «воспоминание» связан с двумя актуальными проблемами семантического синтаксиса:

1) разграничение / взаимодействие диктума и модуса; 2) взаимодействие модусных категорий.

Данный параграф рассматривает периферийную зону средств выражения исследуемой модусной категории под углом первой обозначенной проблемы – разграничение / взаимодействие диктума и модуса.

В своей работе о категориях модуса предложения В. Г. Гак, ссылаясь на Ш. Балли, указывает на взаимную обусловленность (дополнительность) модуса и диктума в аспекте содержания и их возможное взаимопроникновение в аспекте выражения, доходящее в ряде случаев до полного синкретизма. К тому же диктальная часть может, в свою очередь, подвергаться трансформациям, так что иногда трудно отделить трансформацию, относящуюся к диктуму, от той, что касается модуса [Гак, 1978].

О сложности разграничения диктума и модуса пишет и Т. В. Шмелева: <...> «модус – это позиция в семантической структуре предложения. Назвать смысл среди модусных – значит указать на то, что он может оказаться в позиции модуса. Но это не значит, что такого рода содержание не может составить диктума предложения. Так, внимательный читатель отметит, что оценочность может быть представлена в Л-пропозиции, ср.: *Плохо, что дядя Миша уехал один* и *Дядя Миша играл в шахматы очень плохо* (Ю. Трифонов) – предикатное слово *плохо* в первом предложении составляет модус, во втором – занимает позицию квалификатора в диктуме» [Шмелева, 1988. С. 35].

Мысль о том, что модусное содержание может составить диктум предложения, близка и М. В. Всеволодовой: по ее мнению, предикаты типа *думать, знать, возможно, казаться, верно, ложь, хотеть, трудно сказать* и т.п., представляющие категории авторизации, модальности и оценки, могут быть диктумом высказывания [Всеволодова, 2000].

Рассматривая взаимодействие диктума и модуса, Г. А. Золотова – отмечает, что при совпадении точек зрения наблюдателя и Говорящего «модусная рамка отсутствует, модус оказывается “растворенным“ в компонентах модели, выражающей содержание диктума, например: *Когда лейтенант заснул, двери во всех купе закрылись и в теплом и ослепительном вагоне настало монотонное дорожное бормотание, Тальберг вышел в коридор...* (Булгаков)» [Золотова, Онипенко, 2004. С. 279].

Вопрос о взаимодействии диктума и модуса обычно возникает в связи с категориями авторизации и оценочности. Этим отчасти объясняется сложность в квалификации этих смыслов с точки зрения их принадлежности к диктумному или модусному содержанию высказывания.

С проблемой разграничения диктума и модуса высказывания связан и вопрос о периферийной зоне языковых средств выражения модусной категории «вспоминание», поскольку ближнюю периферию составляют ментальные глаголы **помнить** и его дериваты, лексема **забыть**, а также лексические показатели, со значением ментальной операции припоминания, которые могут быть главным членом предложения или входить в главную часть изъяснительной конструкции, фразеологизованные конструкции, метафоры, выступающие в значении *помню, вспоминаю*.

Глагол **помнить**, его дериваты и синонимичные глагольно-именные сочетания выступают регулярно в качестве предиката в пропозиции ментального действия, т.е. являются диктумной составляющей высказывания, например: 1) *Родился он под стенами Старого Города, у мельницы Монтефиори, и первый вид из окна, который он **помнит**, был вид на Сионские Ворота* (Л. Улицкая. Веселые похороны); 2) ***Помнится ему** маленький домик, спальня, в которой он спал против отца* (В. Гаршин. Ночь); 3) *Пусть **припомнит** он, как горько для молодого самолюбия чувствовать себя всегда последним, как бы обойденным; пусть*

припомнит он, как тяжело то безмолвное отречение от участия в товарищеских складчинах и пирушках, на которое обречен бедный школьник (М. Салтыков-Щедрин. Тихое пристанище); 4) Павел Алексеевич **вспомнил** о недавней пациентке, молодой еврейке, родившей второго ребёнка с болезнью Гоше (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); 5) И как живая картина, **стоит эта сцена у меня в памяти**: ярко озаренная прихожая, я, не знающий, что делать с непринятой моей рукой, справа мальчик, слева мальчик, глядящие оба не на гостя, а почему-то на меня <...> (В. Набоков. Соглядатай); 6) И порванные письма не исчезли, десятки раз читанные слова **остались в памяти**, и глаза её по-прежнему смотрели на него с порванных фотографий (В. Гроссман. Жизнь и судьба). В приведенных примерах реализуется пропозиция действия в ментальной сфере, где субъект – не 1-е лицо. Другими словами, информация, извлекаемая из памяти, не принадлежит Говорящему. В этом случае можно говорить только о диктумной составляющей высказывания.

Однако рассматриваемый глагол **помнить** и его дериваты в форме 1-го / 2-го лица или в форме прошедшего времени в сочетании с местоимением *я* (для **помнить**) и в форме 3 лица или в форме прошедшего времени в сочетании с местоимением *мне* (для **помнится**), будучи ментальными предикатами, выступают одновременно и как показатели модусной категории «воспоминание», например: 1) *Я помню лестницу, пахнущую кошками и нечистотами, но чугунные тонкие решётки на полукруглых окнах были изысканны, как рисунки Бердслея* (Ю. Трифонов. Предварительные итоги); 2) *Помню ещё один его рисунок: охотник, наклонившись набок, скачет на лошади: прямо перед ним две борзые набегают на волка* (Г. Газданов. Вечер у Клэр); 3) *А мы помним, как заикался в прошлый вторник пианист* (В. Маканин. Удавшийся рассказ о любви); 4) *Я помнил его всего целиком, его кудлатость и сумасшедшие наряды, и где он любил сидеть, и громкое чавканье, но черты лица стерлись из памяти* (М. Петросян. Дом, в котором...); 5) *Я вспомнила*

бабское бледное лицо, стриженую макушку школьника, мягкие ручки, суетливым и тоже каким-то женским движением натягивающие на живот вязаный жилет (Д. Рубина. Наш китайский бизнес); 6) *Милиционер пошел в ближнюю телефонную будку. Светло-серую. Странно, что все так подробно **помнится**, будто сейчас. Светло-серые – и будка, и снег. И небо* (И. Грекова. Перелом); 7) *Я рассматривал лежащую на деревянном блюде мягкую, окровавленную опухоль, и вдруг **мне припомнился** наш деревенский староста Влас, ярый ненавистник медицины и врачей* (В. Вересаев. Записки врача).

Как видим, во всех приведенных примерах глаголы **помнить**, **помниться**, называющие процесс припоминания, и их дериваты являются предикатами в пропозиции ментального действия, в которой есть обязательный объект-актант (выделен подчеркиванием в примерах). Так, в первом контексте, где данная пропозиция представлена следующим образом: ментальный предикат (*помню*), субъект (*Я*, т.е. Говорящий), объект (*лестницу*). Однако воспоминания принадлежат непосредственно Говорящему, и то, что сохраняется в памяти, а потом предъявляется, есть своего рода интерпретация Говорящим событий собственного прошлого опыта. По справедливому замечанию У. Чейфа, интерпретация имеет место в процессе вербализации минувших событий [Чейф, 1983]. В последнем примере субъект пропозиции ментального действия – «*Вы*», т.е. на первом месте адресат, но «*Я*» – Говорящий фоново присутствует в высказывании, значит, **помните** – также выражает модус высказывания.

Хотя подобные примеры в эмпирической базе исследования преобладают, тем не менее они относятся к ближней периферии выражения исследуемого модуса: ядерные средства выражения не содержат объекта воспоминаний. Ср.: 1) *И я, высокомерный сноб и непобедимый скептик, **помню**, подумал: пусть лучшие со мной* (А. Найман. Все и каждый); 2) ***Помнится**, я шёл домой, ни о чём не размышляя, но с*

странной тяжестью на сердце, как вдруг меня поразил сильный, знакомый, но в Германии редкий запах (И. Тургенев. Ася).

Пропозиция ментального действия с предикатом *помню* может быть оформлена и как базовая часть высказывания, и как вставка, например: 1) *Ее называли «царица Тамара», и правда, имя очень ей шло. Это была молодая женщина изысканной утомленной красоты, с прекрасной фигурой какой-то особенной стати (**помню прогулочный ход дымчатых ног с безупречными стрелками – такие ноги доставали у спекулянтов**)* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); 2) *Когда мы привезли свои вещи и мебель, а у нас тогда было всего не много, и стали таскать всё, что привезли наверх (**помню, что лифт в тот день не работал**), Володя радостно выскочил из своей квартиры* (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами)³. Поэтому модусная рамка «воспоминание», о чем речь во второй главе, регулярно вводится и вставными конструкциями.

Таким образом, лексема *помнить* и ее дериваты выражают значение модусной категории «воспоминание» в случае, когда субъект пропозиции – Говорящий, т.е. представляют периферию показателей исследуемой МК, поскольку расположены на пересечении диктума и модуса высказывания.

Это условие распространяется не только на описанные глаголы, но и антоним *забыть*, его дериваты (в значении “перестать помнить” или “упустить из памяти” [Ожегов, Шведова, 1997]), а также глаголы *представляется, представляю* («воспроизвожу в мысли» [Ожегов, Шведова, 1997]), например: 1) *Много ли таких дней **помню** я? Очень, очень мало, утро, которое **представляется** мне теперь, складывается из отрывочных, разновременных картин, мелькающих в моей памяти* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева); 2) *Забыла ее имя и лицо смутно **представляю**, но вот сына ее **помню** отлично* (Д. Рубина. На верхней Масловке); 3) *Эту молитву я **помнил** и повторял долго, почти до юности,*

³О размытости границ между вставками и вводными конструкциями см. Перфильева, Н.П. Семантико-прагматические потенции вставок // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знаков в тексте: сб. научн. тр. / под ред. Т.А. Трипольской. Новосибирск: Изд. НГПИ, 1994. С. 38–46.

но однажды я вник в ее смысл, понял все ее слова, – и как только понял, сразу **забыл**, словно нарушил какие-то невозстановимые чары (В. Набоков. Дар); 4) После таких состояний я надолго **забывал о них** и возвращался к ежедневным моим заботам и к сборам в отъезд, если наступало лето, – потому что каждый год во время каникул я ездил на Кавказ, где жили многочисленные родные моего отца (Г. Газданов. Вечер у Клэр).

Подобных примеров в эмпирической базе исследования немного, но они значимы, так как не только выражают утрату информации Говорящим. Семантика сочетания **не забыть** почти не связана с ментальной сферой, если опираться на лексикографические источники: **не забыть** – «попомнить, отомстить» [Шведова, 1998]; «припомнить, попомнить» [Ожегов, Шведова, 1997]; «не забуду (забудешь и т. п.) кому чего – не прощу» [Ушаков, 1939]; «**Не забыть** – 1) (кого) вознаградить, оказать услугу, покровительство; 2) (кому чего) не простить кому-л. чего-л» [Евгеньева, 1984].

Между тем сочетания **не забыть, не забываться** в значении «сохранять, удерживать в памяти; сохраняться, удерживаться в памяти» синонимичны лексемам **помнить, помниться**, например: Ты Машу свою **помни** – другой такой подруги тебе не найти – и я тебя **не забуду**, сокола моего (И. Тургенев. Конец Чертопханова).

Иногда сама операция **вспоминания** обозначается с помощью фразеологизованных конструкций и глагольно-именных оборотов типа **хранить в памяти**, например: 1) **В моей памяти** заозерское рождество **сохранилось** хмельным зимним праздником живота, праздником еды и гулянок (Е. Пермяк. Бабушкины кружева); 2) Ну, живёт же за таким вот типовым окном Гера, со всем земным шаром, который **застрел в его памяти** у него в голове, и никак **из** этой головы и **памяти не вылетит**. Как сам Гера **из моей** (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами); 3) В просверке молнии, не сгорая, не вздрагивая ресницами, **отпечатается**

в моей памяти этот незавершённый лик вроде как от ацтеков или инков дошедшего или, уж точнее, долетевшего до нас создания, на котором лежало то же, как у древнего народа, покорное ожидание беды и согласие принять её безропотно (В. Астафьев. Обертон). Эти языковые средства могут быть употреблены и как модусные. Ср.: *Я* никогда не называл её полным именем — слово «Вероника» для *меня* было ботаническим термином и *вызывало в памяти* удушливо пахнущие белые цветы с оставшейся далеко в детстве южной клумбы (В. Пелевин. Ника).

В художественном тексте та же операция может быть передана и как развернутые метафора или сравнение, например: 1) *Я забывал, где я, и когда вспоминал, то проходил какую-то стадию предвоспоминания, как будто бы я ночью посреди большой воды на барже или что-то в этом роде, изолированное и безвольное, как маленькая волна или воздушный шар* (А. Битов. Глухая улица); 2) *Боже мой, я уже с трудом собираю части прошлого, уже забываю соотношение и связь еще в памяти здравствующих предметов, которые вследствие этого и обрекаю на отмирание* (В. Набоков. Дар); 3) *Но когда я подсчитываю, что теперь для меня уцелело из этой новой поэзии, то вижу, что уцелело очень мало, а именно только то, что естественно продолжает Пушкина <...>* (В. Набоков. Дар). Метафорически может быть представлен не только процесс восстановления информации, но и процесс ее утраты, например: *Я позабыла тот город, он заштрихован моей угрюмой памятью как пейзаж — дождевыми каплями на стекле* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

Итак, квалификация рассмотренных средств (ментальных предикатов *помнить, вспомнить, припомнить* и других дериватов, глагольно-именных оборотов, лексемы *забыть*) как периферийных средств выражения модусной категории «воспоминание» связана с проблемами разграничения диктума и модуса. Они составляют ближнюю периферию

МК и выражают субъективный смысл при условии, если субъект пропозиции – Говорящий.

В область ближней периферии входят и менее частотные средства выражения исследуемой модусной категории, как лексемы *представляю*, *представляется*. Сочетание *не забыть* эксплицирует не только значение «воспоминание», но и может содержать эмоциональную оценку Говорящим сообщаемой информации и выражать степень ее значимости.

Среди показателей исследуемой МК, составляющих ближнюю периферию языковых средств ее выражения, встречаются фразеологизованные конструкции и развернутые метафоры

В данном параграфе мы описали не все периферийные средства выражения модусной категории «воспоминание». Остальные средства выявляются при исследовании проблемы взаимодействия «воспоминания» и других модусных категорий (см. параграфы 1.5. – 1.10).

1.5. Взаимодействие модусных категорий «воспоминание» и авторизации, «воспоминание» и личности

О значении «воспоминание» мы встречаем информацию в исследованиях по разным МК.

Так, например, Р. Якобсон, рассматривая эвиденциальность как категорию, указывающую на источник сведений о сообщаемом факте, в качестве одного из таких источников называет память [Якобсон, 1972].

Е. И. Беляева выделяет несовершенство памяти как фактор, обуславливающий ситуацию проблематической достоверности, когда Говорящий «считает, что его знания о действительности недостаточны для утверждения истинности пропозиции» и «пытается вспомнить прошедшие события» [Беляева, 1990. С. 169].

Анализируя реализацию в диалектной речи модусной категории авторизации З. Р. Латфулина отмечает, что «характерным признаком высказываний, в которых осуществляется «ситуация воспоминания»,

является наличие авторизационных показателей, указывающих на носителей информации», а также что «компонент ‘память’ синтезирует комплекс субъективных смыслов, в первую очередь, авторизационных» [Латфулина, 2014. С. 24–25].

Категория авторизации широко исследована в лингвистике и продолжает вызывать интерес ученых [Золотова, 1973; Шмелева, 1988; Перфильева, 1991; Арутюнова, 1992; Арутюнова, 2000; Всеволодова, 2000; Филатова, 2000; Копытов, 2004; Шацкая, 2008; Етко, 2008; Сыроватская, 2009; Демешкина, 2013а, 2013б; Волошина, 2013; Гнездечко, 2015; Гричин, Демешкина, 2016; Гричин, 2017; Боуфал, 2017 и др.]

Впервые авторизацию описала Г. А. Золотова, определяя суть этого явления в том, что «в предложение, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» [Золотова, 1973. С. 263]. Не предлагая систематического и полного описания авторизации, исследователь описывает ее структурные модели.

Т. В. Шмелева относит авторизацию к одной из квалификативных модусных категорий, предполагающей квалификацию источника излагаемой информации как своей / чужой, а также способа её получения [Шмелева, 1988]. В этом плане в языке за стандарт принято изложение информации «от себя», поэтому специальные показатели предусмотрены только для нестандартных случаев — изложения чужой информации, цитирования.

Т. А. Демешкина рассматривает авторизацию с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, квалифицируя ее «как категорию когнитивного уровня» [Демешкина, 2013. С. 34], определяя ее как «речевое средство, маркирующее в тексте элементы когнитивно-дискурсивной деятельности автора-ученого, состоящей в воплощении в тексте формирующегося

знания, структурированного в соответствии с авторской концепцией, картиной мира и погруженного в эпистемические условия его порождения» [Гричин, Демешкина, 2016. С. 6].

Другой точки зрения придерживается М. В. Всеволодова. Не отрицая очевидной связи авторизации с модусом, ученый отмечает, что авторизация не сводится к выражению только модусных смыслов и что, обычно входя в диктум высказывания, она составляет определенную часть его содержания, тогда как модусные категории не являются специальным предметом информации, они её сопровождают [Всеволодова, 2000].

Несмотря на разные подходы, все исследователи сходятся в одном: авторизация – это обязательная модусная категория.

Вслед за Т. В. Шмелевой мы понимаем авторизацию как обязательную модусную категорию, квалифицирующую источник излагаемой информации в плане оппозиции «свой / чужой», а также способа её получения.

Мысль о связи МК «воспоминание» с такими МК, как авторизация и достоверность принадлежит Н. П. Перфильевой.

Спаянность модусных категорий «воспоминание» и авторизации на материале мемуарной литературы Н. П. Перфильева объясняет с позиции лингвистической прагматики: дело в том, что в мемуарном тексте цитирование играет прагматическую роль, т.е. создаёт эффект достоверности, фактической точности, документальности [Перфильева, 2012], например: *Очень хорошо Анна Андреевна говорила о Петербурге, который помнит почти со времён Достоевского – «с девяностых годов, десять лет не составляют разницы. Тогда было много вывесок – на Троицкой (теперь Рубинштейна) – каретников. Все дома в вывесках. Потом устроили комсомольский субботник, архитектура города обнаружилась – хорошая архитектура, наличники, кариатиды; но что-то ушло, стало мертвей. Достоевский его видел ещё в вывесках»* (Вяч. Иванов. Встречи с Ахматовой).

Как показывает материал художественной литературы, извлеченная из памяти информация в плане оппозиции «свой / чужой» регулярно квалифицируется Говорящим как «своя» (сема ‘говорящий’ называет обладателя предъявляемых воспоминаний), например: 1) **Я, помню**, даже испугаться не успел, а от возмущения чуть не задохнулся (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова); 2) **Мне, помнится**, досталась полная спокойствия и достоинства роль Леонтия Щеткина (В. Солоухин. Капля росы); 3) Только вот **помню**, что жалко очень кого-то было... А кого, почему – пусто (Д. Глуховский. Метро 2033); 4) **Вспоминаю** каждый твой шаг, улыбку, взгляд, звук твоей походки (А. Куприн. Гранатовый браслет); 5) Тот Кисловодск, который я видел в детстве, **остался в моей памяти** белым зданием с чувствительными надписями (Г. Газданов. Вечер у Клэр); 6) **Помните** знаменитые “башмаки”, сколько в них деталей прошлого? (Н. Щербак. Роман с филфаком). В первом, втором и пятом примерах авторизационные показатели **я, мне, моей** маркируют воспоминания Говорящего в плане оппозиции «свой / чужой» как «свои». В первом, третьем, четвертом и шестом примерах принадлежность извлеченной из памяти информации Говорящему эксплицирует форма 1-го и 2-го лица показателей модусной категории «воспоминание» **помню, вспоминаю, помните**. В последнем примере Говорящий, как один из обладателей воспоминаний, побуждает адресатов обратиться к общим для них реалиям прошлого. Как видим, во всех приведенных примерах Говорящий предъявляет собственный опыт. Иными словами, извлеченная из памяти информация квалифицируется с точки зрения оппозиции «свой / чужой» как «своя», что позволяет говорить о тесном взаимодействии (а точнее, спаянности) модусных категорий «воспоминание» и авторизации.

Как видно из приведенных выше примеров, Говорящий может предъявлять как собственные воспоминания (1) *Живо я помню эту Татьяну, помню ее высокую стройную фигуру, ее благообразное, строгое, умное лицо с большими темными глазами* (И. Тургенев. Ася); 2) **Я**

припомнил довольно изящные, чепушинные стишки, которые я для нее писал, когда она была ребенком (В. Набоков. Лолита), так и воспоминания, общие для группы людей (**Мы помним** только, что в тот час лицо Николая Горимировича – после того как он начал читать объяснительную — стало каким-то иным (С. Соколов. Школа для дураков), что свидетельствует о взаимодействии модусных категорий «воспоминание» и личности.

Категория личности связана с семантикой лица и рассматривается в русистике как обязательная модусная категория [Золотова, 1973; Ильенко, 1975; Шмелева, 1984; Бондарко, 1991; Бондарко, 2011; Коньшина, 2001; Маркасова, 2002; Архипов, 2005; Серебрякова, 2005; Малычева, 2009; Тихонова, 2010; Лаврова, 2010; Ваулина, 2013; Харабаева, 2015 и др.].

Подробно ее описал А. В. Бондарко, принципиально разграничивая понятия морфологическое лицо и более широкое – личность – как группировку разноуровневых морфологических, синтаксических, лексических, а также комбинированных лексико-грамматических средств данного языка, служащих для выражения различных вариантов отношения к лицу [Бондарко, 1991].

Вслед за А. В. Бондарко мы рассматриваем личность как обязательную модусную категорию, характеризующую участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи – прежде всего Говорящему.

Описывая категорию личности, А. В. Бондарко подчеркивает, что семантика лица базируется на отношении пересечения / непересечения участников обозначаемой ситуации с участниками акта речи, где под пересечением подразумевается отношения тождества (например, указание на то, что субъект ситуации — Говорящий) или включения (например, указание на то, что субъект ситуации — группа лиц, включающая Говорящего). Непересечение с говорящим лицом может означать либо

пересечение со слушающим, либо отнесенность ситуации к лицам, не участвующим в акте речи («третьим лицам»), или к предметам внешнего мира. То или иное отношение к лицу устанавливается с точки зрения Говорящего и ориентируется прежде всего на говорящее лицо как центральную фигуру речевого акта. Этим определяется сущность персональности как актуализационной категории [Бондарко, 1991].

Основными средствами выражения семантики лица, как известно, являются грамматические формы лица глаголов и личные местоимения в роли подлежащего, в качестве периферийных средств выражения персональности выступают формы личных местоимений в косвенных падежах, формы возвратного и притяжательных местоимений.

К числу синтаксических средств выражения персональности относится опосредствованное выражение отнесенности к лицу, заключенное в деепричастных, инфинитивных с императивным значением (*Встать!*), безглагольных (*Марш!*; *Брысь!*, *Руку!*) конструкциях.

Лексические элементы персональности выступают в разнообразных сочетаниях с глагольным и местоименным лицом, они могут определять реальную отнесенность содержания высказывания к Говорящему (*наш брат*, *ваши покорный слуга* и т.д.) и передавать отношение к слушающему: (*ваша милость*, *ваше сиятельство*, *автор этих строк* и т.д.).

Вслед за А. В. Бондарко мы считаем, что к крайней периферии средств выражения категории персональности относятся формы безличности. Особенно автор отмечает безличные конструкции, включающие дополнение в форме дательного или винительного падежа личного местоимения или существительного со значением отнесенности действия или состояния, обозначенного безличной формой, к 1-му. 2-му или 3-му лицу.

Семантика персональности может реализовываться не только в отдельном высказывании, но и на уровне целого текста с помощью определенного ключа персональности. Как справедливо отмечает

А. В. Бондарко, «персональность высказывания и персональность текста – характеристики, находящиеся в отношениях взаимодействия». Существуют типы текстов и типы речи, характеризующиеся определенным ключом персональности, например, повествование в условном 1-м лице или живой рассказ от реального лица [Бондарко, 1991.С. 12]. Действительно, в контексте *Вот **живешь ты** у себя в Солт-Лейк-Сити лет эдак тридцать, а **снится тебе** ночами Шейхантаур, сине-лазурный орнамент на мавзолее шейха Хавенди Тохура... кладбище, мечеть...* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы) изложение характеризуется образным включением адресата-читателя в повествование. В контексте ***Я** и в хоре пела всегда в альтах, во втором ряду. **Вы помните**, конечно, эти немолчные хоры на районных конкурсах школьных коллективов? Если нет, **я напомню**...* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы) соотносятся лица я и вы: перед нами живой рассказ реального лица, но адресат – активный участник повествования (*Вы помните <...> Если нет, я напомню* – т.е. предполагается ответ адресата). Далее этот текст строится с учетом активной вовлеченности адресата в повествование.

Как показывает языковой материал, Говорящий, обращаясь к событиям прошлого, может предъявлять не только личные воспоминания, но и воспоминания, которые являлись своеобразным фоном, на котором разворачивались те или иные события. Такие контексты позволяют исследовать не только взаимодействие модусных категорий «воспоминание» и персональности, но и соотнесенность диктума и модуса. Приведем примеры: 1) ***Я помню** записи в его студенческом дневнике* (С. Довлатов. Наши); 2) ***Помню** до сих пор эти несколько мгновений удушающей тишины, громыхание накрахмаленной рубашки и какое-то раздражение на жену за то, что она всегда мне чуть-чуть перекрахмаливала рубашки, и – удивительное дело! – ощущение какого-то неудобства, что я так непочтительно переодеваюсь на глазах этого человека, и сквозь все эти ощущения – напряжённо пульсирующую*

тревожную мысль: не спеши, ничем не выдавай тревоги (Ф. Искандер. Летним днем); 3) *А помните* это мерзкое стихотворение для лучшего запоминания названия надежд? Ну, это: Иван Родил Девчонку Велел Тащить Пелёнку Гадость какая! (Е. Гришковец. Дарвин).

В приведенных примерах диктум представлен пропозицией ментального действия, в которой есть позиции предиката (*помню*), (субъекта) и объекта. В первых двух примерах субъектом является Говорящий, а в последнем примере субъект пропозиции ментального действия (*Вы*) выражен флексией глагола, которая указывает на то, что субъектом является не только адресат, но и Говорящий. Как видим, воспоминания так или иначе принадлежат Говорящему, что доказывает наличие субъективной составляющей высказываний, т.е. модуса.

Следовательно, в приведенных контекстах, если их анализировать под углом зрения взаимодействия модусных категорий «воспоминание» и персональности, форма 1-го лица единственного числа *помню* указывает на то, что речь идет только о воспоминании Говорящего, а форма 2 лица *помните* указывает на то, что речь идет не только о воспоминании адресанта, но и побуждении адресата вспомнить.

Встречаются также контексты, которые представляют собой побудительные или вопросительные предложения и содержат фоновые, общие для определенной группы людей воспоминания, например: 1) *Вспомни* ту реденькую полуводяную – без единой звездочки жира! – ячневую или овсяную кашницу (А. Солженицын. В круге первом); 2) — *Помнишь ли, Дунюшка, еще в прошлом году ты меня спрашивала, что такое значит «духовный супруг», – продолжала Марья Ивановна* (П. Мельников-Печерский. На горах); 3) *До этого она не могла ничего помнить, хотя впоследствии, в хорошие минуты, мать и рассказывала довольно подробно о жизни их в Джизаке, и спрашивала разочарованно: «Не помнишь? Неужели не помнишь?»* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Последний контекст, по форме представляющий собой

вопрос, содержит не просто побуждение, но и аксиологическую оценку того, что собеседник не обладает известной Говорящему информацией. Следовательно, в данном случае взаимодействуют сразу несколько модусных категорий – «воспоминание», персональность и оценочность.

Иногда указание на 1 лицо выражается притяжательным местоимением *мой*. Например, в контексте *Эти ботинки издавали при каждом шаге даже не скрип, а визг. Причём, визг правого был выше визга левого. Этот визг знал и **помнил** каждый студент филфака, учившийся в **мою** бытность* (Е. Гришковец. Декан Данков), несмотря на то что значение обобщенного лица выражено лексически (*каждый студент филфака*), речь идет о воспоминаниях Говорящего.

Кроме того, Говорящий может с помощью соотносительной пары выразить то, что его воспоминания ситуативно-фоновые, например: ***Я помню**, что во время моего детства, когда мы жили с родителями в общежитии, так часто делали студенты, приехавшие из деревень и посёлков. Тогда это **считалось** чуть ли не модным* (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами). На принадлежность воспоминаний Говорящему указывает форма 1-го лица единственного числа *помню*, а то, что эти воспоминания – примета времени, и значит, достояние многих, обозначает лексический показатель *считалось*.

Итак, МК «воспоминание» тесно взаимодействует с категориями авторизации и персональности.

В первом случае «сотрудничество» МК может быть эксплицировано формой 1-го и 2-го лица показателей «воспоминание», а также сочетанием языковых средств выражения исследуемой МК с различными формами местоимениями *я, мой*. Кроме того, наличие семы 'говорящий' позволяет квалифицировать извлеченную из памяти информацию в плане оппозиции «свой / чужой» как «свою».

Говорящий предъявляет как свои воспоминания, так воспоминания, являющиеся ситуативно-фоновыми для группы людей, в чем проявляется

взаимодействие «воспоминание» и личности. Показатели исследуемой модусной категории указывают на то, что воспоминания принадлежат Говорящему, что выражено формой глагола 1-го лица единственного числа. Однако они, будучи выраженными формами 2-го лица единственного / множественного числа, указывают на воспоминания, являющиеся общими для группы лиц. Часто Говорящий побуждает адресата вспомнить с помощью побудительных или вопросительных предложений, которые также содержат фоновые воспоминания, общие для определенной группы людей.

1.6. Взаимодействие модусных категорий «воспоминание» и темпоральности

Поскольку модусная категория «воспоминание» связана с событиями, свидетелем которых автор был в прошлом (по Е. В. Падучевой «отступ назад во времени»), далее рассмотрим вопрос о взаимодействии «воспоминания» и темпоральности.

Категория темпоральности достаточно глубоко и разнопланово изучена в русистике и квалифицируется как обязательная категория [Виноградов, 1972; Грамматика, 1970; Шмелева, 1988; Голубева, 1989; Бондарко, 1990; Панков, 1996; Борисова, 1997; Золотова, 2002; Сударева, 2007; Морараш, 2009; Смирнов, 2010; Ефремова, 2014; Мордкович, 2015 и др.].

Вслед за А. В. Бондарко семантическую категорию, отражающую восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи Говорящего или иной точки отсчета, мы рассматриваем как темпоральность. Момент речи Говорящего является основной исходной точкой отсчета временных отношений, например: *Ваня, Ванечка, дико, странно, но я завидую тебе, завидую тому, что в страшном лагере ты не должен был подписывать подлых писем, не голосовал за смертную казнь невинным, не выступал с подлыми*

речами (В. Гроссман. Все течет). Глагол *завидую*, который называет действие в момент речи, является своеобразным началом отсчета на оси времени в системе координат категории темпоральности.

В роли исходного пункта временной ориентации может также выступать какой-то иной момент, представляющий собой вторичный исходный пункт временной ориентации, производный от основного, первичного [Бондарко, 1990], например: *Макс исчезал, только чтобы не сказать «нет» <...>, но это я узнаю о нем позже* (Е. Гришковец. Зависть // Следы на мне). Тот, иной, момент, о котором идет речь, представляет собой вторичный исходный пункт временной ориентации, производный от основного, первичного. Так, в первом примере Говорящий во временном плане противопоставляет (союз *но*) два события: он как бы переносится в прошлое и с этой точки зрения рассматривает эту ситуацию как будущую. Сдвиг во времени маркируется лексемой *позже*. Ретроспективный взгляд Говорящего на события из будущего обозначен глагольными формами будущего времени (*забудут, станет смотреть*) и наречием *впоследствии*. Ср.: *Этого взгляда она не забудет во всю свою жизнь... и впоследствии он станет смотреть со многих ее холстов на публику* (Д Рубина. На солнечной стороне улицы).

В зависимости от того, выступает ли в роли временного центра момент речи или какой-либо иной момент, А. В. Бондарко различает абсолютное и относительное время. При абсолютной временной организации временной центр, которому принадлежит все высказывание, – момент речи говорящего (пишущего) субъекта. При относительной – центром является момент, зафиксированный теми языковыми средствами (глаголами, такими обстоятельствами, как *тогда, в тот день* и т.д.), которые служат показателями того исходного временного плана, по отношению к которому определяется время данного действия [Бондарко, 1990]. Ср.: 1) *Мы на хорошо застланной постели, простыня не сбита, и легкую эту опрятность, с чистотой и с подогнанными краями, я не то*

чтобы *ценю*, но, как той же свежести, ей *радуюсь* и ее *помню* (*удерживаю в себе*) (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени); 2) Однако все это было ничто в сравнении с тем, что *ожидало* меня в *тот день далее*: такого количества новых чувств я еще никогда *не испытывал*, столько знакомств за всю жизнь *не делал* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

В предложении, отмечает А. В. Бондарко, может быть представлена цепочка последовательной временной относительности, т.е. «время данного действия определяется с точки зрения времени другого действия, а последнее в свою очередь по отношению ко времени третьего, и лишь последнее действие имеет самостоятельную абсолютную ориентацию, например: *Потом он все же поднялся, чувствуя, как быстро немеет нога*» [Бондарко, 1990. С. 15].

Вслед за А. В. Бондарко в лингвистике темпоральность определяют как «векторную» категорию. Векторный характер темпоральных отношений проявляется также и в том, что они могут характеризоваться численным значением [Бондарко, 1990].

Основным средством выражения темпоральности является система временных форм изъявительного наклонения действительного залога. Кроме того, семантику времени выражают: 1) аналитические формы страдательных причастий (*был рассмотрен — рассмотрен — будет рассмотрен*); 2) формы полных причастий прошедшего и настоящего времени; 3) образования типа *говаривал, едал, жывал* со значением «давнего обыкновения»; 4) безглагольные синтаксические конструкции со значением настоящего времени, соотносительные с конструкциями, включающими формы типа *был, будет* (*Брат — учитель; Ночь тиха*).

Темпоральные отношения выражают деепричастия в составе полипропозитивных предложений; различные лексические и контекстуальные средства передачи темпоральных отношений, не имеющие определенной однородной структурной характеристики

(тогдашний; в более поздних произведениях...; вспоминается... и т.п.), лексические обстоятельственные показатели (сейчас, завтра, через две недели и т. п.), конструкции с временными союзами (когда, пока, в то время как, как только, лишь, только, едва и т. п.).

Контекстуальные показатели могут играть определяющую роль при установлении временной отнесенности ситуации или ее элементов к прошлому, настоящему или будущему. На лексических средствах выражения темпоральности остановимся подробнее, поскольку с ними связано дальнейшее исследование.

Для настоящего исследования актуальны такие лексические показатели темпоральности, как *вчера, на прошлой неделе, месяц тому назад, давно, когда-то – теперь, в тот момент – завтра, скоро, будущей зимой* и т.п. Они обозначают «отступ во времени» и представляют собой особую обстоятельную подсистему темпоральных спецификаторов, в которой выявляется ориентация на дейктический центр, связанный с отнесенностью к *теперь*, например: 1) *Я на прошлой неделе заговорила было с князем -вым о Бисмарке <...> и вообразите, он сел подле и начал мне рассказывать, даже очень подробно, но все с какой-то иронией и с тою именно нестерпимой для меня снисходительностью, с которою обыкновенно говорят «великие мужи» с нами, женщинами, если те сунутся «не в свое дело»* (Ф. Достоевский. Подросток); 2) *<...> характер мой безнадежно испорчен: когда-то я была хохотушкой... но, впрочем, всегда относилась требовательно к людям, – теперь я требовательна ко всему, к вещам, к соседской собаке, ко всякой минуте существования, которая не так служит мне, как я хочу* (В. Набоков. Волшебник); 3) *В тот момент я поверил Люку. Но скоро выяснилось, что он сказал неправду* (А. Беляев. Продавец воздуха).

Без лексических средств полная реализация функций выражения времени, адекватная потребностям речевой коммуникации, была бы невозможна.

А. В. Бондарко выделяет два основных типа функций лексических показателей темпоральности:

1) функция основного обозначения темпоральной отнесенности ситуации в тех случаях, когда предикат не имеет собственной устойчивой темпоральной характеристики (*При благоприятных условиях мы закончили бы эту работу завтра*; ср.: *...еще вчера*; *Скажи он мне об этом завтра, было бы уже поздно*, ср.: *скажи он мне об этом вчера, было бы еще не поздно*);

2) функция дополнительной конкретизации темпоральных отношений, которые выражены грамматическими формами времени (*Завтра приеду*; *Только что вернулся*) или имплицитируются предикатами, выражающими другую модальную форму (*Приезжай завтра*; *На будущей неделе я должен ехать*). В этом случае выражаемая специальной временной формой или имплицитируемая темпоральная отнесенность представляет собой тот фон, на который накладывается семантика лексических показателей [Бондарко, 1990].

По точному замечанию А. В. Бондарко, «возможны частные варианты присущей лексическим элементам функции дополнительной темпоральной конкретизации» [Бондарко, 1990.С. 54]. Ср. вариант темпоральной конкретизации, подчеркивающей противопоставление соотносимых временных планов: *Это я теперь так рассуждаю – аналитично, спокойно, а тогда был совсем как чокнутый* (В. Белоусова. Второй выстрел).

В части случаев лексические показатели темпоральности могут выступать как структурно обязательный компонент конструкции, без которого она не может существовать, как, например, лексический показатель *скоро* в сочетании с существительным событийного или ситуативного значения: *Скоро весна началась, травка проклюнулась, огородная пора приспела* (В. Астафьев. Пролетный гусь).

Лексический показатель в высказывании может «задавать» временной план, требующий определенного выбора временной формы, – той именно, которая по своему временному значению соответствует значению обстоятельственного темпорального показателя. Так, если Говорящий начал высказывание с обстоятельства *вчера* (допустим, следует пауза, когда продолжение еще «не готово»), то далее он может употребить формы прошедшего времени или формы настоящего времени в функции настоящего исторического.

Продуктивную мысль А. В. Бондарко о наличии темпорального ключа, позволяющего реализовывать семантику темпоральности на уровне целостного текста [Бондарко, 1976], поддерживает в своей работе и Т. В. Шмелева. Она отмечает, что в «реальных текстах актуализационные категории выражаются не так обязательно, как это предполагается грамматикой. Эти отступления от обязательности, имеющие различные смысловые эффекты, обеспечиваются действием актуализационного ключа, который задается для всего текста целиком <...> особыми высказываниями типа *Это случилось в начале нашего века*. Большую роль при этом играет и лексика, которая, как известно, всегда норовит «победить» грамматику: *Послезавтра улетаю в Москву* осмысляется как «устремленное» будущее — по данным лексики, вопреки грамматике» [Шмелева, 1988.С. 30].

Как показывает наше исследование, лексические показатели темпоральности – наречия с временной семантикой (*тогда, теперь, раньше, сейчас, никогда, навсегда*) – относятся к дальней периферии показателей МК «воспоминание», потому что эксплицитно выражена временная семантика, а имплицитно – сема ‘воспоминание’: эти лексические средства часто участвуют в выражении МК «воспоминание», например: 1) *Тогда я подумал, что причиной всему была моя хромота, хотя она почти уже не замечалась, моё будто когтями исцарапанное лицо* (В. Астафьев. Обертон); 2) *Так в детстве в закрытой комнате, бывало,*

ожидал шаги матери, когда она возвращалась с базара. И **теперь** я радовался узнаванию этих звуков, как **тогда** узнаванию материнских шагов (Ф. Искандер. Путь из варяг в греки); 3) **Раньше** подобные дома называли «китайскими стенами» (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами).

Оформление модуса «воспоминание» с помощью наречий **тогда**, **раньше** не случайно: их семантика указывает на то, что события имели место до «момента речи». Таким образом, данные показатели задают вектор ретроспекции.

Частотными являются контексты с показателем временной семантики **когда-то**, который указывает на неопределенную давность, например: 1) *Ведь **когда-то** я не то читал, не то от кого-то слышал об этом специфическом синдроме* (А. Волос. Недвижимость); 2) ***Когда-то** я разослал этот словарь чуть ли не всем знакомым переводчикам* (С. Довлатов. Переводные картинки); 3) *Больше всего меня угнетал этот красный каркас — наверно, потому, что **когда-то в детстве**, в серый зимний день, моя душа хрустнула под тяжестью огромного гэдээровского альбома, посвящённого давно исчезнувшей культуре охотников за мамонтами* (В. Пелевин. Ника); 4) ***Когда-то давно** во Флоренции я видел уличного чревоуещателя, вызывавшего дух Данте* (В. Пелевин. Чапаев и пустота). В последнем примере сочетание **когда-то давно** приобретает значение «так давно, что уже трудно сказать, когда именно», конкретное время не запечатлено в памяти.

Значительно реже в выборке встречаются контексты с наречиями **сейчас**, **теперь**, намечающими ретроспекцию, например: 1) *Хотя только **теперь** я впервые понимаю, что это вообще такое — быть счастливой, радоваться жизни, **последний раз** я так радовалась, кажется, только **в детстве*** (М. Кучерская. Тетя Мотя); 2) *Потому что это **сейчас** я трепетная, ранимая и боюсь на улицу выходить, а **в описываемую эпоху** могла и в ярко освещённую операционную войти, и начмедать на скаку*

остановить, чтобы подписал чего надо, и добрым словом подарить ординатора урологического отделения, отвечавшего за плановые консультации родильного дома (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки). В данных контекстах наречия являются членом сопоставительных пар (*теперь – в детстве; сейчас – в описываемую эпоху*), а обычно фоном для них являются лексемы *раньше, тогда*, даже если вербально не выражены, поскольку они обозначают «отступ во времени» (*тогда – не сейчас*). Ср.: *Но это сейчас я так думаю, а тогда мне казалось, что у меня получается лишь немногим хуже, чем у Шекспира* (С. Голицын. Записки уцелевшего).

Со значением «отступ назад во времени» связано и наречие *по-прежнему*, т.е. «как прежде, раньше», например: 1) *Проходит месяц-другой "снова прихожу или приезжаю – всё по-прежнему, как будто я тут и не был* (А. Рыбаков. Тяжелый песок); 2) *Кроме того, я по-прежнему не умею водить автомобиль* (С. Довлатов. Наши).

Ретроспективную направленность выражают слова *впервые* и *первый* со значением, соответственно, «в первый раз», «первоначальный, самый ранний» [Ожегов, Шведова, 1997], например: 1) *Ощущение бренности, растущей непрочности его пребывания среди нас встревожило меня, пожалуй, впервые* (Д. Гранин. Зубр); 2) *Это ты тогда сбросил меня с колен, а я ведь впервые испытала настоящую страсть!* (А. Азольский. Лопушок); 3) *Это был первый в моей жизни разговор меня с государством, один на один, в казённом пустом кабинете, по казённой надобности* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); 4) *И тут я влюбился. В первый раз в жизни. Да как влюбился!* (И. Грекова. Хозяева жизни).

Относительно «момента речи» можно рассматривать и наречия *никогда* («ни в какое время» [Ушаков, 1939]) и *навсегда* («отныне и до самого далекого будущего, на всю жизнь» [Ушаков, 1939]). Эти контексты единичны, но не являются искусственными, например: 1) *Всё это навсегда*

*врезалось мне в память, и **никогда** не забыть мне этой ужасной ночи, тёмной избушки с тихо набравшимся в неё народом и этого протяжного гула снаружи* (В. Короленко. Мороз); 2) *Но с ней я **никогда** не говорил о моей картине, как вообще не говорил о своей жизни* (М. Арцыбашев. Жена). В данных контекстах с помощью наречий также намечен вектор перспективы. Особенность состоит только в том, что вектор направлен не из настоящего в прошлое, а из прошлого – в будущее. В последнем примере такая направленность вектора усиливается формой будущего времени глагола *произойдет*. С наречиями **никогда** и **навсегда** связана также оценка воспоминаний с точки зрения их силы, эмоциональной значимости для Говорящего вспоминаемого события на фоне цепи последующих событий, как, например, в первом контексте.

«Отступ назад во времени» в рамках модусной категории «воспоминание» может обладать в высказываниях сложной модусной перспективой, например: *Между тем **начиналось** время, **предсказанное** когда-то пьяненьким дядей Мишей* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Как видим, Говорящий вспоминает период, о наступлении которого упоминалось еще ранее. Высказывание интересно с точки зрения способа выражения времени. Лексический показатель *предсказанное* имеет сему ‘будущее время’ (от *предсказать*, т.е. “заранее знать, что произойдет в будущем” [Ожегов, Шведова, 1997]). Однако *предсказанное* – часть воспоминаний героя, на что указывает форма прошедшего времени *начиналось*.

Подобные высказывания характеризуются разной удаленностью воспоминаний от временного центра. Такую удаленность А. В. Бондарко определяет как особую разновидность временной ориентации с выраженной / невыраженной степенью отдаленности времени действия от момента речи [Бондарко, 1990].

Синкретичными могут быть и другие лексические показатели, например: 1) *Похожее настроение часто бывало у меня в **отрочестве**,*

в ранней юности, когда каждая ерунда казалась каким-то Знамением (П. Мейлахс. Отступник); 2) *В своё время* я имел даже удовольствие говорить с вами минут десять во время антракта в Маленьком театре (Ю. Домбровский. Хранитель древностей); 3) *Когда я уезжал отсюда в последний раз, пять лет назад, вы были еще совсем дитя* (А. Чехов. Черный монах); 4) *В тот день, когда я покинул Каменку, не зная, что я покинул ее навеки, когда меня везли в гимназию, – по новой для меня, Чернавской дороге, – я впервые почувствовал поэзию забытых больших дорог, отходящую в преданье русскую старину* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

В отличие от приведенных примеров, где лексические показатели задают вектор ретроспекции, в высказывании *Потом уже, много-много лет спустя, я вспоминал, что, кроме меня и мне подобных – веселых, беспечных, часто элегантных, почти всегда молодых, – по этой лестнице подымались и другие люди: пожилые или молодые, одетые хорошо или плохо, но все с печатью горя на лице, все – не улыбающиеся, озабоченные* (Л. Разгон. Непридуманное) вектор ретроспекции эксплицирован глаголом *вспоминал*, а вектор проспекции – наречием *потом* и словосочетанием *много-много лет спустя*.

Итак, значение «отступа назад во времени» есть общая семантическая область модусных категорий «воспоминание» и темпоральности, а значит, и зона их взаимодействия.

Такие средства выражения, как наречия *тогда, когда-то, теперь, сейчас, раньше, по-прежнему*, одиночно и в сопоставительных парах позволяют эксплицировать в художественном тексте вектор ретроспекции. Направление этого же вектора передают и слова *впервые* и *первый* в значении, соответственно, “в первый раз”, “первоначальный, самый ранний”. Наречия же с временной семантикой *никогда* («ни в какое время») и *навсегда* («отныне и до самого далекого будущего, на всю жизнь») задают в тексте вектор проспекции, направленный из прошлого в

будущее, а также выражают оценку воспоминаний с точки зрения их силы, эмоциональной значимости вспоминаемого события на фоне цепи последующих событий.

Показатели темпоральности в рамках модусной категории «воспоминание» могут обладать в высказываниях сложной модусной перспективой и указывать на события разной удаленности от временного центра.

Очень значимыми с точки зрения взаимодействия рассматриваемых в параграфе модусных категорий являются многочисленные лексические средства выражения значения темпоральности: *в ранней юности, в детстве, в свое время, в младших классах* и др.

Средства выражения темпоральности относятся к зоне дальней периферии средств выражения МК «воспоминание», потому что эксплицитно выражена временная семантика, а имплицитно – сема ‘воспоминание’.

1.7. Взаимодействие модусных категорий «воспоминание» и достоверности

В зону дальней периферии средств выражения МК «воспоминание» относятся некоторые показатели достоверности. Мысль о совпадении некоторых языковых средств модусных категорий «воспоминание» и достоверности Н. П. Перфильева иллюстрирует контекстом *Я стал вспоминать: кто же такой Романенко?... Кажется, увлекается подводной охотой, как и я. По-моему, равнодушен к английскому языку: то ли владеет свободно, то ли терпеть не может.* По ее интерпретации, осторожность Говорящего маркируется вводными словами как извинение за ненадёжность, неточность информации, что обусловлено свойством памяти (одно из значений *кажется* – “сейчас не помню точно”) [Перфильева, 2012].

И действительно, то, что отражает память, нельзя назвать точной копией того, что происходило во внешнем мире. Как отмечают в своей монографии известные нейрохирурги В. Пенфильд и Л. Робертс, в нормальных условиях человек вспоминает лишь немного деталей, его память сохраняет лишь наиболее существенное или самое впечатляющее из того, что он пережил [Пенфильд, Робертс, 1964.]. Память – своеобразный фильтр действительности – избирательна: совершенно непредсказуемо и беспричинно может воскрешать как значительные факты биографии, так и незначительные мелочи, иногда предпочитая второе первому, например: 1) *Я даже **не помню**, что там показывали. Зато **помню**, как выключала. Встала с дивана, прошла через всю комнату и дёрнула за шнур* (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью); 2) *Я, конечно, их **не запомнила**, только отдельные мысли* (М. Анчаров. Теория невероятности); 3) *В наши супружеские времена я не интересовался способом его приготовления — **помню только**, что на кухне Тома всегда напевала* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени). Поэтому Говорящий не случайно в речи обычно эксплицирует, что, просеиваясь через фильтр памяти, возможно, утрачиваются некоторые подробности, не вся информация может соответствовать признаку достоверности.

Достоверность (термин Е. С. Яковлевой, Е. И. Беляевой и др. [Яковлева, 1988; Беляева, 1990]), или персуазивность (термин В. А. Белошапковой, М. В. Всеволодовой, Т. В. Шмелевой и др. [Белошапкова, 1989; Всеволодова 2000; Шмелева, 1988; Стексова, 1992; Демешкина, 1997; Нагорный, 2000]), является обязательным субъективным значением, исходящим от Говорящего.

В данной работе мы употребляем термин *достоверность* вслед за Е. И. Беляевой, «ибо в нем, во-первых, содержится указание на оценочный характер данной категории, во-вторых, отражена семантическая основа

оценки – степень осведомленности Говорящего о связях и отношениях действительности» [Беляева, 1990. С. 157].

Категория достоверности, по определению Е. И. Беляевой, выражает оценку Говорящим полноты своих знаний о сообщаемом, степень уверенности в сообщаемом объективном содержании, иначе говоря, эксплицирует два значения: достоверности («я владею полными знаниями о сообщаемом и выражаю уверенность в предъявляемой информации») и недостоверности («я не владею полными знаниями о сообщаемом и выражаю неуверенность в предъявляемой информации»).

Близкую мысль высказывает И. А. Нагорный, определяя основой уверенности / неуверенности критерий знания, точнее – «степень знания, которая в итоге служит показателем степени осведомленности или неосведомленности говорящего в факте своего сообщения». По справедливому замечанию исследователя, «неуверенность в достоверности информации опирается на нечеткость самой информации, на ее отсутствие, на невозможность прогнозирования развития ситуации, на невозможность прямой перцепции объекта» [Нагорный, 2000. С. 209].

Данная модусная категория, по мысли Т. В. Шмелевой, может относиться к высказыванию в целом или квалифицировать какие-то отдельные фрагменты ее содержания, т.е. Говорящий может высказывать сомнение по поводу достоверности любого куска диктумной информации [Шмелева, 1988].

В. А. Белошапкова, Т. В. Шмелева и другие исследователи квалифицируют эту категорию как обязательную, потому что она может быть выражена как имплицитно, так и эксплицитно.

Значение достоверности стандартно выражается имплицитно – самым фактом отсутствия лексических показателей, например: *Еще с утра я чувствовал себя нездоровым, а к закату солнца мне стало даже и очень плохо начиналось что-то вроде лихорадки* (Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные). В данном примере нет показателей МК,

следовательно, Говорящий оценивает свои знания о ситуации как полные и уверен в сообщаемой информации.

В современной литературе основательно описаны эксплицитные способы выражения категории достоверности [Шмелева, 1988; Беляева, 1990; Буглак, 1995; Перфильева, 1991; Арутюнова, 1992; Стексова, 1992; Нагорный, 2000; Пляскина, 2001; Голоднов, 2003; Ламбарджян, 2013; Латфулина, 2014; Цуциева, 2014; Березовская, 2014; Орехова, 2015; Порублева, 2017 и др.]. Эксплицитно всегда бывает выражена недостоверность особыми лексическими или синтаксическими показателями: 1) модальными словами и частицами (*вероятно, возможно, должно быть, может быть, очевидно, по-видимому, пожалуй* и др.); 2) частицами (*якобы, вряд ли, едва ли, разве, неужели, никак* и др.); 3) предикатами типа *сомневаюсь, думаю, уверен, не уверен; похоже*; 4) главной частью изъяснительной конструкции, например: 1) *Если бы Яков Иванов был гробовщиком в губернском городе, то, **наверное**, он имел бы собственный дом и звали бы его Яковом Матвеевичем* <...> (А. Чехов. Скрипка Ротшильда); 2) ***Вряд ли** я смог бы его выкрасть, а спросить у отца, что это за письмо, уж точно не смог бы* (В. Белоусова. Второй выстрел); 3) ***Я не сомневаюсь** в искренности этого человека, и даже больше, я не смею разбираться в его чувствах к тебе* (А. Куприн. Гранатовый браслет); 5) ***Но я уверен**, что Николай Владимирович не обратил на это внимания, он рад был, что идея его пошла* (Д. Гранин. Зубр).

Вслед за В. А. Белошапковой, Т. В. Шмелева отмечает, что уверенность выражается в особых проблематических ситуациях, например, спора, дискуссии, необходимости «навязать точку зрения» в таких случаях, как во многих модусных ситуациях, приходит на помощь изъяснительная конструкция: *Я уверен, что...; Нет сомнений, что...* [Белошапкова, 1997; Шмелева, 1988].

В этом плане прагматический потенциал описываемой категории аналогичен авторизации, с которой достоверность взаимодействует. Так, с этой точки зрения лингвисты интерпретируют частицы *де*, *дескать*, *мол*, *якобы* как показатели, которые, не просто вводят чужую речь (являясь таким образом авторизационными показателями), но и выражают оценку чужой речи как достоверной / недостоверной, а также внутри высказывания выделяют словоформу или ту часть высказывания, которая, по мнению Говорящего, сигнализирует о различной степени уверенности Говорящего в достоверности / недостоверности информации, [Шмелева, 1988; Перфильева, 1991, 1992], например: 1) *Он приводил какие-то смешные аргументы, **мол**, ему сейчас должны звонить, а если не положить руку Зелёного Пыр-Пыра на место, то будет всё время занято* (Т. Соломатина. Мой одесский язык); 2) *Мы сочиняли про него истории, **якобы** «чесслово» бывшие* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). В последнем контексте *якобы* маркирует значение недостоверности переданной информации, что усиливается закавыченным «чесслово», которое не просто содержит иронию в связи с «правдивостью» сообщаемого, но и указывает на присутствие «чужой» речи. Таким образом, частицы *мол*, *де*, *дескать*, *якобы* можно назвать частицами, «оценивающими чужую речь, мнение в плане достоверности», поскольку они выражают целый комплекс взаимодействующих модусных категорий (достоверности, авторизации, оценочности).

Модальные слова, выражающие значение «достоверности» (*безусловно, в самом деле, конечно, несомненно, разумеется* и др.), часто не вносят изменений в персуазивную характеристику предложения, а выполняют прагматические функции: они служат знаком того, что Говорящий по каким-то причинам (например, предполагая, что у слушающего могут быть сомнения в достоверности того, о чем ему сообщается) настаивает на своей оценке информации, заключенной в

предложении [Белошапкова, 1989]⁴, выражает определенный градус категоричности / некатегоричности высказывания, служат реализации «принципа вежливости в речевом общении» [Беляева, 1990. С. 159; Стексова, 1992], например: 1) *Надобно знать, что шинель Акакия Акакиевича служила тоже предметом насмешек чиновникам; от нее отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотом. В самом деле, она имела какое-то странное устройство: воротник её уменьшался с каждым годом всё более и более, ибо служил на подтачиванье других частей её* (Н. Гоголь. Шинель); 2) *Отец два года провел в советском лагере. Более или менее свободно говорит по-русски. Но с акцентом, **разумеется*** (С. Довлатов. Переводные картинки); 3) *Изотова, **безусловно**, следовало арестовать как нарушителя революционной дисциплины, но поместить его надо было к тем, кто своими руками отправил Шергина и Кошкарёва в Лазаревскую больницу* (Д. Быков. Орфография). В данных примерах с помощью вводных слов *в самом деле, разумеется, безусловно* Говорящий подчеркивает для адресата высокую степень достоверности излагаемой информации.

В традиционных классификациях вводно-модальных слов в списке единиц, выражающих разную степень уверенности / неуверенности в достоверности информации, встречаются иногда *помню* [Грамматика русского языка, 1954; Лопатин, 2006], *помнится* [Грамматика русского языка, 1954; Грамматика современного русского литературного языка, 1970; Бабайцева, 1987; Валгина, 1991] – ядерные средства выражения модусной категории «воспоминание». Анализ лексикографических источников также позволяет сделать вывод о том, что в семантике *помню* и

⁴ К слову заметим, ряд этих средств рассматривают в плане разграничений модусных категорий достоверности (персуазивности) и согласия. См., например, Перфильева Н.П. Правила употребления слова действительно // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1996. С. 47–54; Пляскина М.В. Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты. Автореф. дисс... уч. степ. канд-та филол. н. Новосибирск, 2001.

помнится содержится указание на возможную недостоверность предъявляемого материала [Кораблина, 2016].

Этот факт не является случайным, он свидетельствует о взаимодействии двух модусных категорий «воспоминание» и достоверности.

Действительно, высказывания, вводящие модусную рамку «воспоминание», могут содержать информацию о разной степени достоверности передаваемой информации.

Все средства выражения МК «воспоминание», которые нам встретились в художественном тексте, можно условно расположить на шкале между полюсами «хорошо, отчетливо помню» – «не помню». В этом случае уместна метафора *фотография*: воспоминания могут фотографически отражать события прошлого.

Однако резкость снимка, т.е. точность воспоминаний, бывает разной. Следовательно, можно говорить о разной степени припоминания, например: 1) *Но **отлично помню** – до сих пор это чувствую, – с какой враждебностью, как презрительно ОНА не верила, что я вот так вот возьму и уеду* (В. Шукшин. Кляуза); 2) *О, как **хорошо помню** я эту задумчивую грусть, эту сладкую медленную тоску, от которой, как от вина, сжималось сердце и кружилась голова* (А. Куприн. Пустые дачи); 3) — *Может быть, – сказал Николай Павлович, глядя в зеркало, – хотя мне уже **трудно вспомнить**, как я представлял это в молодые годы* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов); 4) *Не **помню точно**, сколько прошло дней, **может быть**, десять, но только моей дружбе с Надеждой Васильевной пришел конец* (В. Железников. Жизнь и приключения чудака); 5) *И нас, значит, командировали в распоряжение дирекции этой самой плодоовощной базы. Или, может, овощехранилища, **не помню*** (С. Довлатов. Виноград).

В качестве точки отсчета в этом случае выступает *помню*, называющее только факт сохранения, удерживания в памяти, например:

1) ***Помню**, что все те нежные слова, которые были в моей душе, вызвали наконец на мои глаза слезы* (И. Бунин. Заря всю ночь); 2) ***Помню** я одну из них – такую черную, точно небо и земля были покрыты черным бархатом* (А. Куприн. Белые ночи); 3) ***Помню** квартиру, запутанную, как аквариум, полный водорослей* (Ю. Трифонов. Предварительные итоги); 4) ***Шапиро, помню**, взволновался и говорил, что за нелегальную Книгу можно выручить огромные деньги, и предлагал свои связи* (М. Елизаров. Библиотекарь). Как видим, эксплицируется акцент на факте воспоминания, а имплицитно ситуация представлена как достоверная.

Факт сохранения в памяти может быть выражен сочетанием отрицательной частицы **не** и антонима **забыть**, **забывается**, например: 1) ***Я не могу забыть** ту ночь и старенького человека в шляпе, помню и огонек, приплывший ко мне по реке* (В. Астафьев. Последний поклон); 2) *Господин Нежданов нанес мне одно из тех оскорблений, которые **не забываются*** (И. Тургенев. Новь); 3) *Есть вещи, которые **не забываются**. Ты знаешь, например, что тебе, в частности, я искренно благодарен за то, что ты поехал со мной тогда в Периге* (Г. Газданов. Эвелина и ее друзья). Однако при употреблении этих языковых средств, Говорящий акцентирует внимание на силе воспоминаний, ценности и эмоциональной значимости событий прошлого. Ср.: 1) *По выходным бабушка готовила для меня и деда. Запах и последний забег по двору свежезарубленной курицы **забыть невозможно*** (М. Трауб. Плохая мать); 2) ***А я долго не могла забыть** мамыны страдальческие глаза и ее чересчур громкий смех в ответ на мой вопрос* (Л. Уварова. Одинокий с собакой снимет комнату).

Высокая точность воспроизводимой памятью информации, т.е. достоверность, отчетливо передается а) сочетанием ментальных предикатов (*помнить, вспомнить, припомнить* и др.) с наречиями ***хорошо, ясно, точно, отлично, прекрасно, отчетливо, страшно, еще***; б) выражениями, включающими в свой состав обстоятельства времени (***до сих пор помню, запомнила на всю жизнь, как вчера помню, как щас***

помню), некоторые из которых являются вводными предикативными единицами, например: 1) *Одного, рыжего верзилу, отчетливо **помню**, потому что ревновал его к Наташе; второй был еще нежного возраста, лет около семнадцати, наверное, он все время прятался в большом доме и выходил смущенный из неожиданных мест* (Э. Лимонов. Книга воды); 2) *И действительно, мы с Галей буквально бегом кинулись к лифту <...> причем, хорошо **помню**, Галя <...> сунула им какие-то купюры <...> и мы выскочили из подъезда «сталинского» небоскреба <...>* (Г. Николаев. Вещие сны тихого психа); 3) *Несчастные куры, как теперь **помню**, две крапчатые и одна белая с хохлом, преспокойно продолжали ходить под яблонями <...>* (И. Тургенев. Два помещика); 4) *Словно вчера это было, так ясно **помню** я этот зимний день, и сугробы, и как я вела тебя фотографироваться* (Г. Бакланов. Пядь земли); 5) ***Это был девяносто пятый год...** Иду, как сейчас **помню**, по улице Горького, и впереди меня громко разговаривают две женщины... и я их не понимаю... А они по-русски говорят* (С. Алексиевич. Время second-hand); 6) *Одного я не помню, словно его и не бывало. Второго запомнила на всю жизнь. Это самый страшный человек, какого я когда-либо видела* (Л. Чуковская. Прочерк); 7) *Если долго повторять какое-нибудь одно слово и вдумываться в него, то оно вдруг теряет смысл <...> – Ах, знаю, знаю! Но только это теперь не так легко делать, а вот раньше, в детстве <...> Как же, я отлично **помню**. Даже **помню** слово, которое меня особенно поражало: «может быть»* (А. Куприн. Поединок). Лексический повтор в последнем примере передает не только точность воспоминаний Говорящего, но и выражает аксиологическую оценку воспроизводимой памятью информации.

Часто Говорящий в своей речи маркирует неточность воспоминаний, например: 1) *Так вот, говоря по правде, я о самом полете имею весьма смутные воспоминания* (В. Войнович. Москва); 2) *Не очень **помню**, но жили у нас сначала немец, потом француз, когда же оккупантов изгнали, появились в нашем доме – по порядку – двое симпатичных студентов-*

медиков, его звали Файвель Давыдович, ее Бронислава Викторовна (В. Некрасов. Саперлипопет); 3) *Целыми днями, я об этом смутно помню*, она варила себе кофе на мангале, помыкала худым, высоким стариком и что-то кричала ему вслед, когда он вывозил со двора на своем лотке маленькую витрину магометанского рая (Ф. Искандер. Сандро из Чегема); 4) *Теперь мне трудно вспомнить и понять те мечты, которые тогда наполняли мое воображение* (Л. Толстой. Семейное счастье) Как видим, здесь степень достоверности выражается разнообразными лексическими показателями, являющимися распространителями глагола **(не) помнить** (*смутно, не очень, трудно вспомнить не помню точно*), существительного **воспоминания** (*смутные*), ср.: — *Когда вы со Светкой разошлись? — Не помню точно... часов в пять* (В. Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана).

Фраза *я всего не запомнил* указывает на то, что Говорящий не помнит всех деталей ситуации, т.е. помнит частично, например: *Он говорил ещё полчаса, я всего не запомнил*. Ср.: *Удивительное дело! Я помню все лица и почти все имена жителей деревни Колбиха, хотя лично я там проводил не больше полутора месяцев в год* (Е. Гришковец. 80 километров от города).

Низкую степень достоверности воспоминаний выражают и фразеологизованные предикативные единицы, имеющие, скорее, статус, вводных, хотя и построенные по моделям придаточных частей: 1) с союзными словами **насколько / сколько**; 2) с союзом **если**, например: 1) *Насколько я помню, ты когда-то увлекалась им, поэтому будь снисходительна к бедной Олимпии* (Т. Орлова. Ловушка для ящериц); 2) *Сколько я помню, у няни была хорошая кровать, груды подушек, пестрое одеяло <...> одета она была в ситцевое платье <...> и белый передник* (Н. Лухманова. Девочки); 3) *Линия носа в профиль напоминала половину параболы, если я правильно помню, — от плюсовых значений игрека до нуля или, может быть, ниже* (П. Кожевников. Жрец).

Достаточно часто персонажи акцентируют внимание на том, что не помнят совсем, что выражается сочетанием ментальных глаголов

помнить, вспомнить, припомнить с отрицательной частицей *не*: В прошлых годах, а в котором, *не помню*, по обещанию своему, пострижена я в Суздальском Покровском монастыре в старицы, и наречено мне имя Елена (Д. Мережковский. Петр и Алексей). А в случае если это сочетание соединяется с глаголом *мочь*, (т.е. “быть в состоянии”) или наречиями степени *совсем, напроць*, Говорящий более экспрессивно выражает, что не помнит детали события или все событие в целом, например: 1) *Не могу знать; помню только, что это был не мужик, а барин... в господском платье, а какой это барин, какое у него лицо, совсем не помню* (А. Чехов. Драма на охоте); 2) *Я успел подумать, что она — образец офицерской жены, да и Вера в скором будущем таковой станет, поджег трутом (вот кто мне его запалил, напроць не помню)* (Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт); 3) *Не могу припомнить, как я узнал эту историю о парижском мусоришке Жане Шамете* (К. Паустовский. Золотая роза).

Итак, взаимодействие модусных категорий «воспоминание» и достоверности обусловлено свойством памяти. Семантическая спаянность МК наблюдается в высказываниях, в которых глагол *помню* (и его дериваты) употребляются без распространителей: Говорящий вспоминает факт, эмоцию и т.д. как достоверный. Эксплицитно взаимодействие МК выражается сочетанием их показателей. В этом случае они не только называют ментальную операцию, но и содержат оценку воспоминаний Говорящим в плане степени достоверности информации – от точного, достоверного воспроизведения событий, их оценки до забвения (от *очень хорошо помню* до *не помню*). Говорящий чаще всего маркирует в речи неточные или утраченные воспоминания. С точки зрения оценки значимости припоминаемого особое место занимает конструкция *не могу забыть*.

1.8. Взаимодействие модусной категории «воспоминание» и эвиденциальности

Значение достоверности иногда рассматривается в связи с категорией эвиденциальности, указывающей на разные источники получения информации, в том числе и воспоминания.

Модусная категория «воспоминание» предполагает обращение Говорящего к событиям, **свидетелем** которых он был в прошлом. Так, в экспликации значения модуса «воспоминание» (в определении) появляется лексема (*свидетелем*), которая «выводит» нас на субъективный смысл «эвиденциальность».

Категория эвиденциальности (или засвидетельствованности) активно исследуется лингвистами [Якобсон, 1972; Козинцева, 1994; Козинцева, 2007; Мельчук, 1998; Кобрина, 2005; Храковский, 2007; Григоренко, 2009; Плунгян, 2011; Орехова, 2012; Захарова, 2013; Падучева, 2013; Ильенко, 2016 и др.].

Эвиденциальность, по определению Р. О. Якобсона, это «глагольная категория, учитывающая три факта (сообщаемый факт, факт сообщения и, кроме того, передаваемый факт сообщения, то есть указываемый источник сведений о сообщаемом факте)». Ученый разграничивает разные типы сообщения о событиях на разных основаниях, на которые опирается Говорящий: сообщение другого лица (цитация); сон (откровение); догадка (предположительность); собственный опыт (память) [Якобсон, 1972. С. 102].

Опираясь на определение Р. О. Якобсона, Н. А. Козинцева рассматривает эвиденциальность как функционально-семантическое поле впервые на материале русского языка и характеризует ее как понятийную категорию, базирующуюся на основной оппозиции прямой и косвенной засвидетельствованности. По ее мнению, охарактеризовать значения эвиденциальности можно по следующим дифференциальным признакам: «хозяин» исходной информации, способ ее получения (собственные

наблюдения, сообщение другого лица, сны, догадки, логические умозаключения), а также полнота информации об описываемом положении дел [Козинцева, 1994].

К прямой засвидетельствованности Н. А. Козинцева относит информацию, всегда получаемую через зрительный канал, о событии, в котором Говорящий сам принимал непосредственное участие. Семантика косвенной засвидетельствованности представляет собой указание на то, что сведения, передаваемые Говорящим, не являются его собственным знанием. В зависимости от источника информации выделяются семантические подтипы эвиденциальности: перцептивность (источник информации – слух, обоняние, общие ощущения), пересказывательность (источник информации – сообщение другого лица), инференциальность (источник информации – логическое умозаключение говорящего) [Козинцева, 2007]. Близкую позицию занимает В. А. Плунгян. Во-первых, он добавляет к параметрам эвиденциальности такую характеристику, как личный / неличный доступ к информации. Личный доступ к информации предполагает, что Говорящий знает о ситуации на основе тех данных, которые он получил лично сам. При неличном доступе знания Говорящим были получены от другого лица или лиц. А во-вторых, исследователь справедливо замечает, что между значениями не прямой засвидетельствованности и недостоверности в общем случае нет абсолютно жесткой связи [Плунгян, 2011].

На наш взгляд, такое распределение информации не отражает все разнообразие жизненных ситуаций. Дело в том, что к прямой засвидетельствованности можно отнести ситуацию, когда Говорящий информацию о событии, в котором принимал участие сам, получает не через зрительный канал, а через аудиальный, обонятельный, тактильный, например, в силу физиологических особенностей адресанта.

По наблюдениям современных лингвистов, категория эвиденциальности в русском языке выражается в основном лексико-синтаксическими средствами, например:

- а) глаголами чувственного восприятия (*видеть, всматриваться, замечать, наблюдать, чувствовать* и т.д.), в том числе в роли контактных слов в изъяснительных сложноподчиненных предложениях;
- б) именами существительными (*свидетель, очевидец, наблюдатель* и т. д.);
- в) глаголами речевой деятельности (*говорить, рассказывать, заявлять, объявлять, намекать, докладывать, упоминать* и т.д.);
- г) частицами, указывающими на чужую речь (*мол, дескать, де, якобы*) и одновременно выражающими сомнение (*Он-де не виноват*);
- д) вводными единицами *кажется, видимо* [Булыгина, Шмелев, 1993]; *оказывается* [Храковский, 2007]; *как мне стало известно, по словам, по мнению, по моим расчетам, по-твоему, с точки зрения* и т.д. [Шестухина, 2009; Моисеева, 2012].

По мнению Е. В. Падучевой, эвиденциальность, не являясь в русском языке грамматической категорией, в ограниченном контексте может быть выражена «не только лексическими, но и грамматическими средствами – генитивной конструкцией отрицания» [Падучева, 2013. С. 22].

Подчеркнем: сведения, извлекаемые из памяти, ряд лингвистов относит к прямой эвиденциальности [Козинцева, 1994; Храковский, 2007; Плунгян, 2011].

И действительно, память часто является источником информации о событии, основанном на собственном прошлом опыте Говорящего, например: 1) **Я помню** бинокль, и альпенишок, и походную койку, и шлем от солнца, и заячий тулупчик из «Капитанской дочки», и перламутровый револьверчик, и какую-то брезентовую машину, которой я боялась, и какую-то сложную фляжку, которую не могла развинтить (В. Набоков. Дар); 2) **Я вспомнила**, как пару дней назад встретила своего бывшего

водителя (С. Алексиевич. Время second-hand); 3) *Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжело шумевшего вдали, большую белую чайку* (И. Тургенев. Певцы); 4) *Когда-нибудь, маленький, загляделся я в ту сторону, и навеки отпечатались в памяти голубые холмы* (В. Солоухин. Владимирские просёлки).

Как видим, показатели модусной категории «воспоминание», выражающие значение «хранение информации в памяти» (*помню, вспомнила, помнится, отпечатались в памяти*), называют память как источник информации. В данных примерах Говорящий вспоминает ситуацию, которую **наблюдал непосредственно** (в первом, третьем и четвертом примерах) или был участником которой (во втором примере).

Такая информация, получаемая с помощью зрения, всегда является полной и объективной и имеет значение «абсолютной, стопроцентной достоверности». Рассмотрим пример: *У меня и сейчас стоит перед глазами такая сцена: при прощании в Шереметьеве у него в багаже нашли лишнюю бутылку, и он выпил водку тут же из горлышка; когда, пройдя таможеню и паспортный контроль, он был готов уже скрыться по ту сторону неприступных тогда советских рубежей, Юз обернулся к провожающим и завопил во всю глотку: не убирайте Ленина с денег, намек, кажется, на Вознесенского* (Н. Климонтович. Далее – везде). В данном контексте встречаются традиционные лексические средства выражения визуального восприятия (*стоит перед глазами такая сцена*). На то, что источником информации для Говорящего служат воспоминания, косвенно указывают наречия времени *сейчас, тогда*. Таким образом, показатели МК «воспоминание» синкретичны по своей семантической природе, поскольку объединяют значения «хранение информации в памяти» и «указание на источник информации».

Однако воспоминания могут основываться на информации не только визуального характера, но и других органов чувств – слуха (1), обоняния

(2), а также вкусовых (3) и тактильных (4) ощущений – на сообщении другого лица (5), например: 1) ***Я помню звук дождя о деревянный ставень в те ранние часы утра, когда я возвращался с работы и ложился спать; он вызывал во мне воспоминания и ощущения такой глубины, что сколько я ни искал в своей памяти, я не мог найти времени в моей жизни, когда бы этот звук не являлся бы для меня чем-то столь же знакомым, как ощущение моего лежащего тела*** (Г. Газданов. Ночные дороги); 2) ***Я до сих пор помню запах*** вина, выпитого им накануне (В. Михальский. Храм Согласия); 3) ... а как Алеша плакал после этого, знаю только я, ***прекрасно помню вкус*** этих слез (И. Полянская. Пенал); 4) ***Помню дом мой, помню холод*** мраморной ванны и кольца мои и учителя моего Юлия Эврикла (К. Вагинов. Звезда Вифлеема); 5) ***Не помню, как открывал Хлебников дверь и как мы вошли в палату к Лыжину <...> а только отпечатались в памяти четко <...> слова Лыжина: - Меня зовут Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм*** (А. Вайнер, Г. Вайнер. Лекарство против страха).

В данных контекстах показатели МК «воспоминание» ***помню, отпечатались в памяти четко*** также содержат указание на память как источник достоверной информации, хотя Говорящий непосредственно воспринимал синхронную ситуацию не через зрительный канал (на слух, по запаху, на ощупь и т.п.), и тем не менее он отмечает высокую степень достоверности предъявляемых сведений (***прекрасно помню; отпечатались в моей памяти четко***), в которых содержится оценка воспоминаний (***такой глубины; до сих пор помню;***), обнаруживающая степень значимости событий для Говорящего, свидетелем которых он был.

В контексте же ***Помню***, сказал он, что «если честно — на чтениях мы мировых проблем с вами не решим, но главное, что вы все можете друг с другом попить водки и пообщаться» (М. Тарковский. С людьми и без людей) приводится цитата, т.е. дословно, без искажений чужая речь,

что позволяет сделать вывод о достоверности сообщаемого. Высокая степень достоверности цитаты здесь подчеркивается показателем **помню**.

Таким образом, языковой материал подтверждает нашу гипотезу о том, что прямая засвидетельствованность связана не только с визуальным каналом, но и может быть связана с каналами аудиального, обонятельного, тактильного восприятия. Более того, восстанавливая в памяти визуальный образ, Говорящий может эксплицировать неточность воспоминаний, ср.: *Линия носа в профиль напоминала половину параболы, если я правильно помню, – от плюсовых значений игрека до нуля или, может быть, ниже* (П. Кожевников. Жрец).

Примеры косвенной засвидетельствованности (их в нашем материале значительно меньше), когда Говорящий вспоминает о событиях, в которых не был непосредственным участником, но знал о них, также могут выражать разную степень припоминания, ср.: 1) *Целыми днями, я об этом смутно помню, она варила себе кофе на мангале, помыкала худым, высоким стариком и что-то кричала ему вслед <...>* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема); 2) *Я до сих пор помню, какие наряды она шила куклам <...> Вот она у меня прямо перед глазами! Помню, перед войной, на Первое мая — это Катин день рождения, вы же знаете, — подумайте, и ведь я помню! — они всей семьей поехали на лодках кататься, на острова ... Она выбежала на кухню - похвастаться: какой бантик, какая юбочка, а носочки! Все новенькое, все - подарки! «Лидуся, я - самая красивая!» <...> Боже мой, все помню, как будто не прошло и трех дней!...* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Как видим, в первом примере Говорящий подчеркивает низкую степень достоверности сообщаемого (*я об этом смутно помню*). Семантика последнего предложения имеет свои особенности: у Говорящего вызывает удивление свойство памяти прочно удерживать незначительные на первый взгляд детали прошлого, и одновременно он отмечает таким образом их неожиданно осознанную значимость.

Таким образом, как показывает языковой материал, степень достоверности воспоминаний не зависит от отнесенности информации к прямой или косвенной эвиденциальности. Более того, семантика исследуемой модусной категории содержит указание на возможность недостоверности предъявляемого прошлого опыта, обусловленную свойством памяти. Поэтому Говорящий регулярно эксплицирует недостоверность воспоминаний (неточность воспроизведения событий в деталях) или, наоборот, их достоверность (*четко, прекрасно помню* и т.д.), проявляя коммуникативную осторожность по отношению к адресату.

Итак, синкретизм семантики показателей модусной категории «воспоминание» проявляется в том, что они не только обозначают факт сохранения и воспроизведения в памяти информации («воспоминание»), но и указывают на память как ее источник (эвиденциальность). Все это позволяет сделать вывод о взаимодействии модусных категорий «воспоминание» и эвиденциальности. Анализ воспоминаний Говорящего в аспекте прямой и косвенной эвиденциальности приводят к выводу, что высказывания, включающие эксплицитные языковые средства модусной категории «воспоминание», передают значение чаще «хозяина информации», но источником является не непосредственное наблюдение, а память, которая может выборочно воспроизводить какое-либо событие.

1.9. Взаимодействие модусных категорий «воспоминание» и «восприятие»

С модусными категориями «воспоминание» и эвиденциальность тесно связана семантика «восприятие».

Хотя восприятию посвящена значительная литература [Апресян, 1995а; Гак, 1993; Бондарко, 2004; Бондарко, 2005; Падучева, 2000; Падучева, 2001; Шмелева, 1988б; Карабан, 1979; Кустова, 1999; Пупынин, 2000; Рябцева, 2005; Вежбицкая, 1986; Чейф, 1983; Колесов, 2008; Хасанова, 2015; Муравьева, 2016 и др.], вопрос о квалификации смысла

«восприятие» с точки зрения принадлежности к диктумному или модусному содержанию высказывания остается одним из дискуссионных в научной литературе.

В современной русистике **восприятие** как смысл интерпретируется по-разному.

С одной стороны, выделяют событийную пропозицию **восприятия**, следовательно, речь идет о диктуме [Шмелева, 1988]. Правда, Т. В. Шмелева строя типологию пропозиций, отмечает те, которые обладают возможностями составлять и диктум, и модус высказывания. Среди них названа и пропозиция восприятия, которая тесно соприкасается с квалификативными категориями модуса, например, пропозиция *Зазвонил телефон*, если это информация «своя», авторская, может быть авторизована единственным способом — *Я услышал*. А пропозиция *Сверкнула молния* однозначно содержит имплицитную информацию о зрительном восприятии и может быть оформлена изъяснительной конструкцией: *Я увидел, как сверкнула молния* [Шмелева, 1988]. По мнению Г. А. Золотовой, «перцептивный модус, соединенный с экзистенциальным предикатом, не сохраняет рамочной позиции и образует предикат диктума, например: *Я видел этот спектакль; Я видел незнакомых людей*» [Золотова, 2004. С. 280].

С другой стороны, восприятие относит к модусу Е. В. Падучева, касаясь этого вопроса при анализе художественного текста [Падучева, 1996].

Как видим, вопрос о статусе смысла «восприятие» (в плане соотношения диктума и модуса) является дискуссионным и недостаточно изученным.

Действительно, ситуацию восприятия, в которой предикат восприятия задает позицию двух (субъект, предикат) или трех актантов (субъект, объект, инструмент) можно представить как событийную пропозицию, например: *Как тень от облака пробегает по полю, так это*

тёмное пространство стало сдвигаться, и я увидела сначала часть стены в полосатых обоях, а потом и всю дедову комнату в серой предрассветной мгле (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Однако в данной работе вслед за Е. В. Падучевой мы восприятие рассматриваем как сферу субъективного, поскольку, по точному замечанию А. Вежбицкой, «процесс видения» ограничен «видящим лицом» [Вежбицка, 1986. С. 345]. Близкую мысль о субъективности восприятия высказывает и Н. К. Рябцева, отмечая, что «знания, полученные перцептивно, возможно, наиболее антропоцентричны: ведь человек воспринимает происходящее через призму собственного ‘я’» [Рябцева, 2005. С. 234]. **Восприятие** носит субъективный характер, потому что напрямую обусловлено особенностями личности Говорящего. Это положение проиллюстрируем примерами, описывающими особенности восприятия чего-либо разными языковыми личностями. 1) *Мусе все время кажется, что у него какое-то свое, дополнительное зрение, свой, особый слух и обоняние. В лесу он видит, слышит, чувствует то, чего не замечают другие. Для него лесная чаща как бы прозрачна...* (Б. Полевой. Золото); 2) *Однажды, не так давно, когда я поняла, что забыла все, совсем, помню лишь названия двух-трех улиц (давно уже переименованных), я попросила отца нарисовать план Ташкента по памяти. <...>*

Мой отец — художник, у него профессиональная визуальная память и прекрасное чувство ориентации в пространстве. Довольно быстро, по ходу роняя названия, он набросал карандашом паутинки улиц, обвел кружочки площадей, в центре поместил большой овал — Сквер Революции.

С тех пор каждого знакомого ташкентца я просила рисовать по памяти план города.

И каждый рисовал нечто совершенно отличное от реально существовавшей карты.

Что это значит? Страшно подумать! Что каждый жил в каком-то своем городе? В каком-то своем, вымышленном, нереальном городе? Так может быть, его вообще никогда не существовало? (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

Таким образом, сознание Говорящего вычленяет из потока воспринимаемой действительности особые, только для него значимые детали, а значит, восприятие имеет **интерпретирующий** характер.

Обратимся к ситуации, когда одно и то же событие является предметом воспоминания разных людей, ср.: 1) *И долго еще после происшествия кто-нибудь из чиновников посреди совещания оборачивался к другому, прищипывал языком, подмигивал, говорил шепотом:*

— Адыл Нигматович, я как вспомню: ка-акая же-еници-на, а? Грудито видали, прям антоновка, золотой налив!.. Как думаете, она вправду с четвертого этажа сиганула бы?

— Э-э-э! — морщился Адыл Нигматович, — глуп-сти! Тот дженчина просто бандитка некультурный, больше ничего. Какой воспитаний у него, а? Вишел голый на балкон, дочка на перил садил.... Кричал <...> самашедчий дженчина!

2) *Так, однажды весьма удачно ввинтилась в большую толпу, собравшуюся под балконом нового четырехэтажного дома. Там, на самой верхотуре, стояла очень белая голая женщина, одной лишь рукой придерживая сидящую на перилах девочку моего возраста.<...>в этой толпе я бы сколько угодно долго стояла, замороженная видом столь неуместной красоты — очень белая женщина на фоне красной, кирпичной стены дома... (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).*

Как видим, в первом контексте модус «воспоминание» выражен предикатом **вспомню**, а во втором — синкретичными показателями **однажды** и **в то время**, которые эксплицитно отражают, выражаясь словами Е. В. Падучевой, «отступ назад во времени». Персонажи

вспоминают одну и ту же наблюдаемую ими когда-то ситуацию, но она, преломляясь в восприятии каждого из них, приобретает разную оценку.

Близкую мысль высказывает У. Л. Чейф в своей работе «Память и вербализация прошлого опыта»: «То, что находится в сознании, является своего рода убеждением относительно того, что находится во внешнем мире. Это убеждение связано, безусловно, с тем, что предоставлено в распоряжение органов чувств, но оно подвергается сильному воздействию контекста ситуации, а также культурной и индивидуальной предрасположенности. Все это, вместе взятое, создает в нашем уме некоторую интерпретацию происходящего во внешнем мире. Ключевая идея для нас здесь сводится к следующему: восприятие является интерпретирующим» [Чейф, 1983.С. 37].

Таким образом, восприятие можно рассматривать с одной стороны как событие (диктум), описанное предложением, а с другой стороны – субъективный смысл (модус), потому что именно Говорящий осмысляет и трактует событие в соответствии со своими внеязыковыми целями. В данном случае наблюдается взаимопроникновение диктума и модуса.

Далее мы продолжим рассматривать вопрос о периферийных средствах выражения «воспоминание» в плане взаимодействия исследуемой МК и субъективного смысла «восприятие».

И зрительные, и слуховые, и тактильные, и вкусовые ощущения могут быть предметом воспоминания. Приведем примеры: 1) *Помню красивую чугунную решетку, отделявшую сад от улицы, и мерцающий сквозь листву желтоватый фасад гимназии* (Т. Луговская. Я помню); 2) *Я вспоминал холод и влажность ее губ, зубы, блеснувшие во мгле, ее голос, и как она прижалась ко мне, и от счастья становилось тесно в груди.* (Е. Гагарин. Поездка на святки); 3) *Каково же было мое изумление, когда в руки мне попало пространное сообщение о том, что в городе моего детства внуки моего гимназического товарища решили восстановить семейную сыроварню! Я помню вкус этого сыра! В нем*

была одна травка, я не помню ее названия, но, надеюсь, она до сих пор произрастает сразу за городской заставой (А. Дмитриев. Закрытая книга).

Показатели модусной категории «воспоминание» **помню, вспоминал**, как мы уже отмечали, взаимодействуют со словами, указывающими на разные каналы восприятия: *красивую, мерцающий, холод и влажность, как она прижалась ко мне, вкус*, что эксплицирует «сотрудничество» исследуемой МК и «восприятия» на синтагматическом уровне.

Часто взаимодействие «воспоминания» и «восприятия» эксплицировано сочетанием показателей темпоральности, составляющих периферию языковых средств выражения исследуемой МК, наречий **до сих пор, по сей день, теперь** и др. с показателями «восприятия», например: 1) *Я и теперь вижу ее глаза – черные, сухие, с лихорадочным блеском* (Н. Дежнев. В концертном исполнении); 2) *А вот мне, ребята, через свой дом припало идти. Как посмотрел – до сих пор вижу. <...> Вот так он одной улицей прошел – нет улицы* (Г. Бакланов. Южнее главного удара); 3) *Подумать только, что именно этот старик прежде говорил кому-то (он говорил, а я слышал и по сей день слышу его голос), – он говорил, и глаза его сияли торжеством и даже вызовом* (В. Маканин. Голоса); 4) *Взорвали церковь... До сих пор в ушах крик старух: «Деточки, не делайте этого!»* (С. Алексиевич. Время second-hand); 5) *Миша погиб на фронте в первый год войны, но у меня до сих пор звучит в ушах его мягкий, слегка пришепывающий голос, наливавшийся неожиданной мощью, когда он изображал своих любимых героев <...>* (А. Крон. Капитан дальнего плавания). Как видим, наречия **теперь, до сих пор, по сей день**, являясь периферийными средствами выражения исследуемой МК, имплицитно выражают семантику «воспоминание», эксплицируют вектор ретроспекции: *увиденное / услышанное в прошлом* Говорящий «видит» / «слышит» (иными словами восстанавливает в памяти) в момент речи.

Кроме того, данные показатели указывают на высокую степень значимости воспоминаний, их эмоциональную оценку.

Языковой материал позволяет сделать вывод о том, что взаимодействие описываемых в параграфе субъективных смыслов возможно на более глубоком уровне: показатели «восприятия» могут выражать как семантику собственно восприятия, так и семантику ментальной операции припоминания.

То, что связи между глаголами мышления и глаголами восприятия особенно тесны и «слова, обозначающие слуховые ощущения, также могут переходить в ментальное поле», отмечает В. Г. Гак [Гак, 1993. С. 28].

О тесной связи перцептивной и ментальной лексики пишет и Н. К. Рябцева, замечая, что, с одной стороны, «слова, описывающие зрительное восприятие <...> подразумевают получение информации, что позволяет перцептивной лексике, точнее, вынуждает ее, развивать эпистемические смыслы», а с другой – «сама ментальная лексика может быть интерпретирована как имеющая «перцептивное», визуальное происхождение <...> ср.: *вспоминать – видеть прошлое*» [Рябцева, 2005. С. 229, 230].

Как показывает данное исследование, некоторые показатели «восприятия» относятся к дальней периферии языковых средств выражения МК «воспоминание», например: 1) *Интересно <...> его нет, а я вижу и слышу его как живого. Кто тут постарался – Витя или моя память? Видит ли кто-нибудь так же хорошо, скажем, меня?* (В. Распутин. Живи и помни); 2) *...я пишу по памяти на клочке бумаги несколько координат с дискеты, стараясь не забыть буквы, сопровождающие градусы и минуты: Ш, Д, СД, ЗД.*

– *Чьи это шапка-добро? – взглядыаясь в написанное, спрашивает Сеня.*

– *Шапка-добро! Какая шапка? – кричу я. Его слова как землетрясение, так ясно я вижу перед глазами обугленного штурмана Мишу, слышу его надрывный стон: «Шапка-добро, шапка-добро».*

– *Ты написала координаты квадрата, каждая точка – его вершина, Ш – широта, Д – долгота, СД – северная долгота, ЗД – западная долгота. Все вместе на языке моряков: шапка-добро (В. Сеницына. Муза и генерал).* В последнем примере воспоминания героини вызваны словом *шапка-добро*, когда-то услышанным ею от тяжело раненного.

Как видим, в приведенных примерах глаголы **вижу** и **слышу** выражают значения и «восприятия», и «воспоминания»: **вижу** – т.е. воспроизвожу сохранившийся в памяти визуальный образ; **слышу** – т.е. воспроизвожу сохранившиеся в памяти слова, интонации и т.д., присущие этому образу. Более того, сочетания **как живого** и **так ясно** выражают высокую степень достоверности воспроизводимой памятью информации.

Таким образом, данные контексты наглядно демонстрируют взаимодействие субъективных смыслов «воспоминание» и «восприятие».

Как показал материал, если Говорящий зрительные образы воспроизводит в памяти фотографически точно, то в этом случае встречаются традиционные лексические средства со значением «визуальное восприятие» (*ясно вижу, замороженно слежу, поглядывая*), например: 1) *Бедный отец! Я думаю о нем. Он так и не дожил до самой венгерской из моих оперетт <...> Я так ясно вижу: вот он подсчитывает, какой доход даст «Марица», вспоминает — мне в назидание — о примерном сыне Беле и просит округлить свой долг ровно до десяти тысяч ста восемнадцати шиллингов. Он был поэтом в коммерции и коммерсантом в поэзии (Ю. Нагибин. Блестящая и горестная жизнь Имре Кальмана); 2) **Помню**, как через неделю после выписки из роддома я стояла на остановке автобуса, искоса **поглядывая** на незнакомого парня, сидящего на скамье и бездумно скручивающего в трубочку проездной билет, и думала — неужели и у моего сына когда-*

нибудь будут такие же красивые крупные руки с сильными длинными пальцами?...

Это было тридцать лет назад.

У моего сына сорок седьмой размер ноги и под два метра росту, а между тем тот парень так и сидит в ожидании автобуса, рассеянно скручивая в пальцах проездной билет... (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). В этом контексте модусное значение «воспоминание» эксплицировано глаголом *помню* и предложением *это было тридцать лет назад*. В последнем предложении субъективный смысл «восприятие» выражен имплицитно. Предложение построено как противительная конструкция, где сопоставляются два события: реальное событие в «момент речи» (*у моего сына сорок седьмой размер ноги и под два метра росту*) и событие-воспоминание, «зрительная картинка» / «фотография» тридцатилетней давности (*тот парень так и сидит в ожидании автобуса, рассеянно скручивая в пальцах проездной билет*). Глагол в форме настоящего времени *сидит*, обозначает действие, которое началось тридцать лет назад и совершается будто бы в момент речи (*так и*), указывает на ситуацию восприятия, запечатленную в памяти.

Как уже отмечалось ранее, высокая степень точности воспоминания, т.е. достоверность воспоминаний, обеспечивается именно тем, что она получена через зрительный канал. И зрительная информация выступает как показатель значительности прошлого, эмоционального отклика на него.

Контекстов же, акцентирующих внимание на неточности воспроизведения ситуаций зрительного, слухового и тактильного восприятия, в контекстах, выбранных для данного исследования, не обнаружено. В то же время при обращении к фактологической информации персонажи часто предъявляют свои воспоминания как неточные.

Ср.: 1) *Я не помню подробностей* нашего разговора, продолжавшегося, *должно быть*, не меньше часа, но *помню – и очень ясно – то впечатление* жадного внимания, с которым Лавров расспрашивал и слушал меня (В. Каверин. Открытая книга); 2) *Как добрался домой, точно не помню, кажется, на метро* (В. Войнович. Дело № 34840). Как видим, в обоих примерах степень неточности извлеченной из памяти информации (*не помню подробностей, точно не помню*) усиливают показатели достоверности (*должно быть, кажется*). В первом высказывании неточности припоминания информации фактологического характера противопоставлена точность припоминания информации, связанной с восприятием, *помню впечатление* (семантика слова *впечатление* содержит сему 'восприятие': впечатление – «след, оставленный в сознании, в душе чем-н. пережитым, воспринятым» [Ожегов, Шведова, 1997]). Более того, Говорящий акцентирует точность воспоминаний показателем достоверности *и очень ясно*, выделенным пунктуационно.

В памяти также могут сохраняться пережитые когда-то давно состояния, для описания которых Говорящий использует в качестве изобразительных средств зрительные, тактильные и звуковые образы еще более раннего прошлого, например: *Я помню, как мы ехали от станции "Тайга" до станции "Владивосток" <...> а там еще чуть-чуть – и какое-то море, какие-то страны.... Неохота!!!<...> а там еще что-то такое, основное, чего мне знать не хочется, чего я боюсь, чего я очень боюсь и что очень скоро начнется... обязательно....<...> Это как, знаете... Идешь в школу, темно, потому что зима. Все очень знакомо, все звуки мешают жить. Впереди маячат другие бедолаги <...> Снег, ветки, холодно.*

Ты идешь, вот так, ну, чтобы руки не касались рукавов, а сквозь ветки и снег на втором этаже светятся три окна. Светятся таким ядовитым, особым светом. Это кабинет русского языка. И сейчас будет сразу два урока русского подряд... <...> Но ты идешь.... Ужас....

(Е. Гришковец. Как я съел собаку). Как видим, чтобы передать когда-то пережитое состояние Говорящий обращается не только к зрительным, но и слуховым, тактильным образам еще более отдаленного прошлого, оформляя это в тексте как текстовую вставку. Высокая степень выразительности данного текстового фрагмента обусловлена тем, что затрагивает и личный опыт адресата: ситуацию холода утром переживали почти все.

Не только воспоминания восстанавливают в сознании ситуации слухового, зрительного или тактильного восприятия. Рассмотрим пример: *На меня обрушились **запахи** ташкентских дворов по весне, сдобренные влажной **духотой** плодородной почвы, нежной и буйной **зеленью апреля** — кухонные **миазмы** из окон, **запах** вывешенного на просушку белья и прелых курпочей и чапанов, **запах** пасущихся овец и оброненных конских яблок, **запахи** травы и расцветающих деревьев...*

*Я мгновенно **ошалела** и **благодарно** заплакала, потому что стала **узнавать** — не улицы, а мгновения, **эпизоды** моей — на этих улицах — жизни...* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

Как видим, в данном случае показано с помощью пропозиций, как обонятельный канал каузирует воспоминания. Обонятельным образам придается свойство стихии (*обрушились запахи*). Разнообразие обонятельных характеристик передается не только с помощью многочисленных прилагательных (*влажной, плодородной, нежной, буйной, кухонные, прелых, расцветающих*), но и существительных (*запахи дворов по весне, духотой почвы, зеленью апреля, запах белья и др.*). Интересно, что при описании обонятельных реакций употреблено слово, передающее зрительное восприятие, — *зеленью*. Слово *миазмы* не просто указывает на запах, но и содержит в своем значении его характеристику — *ядовитый, гнилостный*. Ситуация обонятельного восприятия воскрешает в памяти Говорящего *эпизоды* его — *на этих улицах — жизни*. Обонятельные образы «тянут» за собой зрительные.

Восприятие представлено преимущественно пропозициями, однако в заключительной предикативной единице контекста употреблен глагол *узнавать*, составляющий дальнюю периферию языковых средств выражения МК «воспоминание».

Итак, анализ материала выявил, что смысл «восприятие» возможно отнести к сфере субъективного, если Говорящий – интерпретатор.

Взаимодействие показателей МК «воспоминание» и «восприятие» эксплицируется сочетанием предикатов, обозначающих ментальную операцию припоминания, а также показателей темпоральности (наречий *теперь, до сих пор, по сей день* и др.) и слов, указывающих на ситуацию восприятия.

Некоторые показатели «восприятия» (*вижу, слышу*) относятся к дальней периферии языковых средств выражения МК «воспоминание», поскольку могут выражать как семантику собственно восприятия, так и семантику ментальной операции припоминания.

Говорящий может воспроизводить в памяти образы, связанные с восприятием, с разной степенью точности, и тогда мы можем констатировать взаимодействие «воспоминания», достоверности и «восприятия».

Кроме того, ситуации зрительного, слухового, тактильного восприятия могут стать своеобразным импульсом к воспоминаниям.

Большинство контекстов, отражающих воспоминание ситуации восприятия, связано с оценкой воспроизводимого памятью. Это дает основание полагать, что Говорящему важно не само ощущение как итог восприятия, а возможность его аксиологической оценки.

1.10. Взаимодействие модуса «воспоминание» и ментального модуса

Процессы, сопряженные с памятью относятся к ментальной сфере. Обращение к воспоминаниям есть, по сути, обращение к познанному,

освоенному сознанием. «Процесс воспоминания, – справедливо отмечает М. А. Дмитриевская, – есть, собственно, процесс мыслительный: образы прошлого были бы хаотичны и бессмысленны, если бы их не соединял воедино разум» [Дмитриевская, 1991, с. 83]. Способность к воспоминаниям, как и к мышлению, характеристика ясного сознания человека.

Изучению ментальной деятельности Говорящего в современной лингвистике в рамках когнитивного подхода уделяется все большее внимание. См., например, работы Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, А. Вежбицкой, В. Г. Гака, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, Анны А. Зализняк, С. Д. Кацнельсона, Г. В. Колшанского, Е. В. Падучевой, Н. К. Рябцевой, Б. А. Серебренникова, Н. П. Перфильевой и др. [Апресян, 1995б; Арутюнова, 1988; Вежбицкая, 1996; Гак, 1993; Булыгина, Шмелев, 1997; Зализняк, 1991; Кацнельсон, 1984; Колшанский, 1977; Падучева, 1991; Перфильева, 2006; Рябцева, 1996; Рябцева, 2005; Серебренников, 1977].

Термин *ментальный модус* по-разному интерпретируется в современной лингвистике. Широкую трактовку ментального модуса предлагает Н. Д. Арутюнова. Она к ментальному плану относит модусы, выражающие: а) полагание (*думать, считать, полагать, представляться, казаться* и пр.); б) сомнение и допущение (*сомнительно, маловероятно, сомневаюсь, не верится, еще не доказано, отнюдь не факт, маловероятно* и пр.); в) истинностную оценку (*правда, верно, можно, не может быть, исключено, ложно* и пр.); г) знание (*знать, быть известным, догадываться, понимать, понятно* и пр.); д) незнание, сокрытие (*не знаю, неизвестно, тайна, загадка, безразлично, не выяснено; тайна, секрет, все равно, не существенно, еще вопрос, трудно сказать* и пр.); е) общую аксиологическую оценку (*хорошо, что...; скверно, что...*) [Арутюнова, 1988].

Как видим, к ментальному модусу отнесен ряд смыслов, которые в других работах по русистике интерпретируют иначе, как другие модусные категории: достоверность / персуазивность [Белошапкина, 1989; Беляева,

1990; Шмелева, 1988 и др.], оценка [Шмелева, 1988], согласие [Перфильева, 1996], модус знания, модус мнения [Падучева, 1996].

Объем понятия «ментальный модус» Н. К. Рябцева трактует иначе: она связывает его не только с мышлением, но и с волей и коммуникацией, иными словами, не только с эпистемическим состоянием, но и с вызванным им намерением, а также с организацией общения в определенной речевой ситуации, например [Рябцева, 1996]. По мнению исследователя, ментальный модус «разграничивает знание и мнение, незнание и предположение» (*как я думаю / считаю / полагаю; насколько мне известно; я ничуть не сомневаюсь в том, что*), «разграничивает вынужденность ментальных действий или сознательно поставленную цель» (*я вынужден / должен; мне необходимо; моей целью является*), актуализирует ментальные эпистемические действия, демонстрирует их выполнение (*я предлагаю / отвергаю / изменяю следующее определение этого*), организует речь, задает ее рекурсию – линейную упорядоченность и прогрессию (*как я уже говорила, Р; я посвятил этому вопросу отдельный раздел; об этом я скажу особо*) [Рябцева, 1993. С. 52].

Узкий подход к объему понятия «ментальный модус» демонстрирует Н. П. Перфильева. Она связывает его преимущественно с научной или учебной деятельностью и интерпретирует ментальный модус как рефлексия Говорящего относительно ментальных операций, которая эксплицируется чаще всего в научном тексте (а точнее в перформативных высказываниях), например: ***Теперь давайте попробуем «разложить все по полочкам».*** ***Начнем с главного – почему десятки миллионов россиян несут свои деньги именно в Сбербанк? Думаю, что многие вкладчики, особенно в глубинке, и не знают о каких-то государственных гарантиях, тем более что механизм этих гарантий на самом деле нигде не прописан.*** <...> (Труд. 2000. №100) [Перфильева, 2006. С. 55].

Вслед за Н. П. Перфильевой мы определяем ментальный модус как рефлексия Говорящего относительно ментальных операций.

Как показывает языковой материал, мыслительная деятельность может быть запечатлена памятью, например: <...> **помню** и мелькнувшую у меня в этот момент **мысль**, что даже дети в американских кеппах говорят у нас на погранично-лагерном жаргоне (В. Пелевин. Ника).

Мысль о том, что модус «воспоминание» позволяет «оправдать “переключение внимания” адресата на какой-то участок его области знаний», высказывает и Е. В. Падучева, когда описывает обоснованность предъявления информации героем художественного текста [Падучева, 1996. С. 399].

Обратимся к примерам: 1) **Что-то** неувимое в обстановке этой комнаты **заставило меня вспомнить** Генеральный штаб, где я часто бывал в шестнадцатом году, пробуя себя на ниве патриотической журналистики (В. Пелевин. Чапаев и пустота); 2) **Как-то** зимой, переходя по льду через реку, я издали приметил расположенную поперек нее шеренгу темных предметов, большие рога двадцати диких яков, застигнутых при переправе внезапно образовавшимся льдом; сквозь его толстый хрусталь было ясно видно оцепенение тел в плывущей позе; поднявшиеся надо льдом прекрасные головы казались бы живыми, если бы уже птицы не выклевали им глаз; и **почему-то** я **вспомнил** о тиране Шеусине, который вскрывал из любопытства беременных, а однажды, увидав, как в холодное утро носильщики переходят вброд ручей, приказал отрезать им голени, чтобы посмотреть, в каком состоянии находится мозг в костях (В. Набоков. Дар).

Как видим, сопоставление двух фактов, установление ассоциативных связей между событием прошлого и неким “знанием” о мире обнаруживает присутствие личности Говорящего, работу его мысли.

В текстах часто эксплицируется, что «работа» памяти отливается в мысль или опосредуется мыслью, что тоже свидетельствует о взаимодействии модусной категории «воспоминание» и ментального модуса, например: 1) Однажды, не так давно, когда я **поняла, что забыла** все, совсем, **помню** лишь названия двух-трех улиц (давно уже

переименованных), я попросила отца нарисовать план Ташкента по памяти (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); 2) Почему же опять я **думаю** (ср.: **вспоминаю**. – Т. К.) только об отце? Снова и снова... Почему из них двоих только он, трагический шут, **всегда занимал мои мысли** – разве это справедливо? (Д. Рубина. Синдром Петрушки).

На близость модуса «вспоминание» и ментального модуса указывает и тот факт, что (как показывает языковой материал) иногда Говорящий, пытаясь более точно отразить свою мысль, затрудняется в выборе между **понял** и **вспомнил**, например: *Какая-то искра проскочила между нами, и я **понял**... Точнее, я **вспомнил**... А ещё точнее, **вспомнил** и осознал то, что **вспомнил*** (В. Белоусова. Второй выстрел). Как видим, «сотрудничество» модуса «вспоминание» и ментального модуса семантически обусловлено.

Связь памяти с мыслительной деятельностью отмечает М. А. Дмитриовская, опираясь на “Словарь Академии Российской” 1847 г.: слова **память** и **помнить** исторически восходят к лексемам **мнить** и **мнение**; у слова **помнить** фиксируется значение «подумать, представить себе в мыслях» с пометой *устаревшее*; слово **память** родственно также др.-лит. *mintis* ‘мысль, суждение’, др.-инд. *matīs* ‘мысль, намерение, мнение’, авест. *maiti* ‘мысль, мнение’, лат. *mens* ‘ум, размышление, разум’ [Дмитриовская, 1991].

Информация о связи глаголов **помнить**, **вспомнить** и **думать**, **знать** представлена в Русском ассоциативном словаре (РАС): слово **думать** зафиксировано как реакция на слово-стимул **помнить**, слово **помнить** – как реакция на слово-стимул **знать**, а слово **вспоминать** – как реакция на слово-стимул **думать** [РАС, 2002].

Как уже ранее отмечалось, глаголы **помнить** и его дериваты являются, с одной стороны, средствами выражения модуса «вспоминание», а с другой – ментальными предикатами, например: 1) *Я **помню** хлопоты, укладывание громоздких вещей и вечные вопросы о том, что именно положено в корзину с серебром, а что в корзину с шубами* (Г. Газданов. Вечер у Клэр); 2) *А я как*

вспомню, как она глядела на вас, как от счастья едва дышала, так и думаю: глупы люди (Л. Зорин. Медный закат).

В приведенных примерах наблюдаем, не только, наложение диктума и модуса, но и взаимодействие «воспоминания» и ментального модуса.

Опираясь на словарные дефиниции (*помнить* – это “держать в памяти, не забывать”, *вспомнить* – “воспроизвести в памяти, привести себе на память” [Ушаков, 1939]; “возобновить в памяти, вернуться мыслью к прошлому” [Шведова, 1998; Ожегов, Шведова, 1997]), мы можем выделить общую для данных глаголов сему ‘ментальное’, которая сигнализирует о взаимодействии модуса «воспоминание» и ментального модуса.

Далее мы вернемся к вопросу о периферийных средствах выражения МК «воспоминание» под углом зрения взаимодействия этих МК.

В. Г. Гак относит глаголы *помнить* и *вспомнить* к словам ментального поля не случайно и с помощью лексемы *помнить (о)*, опираясь на данные словарей, интерпретирует одно из значений глагола *думать*. [Гак, 1993].

Действительно, в художественном тексте глагол *помнить* и его дериваты могут иногда по смыслу сближаться с глаголами *думать / подумать, знать*, например: 1) *<...> это предприятие не из легких, я чувствую всей душой, что ты его осуществишь замечательно, но помни, что нужно много точных сведений, и очень мало семейной сентиментальности* (В. Набоков. Дар); 2) *Я помнил, конечно, что это чистое притворство — но именно мое отчетливое понимание данного обстоятельства и превращало Каю в живую женщину* (В. Пелевин. S.N.U.F.F.); 3) *И тут я вспомнил одного из моих учителей* (Д. Гранин. Зубр); 4) *Я вполне отдавал себе отчет, что со мной случилось, но я старался не вспоминать этого паршивого образа, уложившего меня на Тверском бульваре* (А. Лосев. Епишка).

Ср. с трансформами: 1) *<...> это предприятие не из легких, я чувствую всей душой, что ты его осуществишь замечательно, но знай, что нужно*

много точных сведений, и очень мало семейной сентиментальности; 2) **Я** **знал**, конечно, что это чистое притворство — но именно мое отчетливое понимание данного обстоятельства и превращало Каю в живую женщину; 3) И тут я **подумал про** одного из моих учителей; 4) Я вполне отдавал себе отчет, что со мной случилось, но я **старался не думать об** этом паршивом образе, уложившем меня на Тверском бульваре.

Как видим, в целом между исходными высказываниями и трансформами наблюдаются незначительные семантические различия. В трансформах глаголы **знай / знал, подумал, (старался не) думать** акцентируют внимание на обладании информацией, на способности Говорящего направлять мысль на нужный объект или в нужном направлении. Однако слова **помнил, вспомнил** в исходных фразах передают не только это значение «обладание информацией», но и степень значимости информации, извлеченной из памяти, поскольку выражают необходимость ее сохранения (или не-сохранения, как в последнем примере).

При исследовании ментального модуса Н. Д. Арутюнова также отмечает употребление глагола **знать** в значении “помнить” в таком контексте, как *Тебе пора учить уроки. – Я знаю. Не нужно мне об этом напоминать.* В этом случае речь идет не столько о знаниях о действительности, сколько о владении некоторой информацией и ее присутствии в памяти [Арутюнова, 1988].

Близкую мысль о связи понятий памяти и знания высказывает и М. А. Дмитриовская, подчеркивая, «что в некоторых контекстах глаголы **помнить** и **знать** является взаимозаменяемыми, ср. А: *Собирайся, тебе надо быть в институте к пяти часам.* Б: *Я знаю (=я помню)* [Дмитриовская, 1988. С. 175].

В тех случаях, когда имеется в виду знание Говорящего о себе, глагол **знать** регулярно употребляется в значении “помнить”, например: *Хотел ли я убежать совсем из дома, или утопиться, не помню; знаю* (тождественно *помню.* – Т. К.) *только, что, закрыв лицо руками, чтобы не видать никого, я*

бежал всё дальше и дальше по лестнице (Л. Толстой. Отрочество). Иногда высказывание осложняется прагматической информацией «Я помню это и буду действовать надлежащим образом», например: Успокойся, Серёжа, – покровительственно усмехнулся Миша, – я **знаю**, как и что говорить. Тут надо аккуратно (Е. Гришковец. Асфальт).

Одним из показателей модусной категории «воспоминание» является лексико-семантический вариант глагола **забыть**, синонимичный сочетанию **не думать** или словосочетанию **перестать думать**: забыть – «упустить из сознания, перестать держаться в мыслях, запомнить» [Ожегов, Шведова, 1997], например: 1) *Про любовь я **забыл**, когда расстался со своей женой и вслед за тем со спокойной легкостью начал сходить до крайней близости с любой более-менее привлекательной женщиной* (А. Кирилин. Нулевой километр); 2) *Какая мне разница, запомнит ли меня мир, если сам я с большим удовольствием **забуду** и его, и себя* (В. Пелевин. S.N.U.F.F.); 3) *К весне **забуду**, какие дураки живут за милыми рижскими фасадами* (Слава Сэ. Ева).

Проведем эксперимент: слово **забыть** заменим на словосочетание **перестать думать**. Ср.: 1) *Про любовь я **перестал думать**, когда расстался со своей женой и вслед за тем со спокойной легкостью начал сходить до крайней близости с любой более-менее привлекательной женщиной*; 2) *Какая мне разница, запомнит ли меня мир, если сам я с большим удовольствием **перестану думать** и о нем, и о себе*; 3) *К весне **перестану думать**, какие дураки живут за милыми рижскими фасадами*.

Как видим, трансформы представляют собой не искусственные фразы. Они, так же как и исходные выражения обозначают утрату информации. Семантическое различие между трансформами и исходными высказываниями состоит в том, что последние называют непроизвольное действие в ментальной сфере (**забыть**), в то время как трансформы передают значение действия, осуществление которого непосредственно зависит от воли и желания Говорящего: **думать** – «направлять мысли на кого-что-н.,

размышлять» [Ожегов, Шведова, 1997]. Таким образом, *забыть* и *перестать думать* синонимичны, но не во всех случаях заменяемы.

К глаголам ментального поля В. Г. Гак относит и слово *узнавать*, связывая его с направленностью в прошлое, ретроспективностью [Гак, 1993]. И действительно, его семная структура органично включает сему 'воспоминание', поскольку *узнавать* – это «обнаружить в ком-чем-либо знакомое, то есть такое, о чем знал раньше» [Ожегов, Шведова, 1997]. Так, в примере *Иногда я узнавал места, памятные мне с детства, но чаще находил их сильно переменившимися* (О. Зайончковский. *Счастье возможно: роман нашего времени*) Говорящий сопоставляет новое знание с прежним, а значит, глагол *узнавать* имплицитно отражает взаимодействие модусной категории «воспоминание» и ментального модуса.

В контексте *Временами, когда он откидывал назад голову, чтобы по старой школьной привычке посмотреть вверх, прежде чем ответить на вопрос, я узнавал своего прежнего друга, и в сердце у меня оживали давно забытые чувства* (А. Геласимов. *Ты можешь*) слова *по старой школьной привычке* вводят информацию, не являющуюся для субъекта новой, а восстановление этой информации или обнаружение «в ком-чем-либо знакомого, то есть такого, о чем знал раньше», выражают показатели модусной категории и «воспоминание» *узнавал, прежнего, оживали давно забытые*. В первом показателе семантика собственно ментального предиката и «воспоминание» накладываются друг на друга. Это позволяет говорить о взаимодействии модусной категории «воспоминание» с ментальным модусом. Более того, семантика «воспоминание» в высказывании доминирует.

Таким образом, к зоне дальней периферии средств выражения МК «воспоминание» относятся ментальные глаголы, называющие процесс мышления (*знать, узнавать*), а в некоторых случаях одновременно указывающие на степень значимости самого воспоминания.

Итак, подведем итоги. «Воспоминание» как модусная категория и ментальный модус имеют область пересечения, потому что память и мышление – связанные между собой ментальные процессы. След этого взаимодействия отражен 1) в специфике лексического значения и в этимологических особенностях глаголов *помнить, вспомнить, забыть* – средств выражения модусной категории «воспоминание»; 2) в их способности выступать в определенном контексте в качестве периферийных средств выражения ментального модуса, то есть употребляться как синонимы ментальных глаголов *думать, знать*. С другой стороны, такие средства выражения ментального модуса, как глаголы *знать, узнавать, понять*, относятся к зоне дальней периферии средств выражения модусной категории «воспоминание», поскольку они могут называть не только собственно ментальные процессы (знание, мышление), но и указывать на «отступ назад во времени» (свойственный модусной категории «воспоминание»). Тем не менее при замене показателей модуса «воспоминания» (*помнить, вспомнить, забыть*) на языковые средства ментального модуса (*думать, знать*) наблюдается семантический сдвиг, связанный с утратой семантики «степень значимости для Говорящего предъявляемой информации».

1.11. Типы взаимодействия модусной категории «воспоминание» с другими модусными категориями

Одна из проблем, данного исследования, которая решалась в предыдущих параграфах, – это вопрос о связи и взаимодействии модусной категории «воспоминание» с такими модусными категориями, как авторизация, персональность, темпоральность, достоверность, эвиденциальность, восприятие и ментальный модус. Исследование языкового материала по данной теме позволило выделить три типа взаимодействия названных модусных категорий.

I. Показатели «воспоминание» могут выражать сразу несколько модусных значений, что обусловлено синкретизмом семантики исследуемой

модусной категории. Подобный тип взаимодействия модусных категорий мы называем **наложением**, или **спаянностью**. Этот тип взаимодействия свойственен отношениям исследуемой МК с авторизацией, персональностью, темпоральностью, достоверностью, восприятием и ментальным модусом.

- Модусное значение «воспоминание» предполагает, что Говорящий обращается к событиям, свидетелем которых он был в прошлом, следовательно, предъявляемая им информация в плане оппозиции «свой / чужой» квалифицируется как «своя», например: 1) *Однажды, **помню**, это была особенно невыносимая прогулка, я взмок, как мышь, и смертельно ослаб от этих резких и безостановочных переключений* (М. Палей. Ланч); 2) ***Вспоминаю** папу. Высокий, красивый, седые виски, узкая голова* (И. Грекова. Перелом). Так, в данных примерах **помню**, **вспоминаю** выражают авторизационное значение, о чем свидетельствует форма 1-го лица указанных показателей «воспоминание». Кроме того, сема ‘говорящий’ называет обладателя предъявляемых воспоминаний, что свидетельствует о тесном взаимодействии «воспоминание» и авторизации, точнее, об их спаянности.

- Ядерные и основные периферийные показатели «воспоминание», помимо семантики этой МК, имеют значение 1-го и реже 2-го синтаксического лица: воспоминания могут принадлежать Говорящему непосредственно или являться фоновыми для группы людей, в которую включен и Говорящий, например: 1) ***Помню я** эту квартирку-то... на Пречистенке-то...* (А. Волос. Недвижимость); 2) *Но **помню**, что речь его была неожиданно грубо-простонародной, неправильной, он ёрничал, даже издевался надо мной* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); 3) *Мощно гудит, как ведёрный самовар перед бедой, **помнишь**, как у нас в семнадцатом году самовар гудел?* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); 4) *Если вы бывали на Финляндском вокзале в те времена, то, наверное, **помните** чудодействующих мороженщиков, толстых от тулупов, нарядных от надетых поверх них белых фартуков <...>* (М. Палей. Поминование).

Показатели МК «воспоминание» в данных примерах – формы личных глаголов (*помню, помнишь, помните*) – одновременно являются средствами выражения персональности, поскольку категория персональности указывает на лицо, к которому относится действие, описанное в высказывании (в первых двух примерах события прошлого составляют личный опыт Говорящего, тогда как в двух последних – это достояние многих, в том числе и автора высказывания). Такое «сотрудничество» «воспоминание» и персональности позволяет квалифицировать тип их взаимодействия как спаянность.

- Как спаянность мы рассматриваем и взаимодействие исследуемой МК и темпоральности. Значение модусной категории «воспоминание» связано с отступом назад во времени, другими словами, в самой дефиниции указывается на связь этой модусной категории с темпоральностью. Не случайно показатели темпоральности (наречия с временной семантикой, различные лексические показатели) составляют периферию языковых средств выражения исследуемого модуса, например: 1) *Конечно, тогда мне было очень даже обидно. Но теперь, когда страсти улеглись (особенно, конечно, бушевал я), а мой подопечный, надо думать, протрезвел, я должен, как говорится на собраниях, сказать и о своих ошибках* (Ф. Искандер. Путь из варяг в греки); 2) *По сути дела, я был к ней по-прежнему очень привязан, только мне всё время было не до неё* (В. Белоусова. Второй выстрел); 3) *Человек, так хорошо знающий своих предков, встретился мне впервые* (Д. Гранин. Зубр); 4) *То первое явление было еще в детстве моем, и вот уже на склоне пути моего явилось мне воочию как бы повторение его* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы). Как видим, называя время события, Говорящий одновременно обращается в своем сознании к этому событию непосредственно, иначе говоря, любое упоминание временного отрезка или указание на него обязательно предполагает воспоминание.

- Семантика МК «воспоминание» содержит указание на степень погрешности в точности воспроизведения информации, в её адекватности происходившим в прошлом событиям, что связано со свойством памяти. Приведем примеры: 1) *Он, бедняга, в ту зиму натерпелся, я **помню*** (Ю. Трифонов. Обмен); 2) *Ты за него не переживай, он сильный, он выкарабкается, хотя, **помнится**, он такой впечатлительный* (А. Азольский. Монахи); 3) *<...> я **вспоминаю** глухонемых ловкачей из детства, с пляшущими лицами, со слышным вывертом челюстного сустава, со слюнным хлюпаньем языка во влажном или — шелестом в пересохшем — рту* (А. Иличевский. Перс); 4) *В моей памяти осталась такая картина: мы с Грымом и Хлоей стоим возле императорской колесницы, которую много раз использовали в исторических снафах, и слушаем гида* (В. Пелевин. S.N.U.F.F.). В данных примерах не обозначена степень точности воспоминаний. Но даже если Говорящий ее не маркирует, показатели «воспоминание» сигнализируют адресату о возможном искажении событий прошлого, иными словами **я помню** — то есть «**я предъявляю то, что сохранилось в памяти**». Это позволяет говорить о спаянности МК «воспоминание» и достоверности.

- Семантику «воспоминание» в определенных контекстах способны выражать и показатели «восприятия» **видеть**, **слышать**, что обнаруживает тесное взаимодействие данных субъективных смыслов, а точнее, их спаянность, например: 1) *Много раз после вспоминал я, как смотрел на меня умирающий Шумилин. Я и до сих пор **вижу*** (ср. **помню**) *его глаза* (Г. Бакланов. Пядь земли); 2) *У меня в памяти большая коллекция живых картин. Сюжет всегда один и тот же — Мария — но разные декорации <...> Она **видится*** (ср. **вспоминается**) *мне так резко и красочно, точно в камере-обскуре. Я слежу за ее легкими движениями, поворотами головы, игрой света и тени на ее лице. Я **слышу*** (ср. **вспоминаю**) *ее голос <...>* (А. Куприн. Колесо времени); 4) *Все это как теперь перед моими глазами, и еще **слышится*** (ср. **вспоминается**) *мне кадрили из «Девы Дуная»,*

под звуки которой все это происходило (Л. Толстой. Детство). Как видим, извлекая из памяти ситуации визуального и аудиального восприятия, Говорящий обращается к перцептивной лексике для вербализации процесса припоминания.

- Периферийные показатели модусной категории «воспоминание» выражают значение ментальной операции припоминания, что обуславливает тесное «сотрудничество» исследуемого субъективного смысла и ментального модуса. В некоторых контекстах, эксплицитные средства выражения первого (*помнить, вспомнить, забыть*), будучи семантически близкими ментальным глаголам *думать, знать*, одновременно являются средствами выражения второго, например: 1) *Мужик-ходок заставил меня вспомнить* (ср. *подумать*) *кое-что из этой жизни и возвратиться к продолжению воспоминаний моего детства* (Г. Успенский. Наблюдения одного лентяя); 2) *Сначала я смотрел на экран, а думал о Кате, о том, что она, может быть, в чем-то права, но нельзя разрешать ей меня дурачить. Потом Сильвана Пампанини увлекла меня, и я на некоторое время забыл* (ср. *перестал думать*) *о Кате* (Ю. Трифонов. Утоление жажды). И, наоборот, некоторые показатели ментального модуса составляют дальнюю периферию средств выражения МК «воспоминание», например: *Потом — всю жизнь — я узнавала эту маску бессмысленной, каверзной, поганой улыбки, невольной ухмылки исподтишка, для себя, когда никто не видит* (Л. Петрушевская. Незрелые ягоды крыжовника).

Итак, показатели исследуемой модусной категории комплексны и могут выражать сразу несколько модусных значений: «воспоминание» и авторизация / персональность / темпоральность / «восприятие» / ментальный модус.

II. Языковые средства выражения модусной категории «воспоминание», обозначая процесс сохранения и воспроизведения информации, указывают на память как на ее источник, например: 1) *Я его помню* *в одной торжественной обстановке среди именитых лиц: рыжий,*

коренастый, с круглыми бегающими глазами и куцупыми руками, покрытыми веснушками (Н. Лесков. Загон); 2) **Помню**, редактор одной газеты жаловался: — Вы нас попросту компрометируете (С. Довлатов. Чемодан); 3) Я рассказываю Кате о своем прошлом и, к великому удивлению, сообщая ей такие подробности, о каких я даже не подозревал, что они еще **целы в моей памяти** (А. Чехов. Скучная история); 5) Снова и снова **перелистываю** эти жалкие **воспоминания** и все допытываюсь у самого себя, не оттуда ли, не из блеска ли того далекого лета пошла трещина через всю мою жизнь (В. Набоков. Лолита). Особенность взаимодействия модусных категорий «воспоминание» и эвиденциальности обусловлена тем, что эвиденциальность в семантическом плане шире: память — лишь один из источников информации. Такой тип взаимодействия мы определяем как **включение** одного субъективного смысла в другой.

III. Однако взаимодействие модусных категорий может реализовываться не только на семантическом уровне, но и на уровне сочетаемости показателей разных субъективных смыслов. Поэтому третий тип взаимодействия МК «воспоминание» и других модусных категорий (авторизации, достоверности, восприятия) называется **линейная цепочка**.

- Так происходит взаимодействие МК «воспоминание» и авторизации: Говорящий предъявляет только собственный прошлый опыт, выражая это сочетанием периферийных показателей исследуемой МК с различными формами местоимениями я, мой, например: 1) **Я вспомнил** свой старый добрый военкомат. **Вспомнил** тамошнего майора Абрамова, со спокойной, не сомневающейся в себе наглостью лупоглазо разглядывающего тебя, прежде чем что-нибудь сказать <...> (Павел Мейлахс. Отступник); 2) **Мне припомнился** в эту секунду весь его пошлый разговор и хвастовство (Н. Лесков. Некуда); 3) **Пришла мне на память** моя пьяная удаль, не знающая границ в своей шире, сатанинской гордости и презрении к жизни (А. Чехов. Драма на охоте).

- Взаимодействие МК «воспоминание» и достоверности наблюдается в случае, если Говорящий акцентирует внимание на степени точности извлеченной из памяти информации выражает сочетание ментальных предикатов *помнить*, *вспомнить* и др. (показателей модуса «воспоминание») с наречиями *точно*, *ясно*, *отчетливо*, *смутно* и т.п., а также с такими лексическими показателями с семантикой времени, как *до сих пор*, *как сейчас*, фразеологизованной конструкцией *не могу забыть* и др., например: 1) *Но до чего же **ясно помню** я сидевшего на облучке Гришку, парня лет семнадцати* (С. Сергеев-Ценский. Младенческая память); 2) ***Я отчетливо вспомнил**, как мне тогда стало худо, когда я самую малость, ну буквально чуть-чуть, понюхал этот порошок* (В. Кунин. Кыся); 3) ***Смутно помню** — дым, я куда-то лезу, задыхаюсь, падаю... Потом ночь, какая-то улица* (А. Слаповский. Синдром Феникса); 4) ***Я как сейчас помню** случай, когда дряхлый дьякон изрек мне это своеобразное определение <...>* (Н. Лесков. Захудалый род); 5) ***Я, почтеннейший, проходил вчера мимо вашей стойки и до сих пор не могу забыть ни осетрины, ни брынзы*** (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Причем степень точности предъявляемой информации может содержать и ее оценку, как в последнем контексте.

- Так же синтагматически «сотрудничают» субъективные смыслы «воспоминание» и восприятие.

В памяти могут храниться зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые ощущения, что воплощается в языке через сочетание предикатов, обозначающих ментальную операцию припоминания, со словами со значением «восприятие» или имплицитно указывающими на ситуацию восприятия, например: 1) ***Я помню выражение** моего лица, **Я помню движение** моей голой шеи, когда **Я** поворачиваю голову и смотрю, **Я помню прикосновение** золотого венка к моему плешивому темени* (Л. Андреев. Дневник сатаны); 2) ***Я помню**, как один менее преуспевающий автор, мой приятель, говорил: «Ну что тебе жаловаться?»* (С. Довлатов. Дар органического беззлобия); 3) ***Помню запах** какой-то пудры — которую она,*

*кажется, крала у испанской горничной матери — сладковатый, дешевый, мускусный душок <...> (В. Набоков. Лолита); 4) **Помню вкус** зеленого железного ведерка на зубах (В. Шкловский. Третья фабрика).*

Итак, модусная категория «воспоминание» взаимодействует с различными модусными категориями неодинаково: некоторые МК, как авторизация, достоверность, восприятие, могут вступать в разные типы взаимодействия: и спаянность, и линейная цепочка.

1) первый тип взаимодействия назван спаянностью, потому что это взаимодействие имплицитно и осуществляется на семантическом уровне, когда синкретичные показатели исследуемой МК могут выражать и другие модусные смыслы (авторизацию, персональность, темпоральность, эвиденциальность и ментальный модус);

2) второй тип взаимодействия — включение одного субъективного смысла в другой;

3) третий тип назван линейной цепочкой, потому что взаимодействие показателей разных МК (воспоминания и авторизации / достоверности / восприятия) происходит на синтагматическом уровне.

Как видим, высказывание очень часто может содержать целый комплекс тесно взаимосвязанных субъективных смыслов, что является отражением сложного рисунка внутреннего «Я» Говорящего.

Выводы по первой главе

1. В диссертации мы опираемся на идею современной лингвистики о том, что модус – комплекс обязательных и необязательных семантических категорий в семантической структуре высказывания, с помощью которых Говорящий выражает свое отношение к описываемой ситуации (или событию), к информации о них, к Адресату, к высказыванию как речевому произведению, а также к собственному речевому поведению. Обязательные модусные категории в высказывании могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно.

2. «Воспоминание» – это необязательная модусная категория, отражающая рече-мыслительную операцию предъявления Говорящим собственного прошлого опыта и маркирующая «внимание адресата на степени погрешности в точности воспроизведения информации, в её адекватности происходившим в прошлом событиям, что связано со свойством памяти».

3. Средства выражения модусной категории «воспоминание» имеют ядерную и периферийную зоны. Ядро показателей составляют вводные единицы *помню*, *помнится* и другие вводные элементы, образованные на их базе. Вводные единицы *помню* и *помнится*, не будучи семантически тождественными, не только выражают значение «хранение информации в памяти» и акцентируют на нем внимание адресата, но и указывают на субъективность интерпретации события в результате ментальной операции припоминания.

4. Периферия средств выражения модусной категории «воспоминание» рассматривается в плане а) разграничения диктума и модуса высказывания, б) взаимодействия модусных категорий.

В художественном тексте в качестве показателей модусной категории «воспоминание», составляющих ближнюю периферию, доминируют предикаты, называющие ментальную операцию припоминания, а также лексема *забыть* и ее дериваты. Более того, они

могут содержать оценку Говорящим сообщаемой информации. Кроме того, в зону ближней периферии средств выражения исследуемой модусной категории входят разнообразные лексические показатели, со значением «хранение информации в памяти», такие глагольно-именные обороты, как *хранить в памяти*, фразеологизованные конструкции, метафоры, выступающие в значении «помню, вспоминаю». Дальняя периферия показателей исследуемой модусной категории является зоной пересечения значения «вспоминание», с одной стороны, и семантикой темпоральности, восприятия, ментального модуса, с другой.

5. Извлеченная из памяти информация в плане оппозиции «свой / чужой» регулярно квалифицируется Говорящим как «своя», что эксплицирует «сотрудничество» модусной категории «вспоминание» и авторизации. Говорящий предъявляет только собственный опыт, выражая это формой 1-го и 2-го лица показателей исследуемой модусной категории, а также их сочетанием с различными формами местоимений *я, мой*.

6. Взаимодействие модусных категорий «вспоминание» и персональности обусловлено тем, что предикаты, называющие ментальную операцию припоминания, не только вводят информацию, связанную с событиями в прошлом, но и отражают воспоминания Говорящего, являющиеся ситуативно-фоновыми для группы людей. Показателями персональности являются формы глагола 1-го лица единственного числа, если воспоминания принадлежат Говорящему, и 2-го лица единственного / множественного числа, если это ситуативно-фоновые воспоминания. Побуждение Говорящего к воспоминаниям могут передавать побудительные и имплицитно вопросительные предложения.

7. Периферийными средствами выражения модусной категории «вспоминание» являются разнообразные показатели темпоральности: чаще всего наречия с временной семантикой, позволяющие проследить векторы проспекции и ретроспекции в тексте; слова *впервые* и *первый* со значением, соответственно, “в первый раз”, “первоначальный, самый

ранний”, а также многочисленные лексические средства выражения значения темпоральности (*в ранней юности, в детстве* и др.). Показатели темпоральности, если рассматривать под углом зрения модусной категории «воспоминание», могут обладать в высказываниях сложной модусной перспективой и указывать на события разной удаленности от временной точки отсчета.

8. Модусная рамка «воспоминание» регулярно сообщает информацию о точности / неточности припоминания событий и ситуаций восприятия, при этом степень точности воспоминания в ряде случаев выступает как критерий оценки события в плане степени достоверности информации – от точного, достоверного воспроизведения событий, их оценки до забвения (*от очень хорошо помню до не помню*). Говорящий как правило маркирует неточные или утраченные воспоминания. В аспекте оценки значимости припоминаемого особое место занимает конструкция *не могу забыть*.

9. Языковые средства выражения модусных категорий «воспоминание» и эвиденциальности близки по значению, так как воспоминание – это не только сохранение и воспроизведение в памяти информации, но и источник этой информации. Чаще всего показатели исследуемой модусной категории передают значение «хозяина информации», но источником является не непосредственное наблюдение, а память, которая может выборочно воспроизводить какое-либо событие.

10. Как показал анализ материала, смысл «восприятие» относится к сфере субъективного. Исследование этого вопроса открывает новые стороны взаимодействия диктума и модуса высказывания. Взаимодействие показателей модусных категорий «воспоминание» и «восприятие» передано сочетанием предикатов, обозначающих ментальную операцию припоминания, со словами восприятия. Ситуации зрительного, слухового, тактильного восприятия могут стать своеобразным импульсом к воспоминаниям. «Сотрудничество» данных субъективных смыслов

отражено на семантическом уровне: показатели «восприятия» (*вижу, слышу*) могут выражать как семантику собственно восприятия, так и семантику ментальной операции припоминания, в этом случае материал позволяет говорить не просто о взаимодействии субъективных смыслов «вспоминание» и «восприятие», но об их спаянности.

11. Большинство контекстов, отражающих воспоминание ситуации восприятия, связаны с оценкой воспроизводимого памятью. Это дает основание полагать, что Говорящему важно не само ощущение как итог восприятия, а возможность его аксиологической оценки.

12. К зоне дальней периферии модусной категории «вспоминание» относятся такие средства выражения ментального модуса, как глаголы *думать, знать, понять*: в определенных контекстах они могут называть не только собственно ментальные процессы (знание, мышление), но и указывать на свойственный исследуемой модусной категории «отступ назад во времени». Имплицитное взаимодействие «вспоминания» и ментального модуса может также выражать глагол *узнавать*.

13. Являясь необязательной модусной категорией, «вспоминание» может «сотрудничать» как с обязательными модусными категориями, так и с необязательными. Выделяются три типа взаимодействия «вспоминания» с обязательными и необязательными модусными категориями: а) наложение друг на друга (или **спаянность**) «вспоминания» и субъективных смыслов авторизация, персональность, темпоральность, достоверность, эвиденциальность, а иногда восприятие, ментальный модус; б) **включение** одного субъективного смысла («вспоминание») в другой (эвиденциальность); в) взаимодействие показателей на синтагматическом уровне, или **линейная цепочка**, показателей МК «вспоминание» и авторизации / достоверности / восприятия).

ГЛАВА ВТОРАЯ. ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МОДУСНОЙ КАТЕГОРИИ «ВОСПОМИНАНИЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

2. 1. Особенности модусного ключа модусной категории «воспоминание»

В предыдущей главе языковые средства выражения МК «воспоминание», их взаимодействие с показателями других модусных категорий исследовались на уровне высказывания – предложения. Как показывает языковой материал, радиус их действия (термин С. Г. Ильенко) не ограничивается предложением – семантика «воспоминание» может быть задана и для текста / текстового фрагмента. Вторая глава рассматривает функционирование показателей исследуемой МК на уровне текста. Более того, круг языковых средств выражения «воспоминание» на текстовом уровне расширяется, поскольку некоторые слова и выражения способны передавать значение «отступа назад во времени» только на этом уровне.

Мысль Т. В. Шмелевой о «мощнейших текстообразующих возможностях модуса» [Шмелева, 1995. С. 34] позволяет рассматривать вопрос о способах организации текстового пространства модусными показателями, об их взаимодействии внутри одного текста / текстового фрагмента, а также о функции обеспечения его формальной и семантической связности и целостности.

Данный параграф посвящен функции модусного ключа «воспоминание», радиусу его действия и языковым средствам его выражения.

Мысль о возможности «распространить» определенное значение (в частности, рассматривалось значение темпоральности) с помощью отдельного показателя – «темпорального ключа» – на фрагмент текста в целом принадлежит А. В. Бондарко [Бондарко, 1976].

Вслед за А. В. Бондарко понятие «модусного ключа» связывает с актуализационными категориями Т. В. Шмелева, отмечая необязательность дополнительных показателей актуализации в случае действия актуализационного ключа, который задается для целого текста особыми высказываниями [Шмелева, 1988].

Опираясь на исследования А. В. Бондарко, Т. В. Шмелевой, под **модусным ключом** мы понимаем функцию показателя определенной модусной категории, суть которой состоит в распространении модусного значения на текстовый фрагмент различной протяженности. Такой показатель располагается в начале текста или текстового фрагмента. Так, значение «воспоминание» может быть задано при помощи различных показателей этой МК. Приведем примеры: 1) ***В тот вечер, я помню**, моим первым клиентом был старенький аббат с очень морщинистым лицом и маленькими глазами. Я увидел его издалека и сначала принял за акушерку <...>. Только подъехав ближе, я убедился в своей ошибке. Он ехал на вокзал d'Orsay. Там он вылез, расплатился и дал мне пятьдесят сантимов на чай. Я не мог не улыбнуться и сказал:*

– Итак, отец мой, Церковь, стало быть, напрасно учила вас щедрости? Представьте себе, что на вашем месте был бы, например, святой Франциск. Думаете ли вы, что он дал бы мне только пятьдесят сантимов?

Старик улыбнулся и покачал головой, но ответил немедленно, точно эта реплика давно была приготовлена им:

– Нет, сын мой, нет. Если бы святому Франциску нужно было бы на вокзал, он не брал бы такси, он пошел бы пешком.

*– Вы правы, отец мой, – сказал я, не удерживая смеха, – мне остается только пожелать вам счастливого путешествия (Г. Газданов. Ночные дороги); 2) **Помню только**, как-то раскрыл глаза и не понял ничего: лицо словно ватой обложено. А это пошел мокрый снег. Снежинки на губы падали, и я их слизывал, потому как внутри все горело. И такая мука, такая*

жажда!.. А потом приморозило. Хотел двинуть рукой – черта с два. Не двигается. И зад не двигается. Бушлат-то примерз, все от крови там смерзлось. Вот и лежу. Хочу крикнуть и не могу. Нет голоса. Нет крика. И не могу понять, что случилось и где я <...> (В. Быков. Карьер); 3) *Это я знаю потому, что у меня очень ярко сохранилось воспоминание об одном случае... единственном случае*, рассказывая о котором я боюсь покраснеть <...> За чаем я поссорилась с доктором <...>. Жалуюсь вам на него, в беседе, я расплакалась. Помните ли вы этот случай? Вы растерялись, говорили какие-то бессвязные, но милые, ласковые слова и осторожно гладили меня, как ребенка, по волосам. Это участие совсем растрогало меня, я прижалась головой к вашему плечу, и вы... вы поцеловали меня несколько раз подряд в висок и в щеку <...> (А. Куприн. Сентиментальный роман); 4) *Вот как помнится мне это дело. Мы вышли из деревни Тышвицы в 3-м часу утра. Густела предрассветная тьма. Остро пахло сосновой хвоей и овсяными хлебами. Полк шел, разбитый на сотни. С проселка свернули влево и пошли по хлебам. Лошади шли, пофыркивая, копытами сбивая сочную росу с овсов. Прохладно даже в шинели. Полк долго таскали по полю <...>* (М. Шолохов. Тихий Дон).

Как видим, семантика модусной категории «воспоминание» обозначена в каждом примере только соответствующим модусным ключом и не требует дополнительных модусных показателей, поскольку отнесенность событий к прошлому распространяется на весь текстовый фрагмент;. Это может быть сочетание слов, располагающихся в разных предикативных единицах (как в первом – *В тот вечер, я помню*), предикативной единицей (во втором, третьем, – *помню только; у меня очень ярко сохранилось воспоминание об одном случае... единственном случае* соответственно), отдельным предложением (как в четвертом – *Вот как помнится мне это дело*).

Сфера действия модусного ключа «воспоминание» может быть разной. Как видим в приведенных примерах, он может задавать значение «отступа назад во времени» для небольшого текстового фрагмента.

Также показатели модусной категории могут выполнять функцию модусного ключа для целой главы одного произведения (1) или целого произведения (2), например: 1) *Детство стало понемногу связывать меня с жизнью, – теперь в моей памяти уже мелькают некоторые лица, некоторые картины усадебного быта, некоторые события...*

*Из этих событий на первом месте стоит мое первое в жизни путешествие, самое далекое и самое необыкновенное из всех моих последующих путешествий. Отец с матерью отправились в ту заповедную страну, которая называлась городом, и взяли меня с собой. Тут я впервые испытал сладость осуществляющейся мечты, а вместе с тем и страх, что она почему-нибудь не осуществится <...> (И. Бунин. Жизнь Арсеньева. III глава первой книги); 2) –Ты говоришь – случайности, – произнес вдруг Василий Филиппович, грузно повертываясь в своем кресле и заслоняясь рукой от света, – а ты знаешь ли, что жизнь иногда возьмет да удерет такую шутку, что никакой твой романист ничего подобного не придумает? <...> **Припомнился мне один случай, вот я и сказал...***

Дядя замолчал и долго с томительным кряхтеньем укутывал больные ноги. Потом он начал:

– Собрались мы раз у ротмистра фон Ашенберга на именины. Было дело зимой. А мы, надо тебе сказать, то есть наш N-ский гусарский полк только что воротился тогда из венгерской кампании, и начальство нас расквартировало по омерзительным деревушкам. Глушь и тоска – просто невероятные. Ездили мы, правда, по окрестным попам, – ну, да посуди сам, что ж тут веселого? Оставалось нам только одно – беспросветное пьянство и карты, карты и пьянство. <...>

– Вот видишь, какие случайности есть в запасе у жизни, голубчик (А. Куприн. Брегет).

Итак, радиусом действия модусного ключа может быть как текстовый фрагмент, так и целый текст.

Модусный ключ может быть разным по протяженности: сочетание нескольких слов, предикативная единица, вводная единица и самостоятельное предложение.

Описывая модусную категорию «воспоминание» на материале мемуарной литературы Н. П. Перфильева отмечает, что самый короткий по протяжённости модусный ключ может представлять собой номинативную конструкцию. В качестве примера автор приводит фрагмент из воспоминаний О. Яковлевой об А. Миронове: *Обрывки памяти* [Перфильева, 2012].

Как показывает языковой материал, реже всего в роли модусного ключа выступают специализированные показатели МК «воспоминание» вводные элементы *помню* и *помнится*, например: 1) *Помню, принесла она мне как-то раз два кусочка сахара все в хлебных крошках. Я их съел и даже не очень заметил. А она на меня, когда я ел, так смотрела - словно молилась. Исхудала, стала такая голубая, прозрачная. Я не очень беспокоился. Я ведь и сам был худой, как уличная собака, но все у меня внутри горело* (И. Грекова. *Хозяева жизни*); 2) *Помнится, был нереальный снегопад, пьяная легкость от бессонной ночи, праздничное чувство начала не нового года, но как будто нового мира, и радостное переживание того, что мы в России. Может быть, мне смутно мерещилось, что я должен открыть Гуле эту страну — объяснить ее мороз, и снег, и колдовскую власть и тем самым оправдаться, смягчить свой отказ, дать понять, что дело — не в другой женщине, но только в этом снегопаде, в кружении морозной пыли над пустыми полями; я предложил выйти в Переделкино, и мы попали к заутрене <...>* (Н. Климонтович. *Дорога в Рим*). В первом примере модусный ключ «воспоминание» выражен вводным элементом *помню*, во втором — *помнится*. Реализуя семантику исследуемой МК в предложении, названные специализированные показатели могут занимать препозицию, интерпозицию и (редко) постпозицию, маркируя таким образом значимые для Говорящего детали прошлого опыта, что подробно рассматривалось в первой главе. Однако, как показывает языковой материал, вводные элементы в

предложении, выполняя функцию модусного ключа, занимают, как правило, препозицию и реже – интерпозицию. Случаи постпозиции вводных элементов, выполняющих функцию модусного ключа, в эмпирической базе отсутствуют.

Часто в роли модусного ключа выступают языковые средства выражения МК «воспоминание», составляющие ближнюю периферию, ментальные глаголы **помнить**, **помниться** и их дериваты, например: 1) ***Помню** я и старуху его. Все, бывало, сидит на скамеечке, на крыльце, согнувшись, тряся головой, задыхаясь и держась за скамейку руками, — все о чем-то думает. «О добре своем небось», — говорили бабы, потому что «добра» у нее в сундуках было, правда, много. А она будто и не слышит; подслеповато смотрит куда-то вдаль из-под грустно приподнятых бровей, трясет головой и точно силится вспомнить что-то. Большая была старуха, вся какая-то темная. Панева — чуть не прошлого столетия, чунки — покойницкие, шея — желтая и высохшая, рубаха с канифасовыми косяками всегда белая-белая, — «совсем хоть в гроб клади». А около крыльца большой камень лежал: сама купила себе на могилку, так же как и саван, — отличный саван, с ангелами, с крестами и с молитвой, напечатанной по краям <...> (И. Бунин. Антоновские яблоки); 2) ***Мне вспоминается** внутренность деревенского кабака: маленькие окна, бревенчатые стены, грязные сосновые столы и скамьи. За столами сидят мужики и пьют водку большими шкаликами из толстого зеленого стекла. Высокая стойка отгораживает полки с бутылками и огромную, тридцативедерную бочку с водкой. Около нее на стене висят разного калибра «мерки» — медные ковши, и кабатчик цедит в них из огромного крана бочки пахучую синеватую водку. Кабак галдит <...> (С. Скиталец. Сквозь строй).**

В силу синкретичности семантики МК «воспоминание» модусный ключ «воспоминание», реализуя значение исследуемой МК, часто взаимодействует с темпоральным ключом. В текстовом фрагменте может быть представлена линейная цепочка показателей МК «воспоминание» и

темпоральности, например: 1) *Я заплакал. **Вспомнилась вчерашняя сцена, сестра Мотя, которая теперь где-то пропадает, избитая. «Может быть, она уж больше не придет никогда», – подумал я и стал плакать громче. Накануне было вот что. Запряг отец лошадь и, войдя в избу, сказал матери:***

– Давай холсты, я поеду на станцию.

Сестра стирала рубахи, а мать возилась с шерстью.

– Не дам, – сказала она.

– Что ж, не жравши будешь? – спросил отец. – Я куплю муки на них.

*Мать молчала. Отец пошел в амбар, сбил топором замок с ящика и начал выбирать холсты, полотенца и сарафаны, складывая все в мешок и бросая на телег. <...> (И. Вольнов. Повесть о днях моей жизни); 2) **Из раннего моего детства я запомнил всего лишь одно событие. Мне было три года; мои родители вернулись на некоторое время в Петербург, из которого незадолго перед этим уехали; они должны были пробыть там очень немного, что-то недели две. Они остановились у бабушки, в большом ее доме на Кабинетской улице, том самом, где я родился. Окна квартиры, находившейся на четвертом этаже, выходили во двор <...> (Г. Газданов. Вечер у Клэр).***

И в первом и во втором примерах модусный ключ, задающий значение «отступа назад во времени» для всего текстового фрагмента, выражен периферийными показателями исследуемой модусной категории **вспомнилась** и **я запомнил**, которые сочетаются с показателями темпоральности **вчерашняя (сцена)** и **из раннего моего детства** соответственно. Последние не просто закрепляют семантику «воспоминание», но фиксируют события прошлого на конкретном временном отрезке относительно момента речи: *вчера* – в первом примере и *раннее детство* – во втором.

Синкретизм семантики «воспоминание» и, соответственно, разнообразие ее языкового воплощения обусловили то, что модусный ключ

«воспоминание» имеет разнообразные средства выражения (почти все названные и описанные в первой главе показатели исследуемой МК могут выполнять функцию модусного ключа). Иными словами, значение исследуемой МК может быть задано для текста или его фрагмента синкретичным модусным ключом.

Так, семантику МК «воспоминание» нередко может задавать и модусный ключ, выраженный показателями темпоральности, поскольку последние (что рассматривалось подробно в первой главе), имея общую с показателями «воспоминание» сему 'отступа назад во времени', эксплицируют значение исследуемой модусной категории: Говорящий восстанавливает события, свидетелем которых был в прошлом, иными словами, называя время события, Говорящий одновременно обращается в своем сознании к этому событию непосредственно. Приведем примеры:

1) ***Не так давно** я случайно услышал одну любопытную радиопередачу. Корреспондент останавливал на улице прохожих и задавал всем один и тот же вопрос: «Если бы вам пришлось писать мемуары, о чем вы хотели бы в них рассказать?» Ответы, разумеется, были разными. Одни рассказывали целые истории, другие отделялись анекдотами. Мне больше всего запомнился ответ одного старика. <...> «Отчего же?! Очень интересно», — сказал корреспондент, но в голосе его пряталось разочарование <...>* (К. Шахназаров. Курьер); 2) ***Эта история произошла восемнадцать лет тому назад.** Я был в ту пору студентом Ленинградского университета. Корпуса университета находились в старинной части города. Сочетание воды и камня порождает здесь особую, величественную атмосферу. В подобной обстановке трудно быть лентяем, но мне это удавалось <...>* (С. Довлатов. Креповые финские носки); 3) ***Это было ранней весной.** Мы ехали вторые сутки. В вагон входили и выходили едущие на короткие расстояния, но трое ехало, так же как и я, с самого места отхода поезда: некрасивая и немолодая дама, курящая, с измученным лицом, в полу мужском пальто и шапочке, ее знакомый, разговорчивый человек лет сорока, с*

аккуратными новыми вещами, и еще державшийся особняком небольшого роста господин с порывистыми движениями, еще не старый, но с очевидно преждевременно поседевшими курчавыми волосами и с необыкновенно блестящими глазами, быстро перебежавшими с предмета на предмет <...> (Л. Толстой. Крейцера соната). Как видим, в первом примере семантика «воспоминание» вводится в текстовый фрагмент показателем темпоральности, модусным ключом **Не так давно**, во втором и третьем примерах значение исследуемой МК задано для всего текста в целом модусными ключами **Эта история произошла восемнадцать лет тому назад** и **Это было ранней весной** соответственно. Это, безусловно, периферия языковых средств выражения МК «воспоминание».

Иногда модусный ключ, выраженный показателями темпоральности, участвует в оформлении глав текста. Так, например, в рассказе Б. Садовского «Три встречи с Пушкиным» воспоминания героя, составляющие содержание трех небольших глав, вводятся именно синкретичным ключом (своим для каждой главы):

I

В первый раз я Пушкина увидел ранней весной, а в котором году, не помню. Думаю теперь, что дело происходило лет за пять до кончины императора Александра. Жил я тогда в Петербурге и собирался поступить в университет, кажется, за год пред тем открытый. <...>

II

Вторая встреча моя с великим поэтом произошла так. Окончив университет, зачислился я на службу чиновником особых поручений к псковскому губернатору Пещурову, приходившемуся мне дядей. <...> Раз как-то, отправившись на утреннюю прогулку, в задумчивости набрел я на кучку ребят, играющих в бабки. От нечего делать я засмотрелся, как ловко взвивалась тяжелая свинчатка, подымая клубами пыль. <...>

III

Зимой 1837 года я служил в департаменте в Петербурге, когда разнеслась громкая весть о дуэли и смерти Пушкина. Хотя в Петербурге я жил уже года два, однако увидеть нашего знаменитого поэта мне так и не довелось. Только жене моей показали его однажды на Невском, об руку с красавицей супругой и в модной бекеше <...> (Б. Садовский. Три встречи с Пушкиным).

Функцию модусного ключа могут выполнять разнообразные лексические показатели исследуемой модусной категории, например: 1) *На траве, рядом с гнилыми бревнами стояла прекрасная, тонкостенная, выдолбленная из цельного дерева <...> липовая кадка. Дна у нее, правда, уже не было, но дубовая затычка в отверстии, как это ни курьезно, сохранилась. Эта затычка-то в первую очередь и всколыхнула мои воспоминания, о которых я сам не подозревал в своей захлавленной бесполезным позднейшим хламом памяти. Тотчас я увидел, как руки деда осторожно раскачивают затычку (и уже начинают просачиваться сквозь раскачку золотистые капли) и как, достаточно раскатав, дед решительно и резко отдергивает дубовый кляп, порождая этим движением солнечную струю. Если была бы вода или, скажем, брага, то струя ударила бы далеко, крутой дугой, но жидкость, густая и вязкая, никла от собственной тяжести. Она даже и не текла, а ниспадала и там, где дотрагивалась до дна посуды, ложилась туда и сюда толстыми прозрачными складками и только потом уже растекалась ровным слоем <...> (В. Солоухин. Смех за левым плечом); 2) И когда я прочел эти слова, **передо мной сразу встал, с той мгновенностью, которая характернее всего для воспоминаний, связанных с каким-нибудь запахом, – последний день, которым закончились наиболее важные события в жизни Федорченки. Это был дождливый и душный день, я проснулся с тем же ощущением беспричинной и непреодолимой тоски, с каким заснул, взглянул на портрет <...> (Г. Газданов. Ночные дороги); 3) Я сидел, поглядывал время от времени на своего будущего товарища по пешему хождению, и **передо мной, под однообразно-назойливое постукивание и шум*****

колес, вставляли и плыли тяжелые картины...Я снова с ужасом переживал все то, что видел и что было со мной за последнее время... А было вот что. Дойдя до последней степени нищеты, голодный, холодный, не имея возможности выбраться каким бы то ни было путем на родину и страстно желая этого, я решился, откинув стыд в сторону, попроситься на «вольный этап» <...> (С. Подъячев. Мытарства).

Значение «воспоминание» в приведенных текстовых фрагментах задают модусные ключи: *мои воспоминания; передо мной сразу встал, с той мгновенностью, которая характернее всего для воспоминаний, связанных с каким-нибудь запахом, – последний день; передо мной<...>вставляли и плыли тяжелые картины... Я снова с ужасом переживал все то, что видел и что было со мной за последнее время.* Как показывает языковой материал, наиболее часто среди лексических показателей в качестве модусного ключа «воспоминание» выступают а) метафоры (как во втором и третьем примерах) или б) лексические показатели, которые так или иначе сопрягаются с метафорой, как в первом примере (*мои воспоминания, о которых я сам не подозревал в своей захламленной бесполезным позднейшим хламом памяти*). Чаще всего функцию модусного ключа выполняют метафоры со значением визуального восприятия, как в приведенных примерах (*передо мной <...> вставляли и плыли тяжелые картины*). В некоторых случаях значение исследуемой МК, заданное лексическим показателем (*мои воспоминания*), усиливают показатели визуального восприятия (*я увидел*). Это вполне объяснимо отраженной в языке тесной связью ментальной сферы и визуального восприятия: периферию показателей «воспоминание» составляют традиционные лексические средства выражения визуального восприятия (см. I главу §1.10.).

Как показывает языковой материал, в качестве модусного ключа «воспоминание» могут выступать выражения с глаголом речи – *рассказать*, а также высказывания типа *это вот как было* или *было это так* и др.,

например: – *Так хотите, я вам расскажу, как я этой любовью самой был приведен к тому, что со мной было?*

– *Да, если вам не тяжело.<...>*

– *Ну, так я расскажу вам... Да вы точно хотите?*

Я повторил, что очень хочу. Он помолчал, потер руками лицо и начал:

– ***Коли рассказывать, то надо рассказывать все с начала: надо рассказать, как и отчего я женился и каким я был до женитьбы.***

Жил я до женитьбы, как живут все, то есть в нашем кругу. <...> (Л. Толстой. Крейцерова соната). В этом примере модусный ключ (***Коли рассказывать, то надо рассказывать все с начала: надо рассказать, как и отчего я женился и каким я был до женитьбы***) вводит в текст воспоминания героя. Глагол ***рассказать*** не выражает семантику «воспоминание» (***рассказать*** – “словесно сообщить, изложить что-н.” [Ожегов, Шведова, 1997]) и поэтому как показатель МК «воспоминание» в первой главе не рассматривался, но языковой материал позволяет утверждать, что в произведениях, композиция которых представляет собой рассказ в рассказе, может выступать в роли модусного ключа, задавая семантику «воспоминание» для всего текста. В данном случае, выражаясь словами Т. В. Шмелевой, «лексическая семантика показателя не соответствует его реальной “службе” модусу» [Шмелева, 2008. С. 146].

Рассмотрим примеры: 1) *Вот видишь, какой Димка был человек — добрый, — сказала Ленка. — А потом он себя еще отчаянным храбрецом показал. Было это так...*

Мы возвращались с Димкой домой. И вдруг увидели Вальку. Он бежал трусцой нам навстречу, на поводке тянул собаку, маленькую такую, на кривых ногах и с большими лохматыми ушами. Валька заметил нас и нырнул за угол. Димка бросился за ним, а я за Димкой. Валька прижался к стене и смотрел на нас какими-то странными глазами <...> (В. Железников. Чучело); 2) ***Я сейчас расскажу. Там было вот что. Как ваш покорный корреспондент уже сообщал итальянскому художнику Леонардо, я сидел в***

лодке, бросив весла. На одном из берегов кукушка считала мои годы. Я задал себе вопросы, несколько вопросов, и собрался уже отвечать, но не смог. Я удивился, а потом что-то случилось во мне – в сердце и в голове. Как будто меня переключили <...> (Саша Соколов. Школа для дураков); 3) Тем не менее костюм от редакции я получил. Строгий, двубортный костюм, если не ошибаюсь, восточногерманского производства. **Дело было так.**

Я сидел у наших машинисток. Рыжеволосая красавица Манюня Хлопина твердила:

— Да пригласи же ты меня в ресторан! Я хочу в ресторан, а ты меня не приглашаешь! <...> (С. Довлатов. Приличный двубортный костюм). В данных примерах модусные ключи (**было это так, там было вот что и дело было так**) актуализируют значение исследуемой МК, служат своеобразной точкой отсчета воспоминаний, сигналом того, что Говорящий обращается к событиям прошлого.

Модусный ключ «воспоминание» может не только задавать для всего текста или его фрагмента семантику «отступа назад во времени», но и выражать значение достоверности. В примере **А через год вот что было. Да, это было почти ровно через год!** В ясный сентябрьский день, перед вечером, вошел я к моим старикам больной, с замиранием в душе и упал на стул чуть не в обмороке, так что даже они перепугались, на меня глядя. Но не оттого закружилась у меня **тогда** голова и тосковало сердце так, что я десять раз подходил к их дверям и десять раз возвращался назад, прежде чем вошел, — не оттого, что не удалась мне моя карьера и что не было у меня еще ни славы, ни денег; <...> а оттого, что можно прожить десять лет в один год, и прожила в этот год десять лет и моя Наташа. Бесконечность легла между нами... И вот, **помню**, сидел я перед стариком, молчал и доламывал рассеянной рукой и без того уже обломанные поля моей ишляпы; сидел и ждал, неизвестно зачем, когда выйдет Наташа. <...>

И как теперь вижу: говорит она мне, а в глазах ее видна и другая забота, та же самая забота, от которой затуманился и ее старик и с

которой он сидел теперь над простывающей чашкой и думал свою думу <...> Дверь отворилась, и вошла Наташа <...> Но боже, как она была прекрасна! **Никогда, ни прежде, ни после**, не видал я ее такую, как в этот роковой день<...>Она очнулась, осмотрелась и вдруг — бросилась ко мне. Наскоро, точно торопясь и как будто прячась от Алеши, она вынула из кармана письмо и подала его мне. Письмо было к старикам и еще накануне писано. Отдавая мне его, она пристально смотрела на меня, точно приковалась ко мне своим взглядом. Во взгляде этом было отчаяние; я **никогда не забуду** этого страшного взгляда. <...> И вот вся история моего счастья; так кончилась и разрешилась моя любовь. <...> (Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные) значение «воспоминание» реализуется при помощи одного модусного ключа на несколько глав романа. Как видим, модусный ключ представлен двумя предложениями: первое – передает значение «воспоминание» (**А через год вот что было**), а второе (**Да, это было почти ровно через год!**) – подчеркивает достоверность сообщаемого. Семантика «воспоминание» усиливается здесь специализированным показателем (вводное слово **помню**), а также маркерами темпоральности (**никогда, ни прежде, ни после**). Высокую степень точности извлеченной из памяти информации поддерживают в тексте показатель достоверности **как теперь вижу** и выражение **никогда не забуду**. Последнее указывает на силу воспоминаний, их эмоциональную значимость для Говорящего, что позволяет рассматривать его как экспликатор значения достоверности.

Как подчеркивалось в первой главе, для Говорящего часто важны не столько сами воспоминания, сколько их аксиологическая оценка, возможность констатировать их значимость. В этом плане неслучайно модусный ключ «воспоминание» может задавать всему тексту не только значение исследуемой модусной категории, но и оценку извлеченной из памяти информации. Так, в контексте **Из всех моих воспоминаний, из всего бесконечного количества ощущений моей жизни самым тягостным было воспоминание о единственном убийстве, которое я совершил. С той**

минуты, что оно произошло, я не помню дня, когда бы я не испытывал сожаления об этом. Никакое наказание мне никогда не угрожало, так как это случилось в очень исключительных обстоятельствах и было ясно, что я не мог поступить иначе. Никто, кроме меня, вдобавок, не знал об этом <...> (Г. Газданов. Призрак Александра Вольфа) в роли модусного ключа используется не только лексический показатель исследуемой МК **из всех моих воспоминаний**, но и оценочное высказывание **самым тягостным было воспоминание о единственном убийстве**. Показатель оценочности отмечает событие прошлого как самое яркое в жизни Говорящего в отрицательном плане и распространяет этот смысл на весь текст. Аналитическая форма превосходной степени прилагательного (**самым тягостным**), имеющая оценочную сему, в сочетании с конструкцией (из всех Npl2 + форма превосходной степени) + было N1) усиливают заданное лексическим показателем значение «воспоминание»: Говорящий выделяет это событие прошлого из ряда других воспоминаний (как предшествующих ему, так и следующих за ним). Эта оценка стала возможна только спустя время, на фоне событий такого же рода. Таким образом, повествователь не просто вспомнил событие, но соотнес с рядом подобных в оценочном плане.

Говорящий может маркировать и выход из воспоминаний, оформляя в тексте это по-разному: вербально и невербально – с помощью многоточия и сплошного пробела в сочетании со сплошной линией.

В вербальном выражении нередко используются синкретичные показатели МК «воспоминание», в частности периферийный показатель **сейчас** (как отмечалось в первой главе, с его помощью намечается ретроспекция, употребляется он в предложении, как правило, в составе сопоставительных пар), например: **Однажды в Москве я увидел на бульваре старенькую пару. Старичок и старушка, обоим лет по сто, шли под руку. Я чуть не заплакал тогда, глядя на них. Я отогнал тогда это чувство, потому что шел на танцы. А сейчас я весь растворяюсь в жалости. Музыка жалости гремит во мне, как шторм. По берегу реки**

вразвалочку жмут мои друзья, Алик и Юрка. Алик тащит мой ватник (В. Аксенов. Звездный билет). В данном примере обращение к прошлому вводится темпоральным модусным ключом **однажды** и подкрепляется повторяющимся периферийным показателем исследуемой МК **тогда**, сигналом того, что Говорящий возвращается к событиям настоящего служит предложение *А сейчас я весь растворяюсь в жалости*. Как видим, **сейчас** на уровне текста (так же, как и на уровне предложения) задает вектор ретроспекции в сопоставительной паре: **тогда – сейчас**.

Выход из воспоминаний могут маркировать лексические показатели, значение которых не связано напрямую с семантикой исследуемой МК, например: ***Мои воспоминания** о предках не идут дальше дедов и прадедов <...> Дед моего отца, мой прадед, был «удельным», то есть не крепостным, крестьянином Владимирской губернии. По описанию отца, прадед мой был мужиком представительным, высокого роста с большой окладистой бородой и вид имел апостольский <...> **Вот то немногое, что я могу сказать о своих предках со стороны отца*** (В. Кондратьев. Одна жизнь). В этом контексте извлеченная из памяти информация вводятся в текст модусным ключом **Мои воспоминания**, завершение процесса припоминания эксплицирует сложноподчиненное предложение **Вот то немногое, что я могу сказать о своих предках со стороны отца**, значение которого не связано с отступом назад во времени.

В оформлении выхода из воспоминаний участвуют невербальные знаки: многоточия и сплошной пробел в сочетании со сплошной линией, например: 1) *Увы, монументальная скульптура – жанр весьма консервативный. Причина этого — в самой ее монументальности. Можно тайком писать романы и симфонии. Можно тайно экспериментировать на холсте. А вот попытайтесь-ка утаить четырехметровую скульптуру. Не выйдет! Для такой работы необходима просторная мастерская. Значительные подсобные средства. Целый штат ассистентов,*

формовщиков, грузчиков. Короче, требуется официальное признание. А значит – полная благонадежность. И никаких экспериментов...

Побывал я **однажды** в мастерской знаменитого скульптора. По углам громоздились его незавершенные работы. Я легко узнал Юрия Гагарина, Маяковского, Фиделя Кастро. Пригляделся и замер – все они были голые. То есть абсолютно голые. С добросовестно вылепленными задами, половыми органами и рельефной мускулатурой. Я похолодел от страха.

— Ничего удивительного, — пояснил скульптор, — мы же реалисты. Сначала лепим анатомию. Потом одежду...

Зато наши скульпторы – люди богатые (С. Довлатов. Чемодан);
2) – Послушай, – вдруг обратилась Тата к мужу, – я тебя прошу, поговори со стариками. Я знаю, что бедный Нури извелся среди чужих. Пусть простят его. Слава богу, уже пять лет прошло. <...> Пока обсуждали подробности этого дела, **я вспомнил, что два года тому назад видел его. Дело было так.**

Я уезжал из Верхних Эшер, где был на могиле брата. Семейное кладбище наших эшерских родственников расположено прямо на усадьбе одного из них, у крутого откоса <...> Надо было, чтобы этот человек не мог появиться на банкете. Вот что надо было.

– Мне его жалко, – сказала Тата, опустив веки, – он так тянется к нашим (Ф. Искандер. Сандро из Чегема).

Семантику исследуемой МК в первом контексте задает модусный ключ **однажды**, многоточие обрамляет фрагмент-воспоминание, т.е. маркирует и начало, и завершение воспоминания. Во втором – семантика «воспоминание» задается модусным ключом **я вспомнил, что два года тому назад видел его**. Своеобразной точкой отсчета в предъявлении воспоминаний выступает предложение **Дело было так**. В обоих текстовых фрагментах

восстановленная в памяти история графически выделена: в первом – многоточием, во втором – сплошным пробелом в сочетании со сплошной линией. Но если вход в воспоминания вербально выражен, то выход – обозначен только графически.

Модусный ключ «воспоминание» занимает инициальную позицию в тексте или его фрагменте, где актуализирует семантику исследуемой МК; выход из воспоминаний, обозначенный вербально либо с помощью многоточия или сплошного пробела в сочетании со сплошной линией, формально и семантически «ставит точку» в предъявлении прошлого опыта, акцентирует внимание адресата на завершении процесса припоминания. Эти элементы, охватывая воспоминания Говорящего с обеих сторон, формируют модусную рамку «воспоминание».

Как показывает языковой материал, маркирование завершения процесса припоминания для Говорящего не всегда обязательно. Нередко выход из воспоминания не маркирован, имплицитен, однако это не разрушает модусную рамку.

Модусная рамка сопровождает не каждый текст или его фрагмент: эксплицитный выход из воспоминаний может отсутствовать. Так, в романе В. Каверина «Два капитана» *помню* в первом предложении произведения *Помню просторный грязный двор и низкие домики, обнесенные забором* задает семантику «отступа назад во времени» для всего текста. Содержание всего романа составляют воспоминания главного героя. Последние предложения последней главы не содержат информации о завершении воспоминаний, о том, что Говорящий переключается к событиям настоящего: *В городе было тихо и как-то таинственно. Мы долго шли, обнявшись, и молчали. Мне вспомнилось наше бегство из Энска. Город был такой же темный и тихий, а мы маленькие, несчастные и храбрые, а впереди страшная и неизвестная жизнь... У меня были мокрые глаза, и я не вытирал этих радостных слез и не стеснялся, что плачу* (В. Каверин. Два капитана).

Итак, модусный ключ «воспоминание» располагается в начале текста и представляет собой функцию показателя данной модусной категории, задающего модусное значение текстовому фрагменту или тексту в целом. Модусный ключ бывает различной протяженности – от слова до самостоятельного предложения.

Модусный ключ задает семантику «воспоминание» на небольшой отрывок текста, или на главу, или на несколько глав произведения, или полностью на все произведение.

Чаще всего модусный ключ «воспоминание» может быть выражен специализированными средствами – ментальными глаголами *помню*, *помнится* и их дериватами, которые составляют ближнюю периферию средств выражения исследуемой модусной категории. Столь же часто функцию модусного ключа выполняют разнообразные синкретичные лексические показатели со значением «отступа назад во времени». Поэтому нередко семантика «воспоминание» передается темпоральным ключом, в чем проявляется его синкретизм.

В силу синкретичности семантики «воспоминание» модусный ключ «воспоминание» часто взаимодействует с темпоральным ключом, что позволяет не просто обращаться к событиям прошлого, но и фиксировать их на конкретном временном отрезке относительно момента речи.

Одновременно со значением исследуемой МК для всего текста может быть задано и значение достоверности: в этом случае модусный ключ выражается сочетанием показателей «воспоминание» и достоверности.

Обозначенная модусным ключом отнесенность событий к прошлому часто закрепляется в тексте дополнительными показателями исследуемой модусной категории (*помню, как теперь вижу* и др.) и маркерами темпоральности (*никогда, ни прежде, ни после* и др.).

Модусный ключ, вводящий семантику исследуемой МК для всего текста или его фрагмента, вместе с маркером завершения операции

припоминания (возможно, имплицитного) образуют модусную рамку «воспоминание».

2.2. Текстобразующие функции показателей модусной категории «воспоминание»

Как показывает языковой материал, проанализированный в предыдущем параграфе, семантика МК «воспоминание» может быть задана не только на уровне предложения, но и на уровне текста с помощью модусного ключа. Однако языковые средства выражения исследуемой МК, описанные в первой главе, не только эксплицируют семантику «отступа назад во времени», иными словами выполняют свою основную функцию – семантическую, но и нередко определяют композиционный рисунок текста. Это реализуется по-разному.

Как правило, воспоминания Говорящего вводятся в ткань произведения модусным ключом, задающим семантику исследуемой модусной категории во всем текстовом фрагменте или тексте произведения в целом. Несмотря на факультативный характер показателей «воспоминание» при модусном ключе, они все же могут присутствовать в тексте (таких примеров в эмпирической базе большинство), поддерживая заданное модусным ключом значение «отступа назад во времени» и оставляя внимание читателя в поле воспоминания. Приведем примеры.

***Вспоминается** мне ранняя погожая осень. Август был с теплыми дождиками, как будто нарочно выпадавшими для сева, с дождиками в самую пору, в середине месяца, около праздника св. Лаврентия. А «осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик». <...> **Помню** раннее, свежее, тихое утро... **Помню** большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, **помню** кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и — запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести. Воздух так чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег<...>Крепостного права я не знал и не видел, но, **помню**, у тетки Анны*

Герасимовны чувствовал его. Въедешь во двор и сразу ощутишь, что тут оно еще вполне живо. Усадьба — небольшая, но вся старая, прочная, окруженная столетними березами и лозинами. Надворных построек — невысоких, но домовитых — множество, и все они точно слиты из темных дубовых бревен под соломенными крышами. Выделяется величиной или, лучше сказать, длиной только почерневшая людская, из которой выглядывают последние могикане дворового сословия — какие-то ветхие старики и старухи, дряхлый повар в отставке, похожий на Дон-Кихота. Все они, когда въезжаешь во двор, подтягиваются и низко-низко кланяются <...> (И. Бунин. Антоновские яблоки). В данном примере семантика «воспоминание» выражена при помощи модусного ключа **вспоминается** и поддерживается на протяжении всего текстового фрагмента специализированным показателем вводным элементом **помню** и показателем ближней периферии средств выражения исследуемой МК глаголом **помню**.

В следующем примере *Рассказ мой или личное воспоминание* не об этом, не о правах и бедах трудящихся, а о любви, о несостоявшейся любви, объехавшей, облетевшей или прошагавшей мимо меня. Ах, как я завидую тем моим братьям фронтовикам, которые так жадно вглядываются в военное прошлое, и там, среди дыма и пороха, среди крови и грязи, замерцает издалека им тихой, полупогасшей звездочкой то, чего нет дороже, то, что зовется совершенно справедливо наградой судьбы.

В сталинградской мясорубке меня не дорубило, лишь покалечило. Долго я путешествовал по госпиталям, долго и много шарились в моей требухе усталые хирурги, чего-то отрезали, удаляли, пока наконец, облегченного, не возвратили в строй.

Осенью сорок четвертого года на одной из многочисленных высот в Карпатах я был тяжело ранен осколком авиационной бомбы — раскрошило в бедре моем кость, в боку выбило ребро, камнями избороздило лицо. <...> **Весной сорок пятого года** я был комиссован в нестроевики и направлен на военно-почтовый пункт в местечко Ольвия, что

на Житомирщине <...> Петля по земле **после фронта и госпиталей**, вращаясь, так сказать, в массах, немало повидал я красивых женщин <...> Но то, что я увидел!.. <...> Глаза Изабеллы, будто на египетском древнем рисунке, унесены почти на щеки, вроде как отстранены от лица. <...> Такие глаза бывают только у колдуний. <...> В просверке молнии, не сгорая, не вздрагивая ресницами, **отпечатается в моей памяти** этот незавершенный лик вроде как от ацтеков или инков дошедшего или, уж точнее, долетевшего до нас создания, на котором лежало то же, как у древнего народа, покорное ожидание беды и согласие принять ее безропотно <...> (В. Астафьев. Обертон) значение «отступа назад во времени» эксплицирует модусный ключ ко всему тексту (**личное воспоминание**) вместе с многочисленными (в работе приведены только несколько) составляющими периферию средств выражения МК «воспоминание» показателями темпоральности **осенью сорок четвертого года, весной сорок пятого года, после фронта и госпиталей** и лексическими показателями: метафорой **в сталинградской мясорубке**, фразеологизованной конструкцией **отпечатается в моей памяти**.

Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что модусный ключ могут сопровождать как ядерные показатели МК «воспоминание», так и периферийные.

Как видим, модусный ключ «воспоминание» и отдельные показатели исследуемой МК по-разному актуализируют ее семантику: первый на уровне текста, вторые – на уровне предложения, дублируя значение «воспоминание», уже заданное модусным ключом. Такие отношения В. Г. Гак рассматривает как семантическое согласование, в котором «как и во всяком согласовании, <...> имеется избыточность средств выражения». Избыточные элементы, по мнению В. Г. Гака, «употребляются не по соображениям смысла» – они начинают «нести строевую, организующую нагрузку» [Гак, 1972. С. 380]. В нашем случае показатели МК «воспоминание», поддерживая уже заявленную модусным ключом семантику

«отступа назад во времени», не всегда избыточны, но они действительно способны организовывать текстовое пространство.

В этом плане показателен в качестве примера текст романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева»: **Помню:** однажды осенней ночью я почему-то проснулся и увидел легкий и таинственный полусвет в комнате, а в большое незавешенное окно – бледную и грустную осеннюю луну, <...> такую грустную и исполненную такой неземной прелести от своей грусти и своего одиночества, что и мое сердце сжали какие-то несказанно-сладкие и горестные чувства <...>. Но я уже знал, помнил, что я не один в мире, что я сплю в отцовском кабинете, – я заплакал, я позвал, разбудил отца... Постепенно входили в мою жизнь и делались ее неотделимой частью люди <...> (**начало V** главы первой книги); 2) **Помню:** солнце пекло все горячее траву <...> облака сходились все медленнее и теснее и наконец стали подергиваться острым малиновым блеском, стали где-то, в самой глубокой и звучной высоте своей погромыхивать, а потом греметь, раскатываться гулким гулом и раздражаться мощными ударами да все полновеснее, величавей, великолепнее. О, как я уже чувствовал это божественное великолепие мира и Бога, над ним царящего <...>. Был потом мрак, огонь, ураган, обложной ливень с трескучим градом <...>. Зато какое облегченье настало потом, когда все стихло, успокоилось <...> (из **VI** главы первой книги); 3) Много ли таких дней **помню** я? Очень, очень мало, утро, которое **представляется** мне теперь, складывается из отрывочных, разновременных картин, мелькающих в моей памяти. Полдень **помню** такой: жаркое солнце, волнующие кухонные запахи, бодрое предвкушение уже готового обеда у всех возвращающихся с поля <...> (**конец VIII** главы первой книги); 4) **Помню** поездки к обедне, в Рождество. Тут все необычайно, празднично <...>. Я уже знал, что мы стали бедные, что отец много "промотал" в крымскую кампанию, <...> однако у меня от тех дней все-таки сохранилось чувство довольства, благополучия. И я **помню** веселые обеденные часы нашего дома, обилие жирных и сытных блюд, зелень, блеск и тень сада за раскрытыми

окнами, много прислуги, много гончих и борзых собак, лезущих в дом, в растворенные двери, много мух и великолепных бабочек... **Помню**, как сладко спала вся усадьба в долгое послеобеденное время... **Помню** вечерние прогулки с братьями, которые уже стали брать меня с собой, их юношеские восторженные разговоры ... **Помню** какую-то дивную лунную ночь, то, как неизъяснимо прекрасен, легкий, светел был под луной южный небосклон, как мерцали в лунной небесной высоте редкие лазурные звезды, и братья говорили, что все это – миры, нам неведомые и, может быть, счастливые, прекрасные, что, вероятно, и мы там будем когда-нибудь ...<...> (вся IX глава первой книги); 5) **Помню**: однажды, вбежав в спальню матери, я вдруг увидел себя в небольшое трюмо (в овальной раме орехового дерева, стоявшее напротив двери) – и на минуту запылся <...>. Много раз, конечно, видал я себя в зеркале и раньше и не запоминал этого, не обращал на это внимания. Почему же обратил теперь? Очевидно, потому, что был удивлен и даже слегка испуган той переменной, которая с каких-то пор <...> произошла во мне и которую я наконец внезапно открыл. Не знаю точно, когда, в какое время года это случилось и сколько мне было тогда лет. Полагаю, что случилось осенью, судя по тому, что, **помнится**, загар мальчика в зеркале был бледный <...> (**начало XI** главы первой книги); 6) **Помню**, двор был пуст, в доме почему-то было тоже пусто и тихо, и вот я внезапно увидел большую и очень черную птицу <...> Я кинулся в кабинет, схватил кинжал, выскочил в окно... Грач, когда я настиг его, вдруг замер <...>. Убийство, **впервые в жизни** содеянное мною **тогда**, оказалось для меня целым событием <...>. Но ведь я все таки зарезал этого несчастного грача, отчаянно боровшегося со мной, в кровь изодравшего мне руки, и зарезал с страшным удовольствием! <...> (**начало XIII** главы первой книги); 7) **Я помню** не мало таких дней, скудных, коротких, сладко и грустно томивших и домашним уютом и мечтами то о старине города, то о вольных осенних просторах, видных из него. Без конца шли эти дни среди классной скуки в гимназии <...> (**конец VII** главы второй книги); 8) **А еще помню** я много

серых и жестких зимних дней <...> **Помню**, как иногда по целым неделям несло непроглядными, азиатскими метелями, в которых чуть маячили городские колокольни. **Помню** крещенские морозы, наводившие мысль на глубокую древнюю Русь, на те стужи, от которых «земля на сажень трескалась»: тогда над белоснежным городом, совершенно потонувшим в сугробах, по ночам грозно горело на черно-вороненом небе белое созвездие Ориона, а утром зеркально, зловеще блистало два тусклых солнца и в тугой и звонкой неподвижности жгучего воздуха весь город медленно и дико дымился алыми дымами из труб и весь скрипел и визжал от шагов прохожих и санных полозьев... <...> (**начало X** главы второй книги) (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Как видим, периферийный показатель МК «воспоминание» **помню** организует пространство целого романа, то выступая в роли модусного ключа к текстовым фрагментам различной протяженности (во всех приведенных примерах), то сопровождая модусный ключ «воспоминание» как показатель исследуемой МК и подкрепляя уже заданную семантику (в 3, 4, 5, и 6 примерах). В этом случае **помню** не просто удерживает внимание читателя в поле воспоминания, но участвует в текстообразовании: повторяясь в разных ипостасях (модусный ключ или просто средство выражения МК), **создает своеобразный каркас**, на котором держится повествование.

Такая организация текста обеспечивает не только выражение значения исследуемой модусной категории, заданного модусным ключом, но и целостность текста, его формальную и семантическую связность. Подобная организация текста свойственна многим произведениям, в том числе романам Г. Газданова («Вечер у Клэр», «Призрак Александра Вольфа»), Ф. Искандера («Сандро из Чегема»).

Во всех приведенных примерах Говорящий переходит от одного события прошлого к другому, не маркируя выход из воспоминания. Последний, как правило, имплицитен, если обращение к прошлому,

введенное модусным ключом, составляет только фрагмент всего произведения. Иными словами, небольшой по протяженности текстовый фрагмент-воспоминание чаще всего предъясняется как модусная рамка, несмотря на невыраженность окончания процесса припоминания. Закономерности наличия / отсутствия выхода из воспоминаний в случае, когда модусный ключ вводит воспоминания, составляющие содержание всего произведения, не выявлено.

Как показывает языковой материал, в ряде случаев такой же каркас произведения создают только показатели модусной категории «воспоминание», пронизывающие весь текст, и при отсутствии модусного ключа, например: *Это если хотите знать, то есть если с самого начала брать, то она просто-запросто приходила ко мне **тогда** закладывать вещи, чтоб оплатить публикацию в "Голосе" о том, что вот, дескать, таки так, гувернантка <...> Это было **в самом начале**, и я, конечно, не различал ее от других: приходит как все, ну и прочее. А **потом** стал различать. Была она такая тоненькая, белокуренькая, средне-высокого роста; со мной **всегда** мешковата, как будто конфузилась <...> Да; меня прежде всего поразили ее вещи<...> в двугривенный<...> это всё, что оставалось у ней от папаши и мамы, **после** узнал <...> Но она вдруг позволила себе принести остатки (то есть буквально) старой заячьей куцавейки, – и я не удержался и вдруг сказал ей что-то, вроде как бы остроты. Батюшки, как вспыхнула! <...> Тут-то я и **заметил ее в первый раз особенно** и подумал что-то о ней в этом роде, то есть именно что-то в особенном роде. Да; **помню** и еще впечатление, <...> что ужасно молода, так молода, что точно четырнадцать лет. А меж тем ей **тогда** уж было без трех месяцев шестнадцать <...> Наавтра опять пришла. Я узнал **потом**, что она у Добронравова и у Мозера с этой куцавейкой была, но те <...> говорить не стали. Я же у ней принял **однажды** камей (так, дрянненький) – и, осмыслив, **потом** удивился: я, кроме золота и серебра, тоже ничего не принимаю, а ей допустил камей. Это **вторая мысль** об ней **тогда** была, это я **помню** <...>*

*А когда она уже вышла, вдруг спросил себя: так неужели же это торжество над ней стоит двух рублей? Хе-хе-хе! **Помню**, что задал именно этот вопрос два раза: «Стоит ли? стоит ли?» И, смеясь, разрешил его про себя в утвердительном смысле. Очень уж я **тогда** развеселился <...>* (Ф. Достоевский. Кроткая).

Семантику «воспоминание» в данном примере выражают специализированные показатели исследуемой модусной категории (**помню**), лексические показатели (**в первый раз особенно, вторая мысль**), показатели темпоральности (**в самом начале, тогда, потом, однажды, после, всегда**). Взаимодействие двух модусных категорий, отражающее хронологическую последовательность событий недавнего прошлого, обеспечивает семантическую связность и целостность текстового фрагмента.

Часто текст произведения собран из различных по протяженности фрагментов, описывающих прошлое персонажа. Приведем примеры: 1) **Помню** еще один его рисунок: охотник, наклонившись набок, скачет на лошади: прямо перед ним две борзые насаждают на волка. Лицо у охотника красное и отчаянное; все четыре ноги коня как-то сплелись вместе. Эту картину Сиповский подарил мне. <...> **С самого раннего моего детства я помню** ее неторопливые движения, тот холодок, который от нее исходил, и вежливую улыбку; она почти никогда не смеялась. Она редко ласкала детей; и в то время, как к отцу я бежал навстречу и прыгал ему на грудь <...> к матери я подходил потихоньку, чинно, как полагается благовоспитанному мальчику, и уж, конечно, не позволил бы себе кричать от восторга или стремглав нестись в гостиную. Я не боялся матери: у нас в доме никого не наказывали – ни меня, ни сестер; но я не переставал ощущать ее превосходство над собой <...> (Г. Газданов. Вечер у Клэр); 2) **В летние каникулы** мы, ребята, были предоставлены сами себе и пользовались полной свободой. Мать, занятая хлопотами об отце и хозяйством (от прислуги пришлось отказаться), мало обращала внимания на нас. Главным развлечением, хоть и опасным, служила для нас матушка Волга. <...>

Нагонял этот пароход самые большие волны, и мы не рисковали к нему приближаться <...> В первые дни в Москве, еще перед экзаменами, я решил навестить девушку, с которой познакомился в Куликове. Приехал на Арбатскую площадь и позвонил у шикарного подъезда. <...> И то, что моя знакомая жила с черного хода, и полупрезрительная улыбочка швейцара – все это меня унизило (В Кондратьев. Одна жизнь...).

Как видим, в приведенных примерах воспоминания персонажей, следующие друг за другом, вводятся разными модусными ключами, в роли которых выступают показатель ближней периферии языковых средств выражения исследуемой МК (*помню*), показатели темпоральности (*в летние каникулы; в первые дни в Москве, еще перед экзаменами*), а также их сочетание (*с самого раннего моего детства я помню*). Модусный ключ, общий для фрагментов-воспоминаний, отсутствует. Своеобразие композиции данных примеров – в мозаичности предъявляемой информации: текстовая ткань составлена из воспоминаний Говорящего, которые прерываются его размышлениями и расположением которых не всегда сохраняет хронологическую последовательность событий. Тем не менее это не нарушает семантической связности и целостности художественного текста. С одной стороны, лексемы, реализующие семантику «отступа назад во времени», выполняют функцию связности ССЦ в единое целое. С другой стороны, в каждом ССЦ эти лексемы являются показателями модусной категории «воспоминание».

В ряде случаев следующие друг за другом текстовые фрагменты-воспоминания Говорящего, каждый из которых вводится своим модусным ключом, могут иметь общий модусный ключ. В этом случае текст имеет радиальную композицию, например: *Стараюсь повернуть воспоминания на что-то значительное, например, на то, сколько же раз судьба или случай спасали меня от смерти.*

Впервые страх смерти я испытал еще в детстве. Рос на Волге. И одним из наших развлечений было ныряние под плоты. Так вот, нырнул я

один раз проплыл под водой, как мне показалось, долго, вынырнул и ударился головой о плот.<...> Жалко стало себя очень, и я что есть сил поплыл к свету, выпуская из легких воздух.

А второй раз, в году двадцать первом, в одной из служебных командировок заехали мы с сослуживцем в украинскую деревню, а из нее только Махно со своей бандой убрался. Прямо по пшенице шли, колосья еще шевелились. Минут на пять раньше, и быть нам расстрелянными. Вот тут я и понял, что значит «волосы встали дыбом»

*В третий раз довелось мне быть под смертью в сорок первом, когда «драпал» из Крыма. Бензин кончился, пришлось бросить «эмку» и добираться пешком, боясь, что опоздаем в Керчь, уйдут все пароходы и тогда попадем верняком к немцам. Обстрелы и бомбежки сопровождали нас всю дорогу, и как обошлось – не знаю <...> (В. Кондратьев. Одна жизнь...). Модусный ключ в этом примере – метафора **стараюсь повернуть воспоминания на что-то значительное** – объединяет три небольших фрагмента, каждый из которых в свою очередь вводится в текст с помощью темпорального ключа: *впервые страх смерти я испытал еще в детстве – в первом, а второй раз, в году двадцать первом – во втором, в третий раз довелось мне быть под смертью в сорок первом* – в третьем фрагментах. В данном примере названные показатели исследуемой модусной категории выполняют не только семантическую функцию, выражая значение «воспоминание», но и композиционную функцию, структурируя воспоминания Говорящего относительно первой фразы, а также обеспечивая формальную и семантическую связность, целостность текста.*

В следующих примерах фрагменты-воспоминания Говорящего объединяет повторяющаяся анафора, выраженная разными грамматическими формами глаголов **помнить** и **вспомнить**. Это обнаруживает своеобразие композиции данных текстовых фрагментов: в обоих примерах воспоминания Говорящего, следуя друг за другом, нанизываются на единый стержень

повествования, в первом случае поясняя психологическое состояние героя, во втором – воссоздавая картину взаимоотношения персонажей.

В контексте *Отчего мне грустно и гнусно, сам не пойму... Убеждаю себя, браню, смеюсь... подпеваю своей музыке, но саднит мою душу, да как-то особенно саднит... <...> И, как нарочно, в голове самые что ни на есть подлые мысли...**Вспоминается** мне, какая из меня дрянь вышла... Ехал в Москву за две тысячи верст, метил в композиторы и пианисты, а попал в таперы... В сущности, ведь это естественно... даже смешно, а меня тошнит... **Вспомнился** мне и ты... Думаю, сидит теперь мой сожигатель и строчит... Описывает, бедняга, спящих гласных, булочных тараканов, осеннюю непогоду... описывает именно то, что давным-давно уже описано, изжесвано и переварено... Думаю я, и почему-то жалко мне тебя... до слез жалко!.. Малый ты славный, с душой, а нет в тебе этого, знаешь, огня, желчи, силы... нет азарта, и почему ты не аптекарь, не сапожник, а писатель, Христос тебя знает! **Вспомнились** все мои приятели-неудачники, все эти певцы, художники, любители... Всё это когда-то кипело, копошилось, парило в поднебесье, а теперь... чёрт знает что! Почему мне лезли в голову именно такие мысли, не понимаю (А. Чехов. Тапер) в качестве анафоры употребляются разные грамматические формы глагола **вспомниться** (*вспоминается / вспомнился / вспомнились*).*

В примере **Помните ли** вы наши долгие, неторопливые прогулки вдоль морского берега, под отвесными лучами солнца, в те знойные, ленивые, полуденные часы, когда все, кажется, замирает в бессильной истоме и только волны с тихим шелестом и шипением набегают на желтый горячий песок и уходят назад в сверкающее море, оставляя после себя влажную зубчатую кайму, которая так же быстро исчезает, как след от дыхания на стекле? **Помните ли**, как тайком от доктора, не позволявшего никому оставаться на воздухе после солнечного заката, мы пробирались в теплые лунные ночи на террасу? <...> В темноте мы не видели, но угадывали друг друга, и боязливый шепот, которым мы должны были из

предосторожности разговаривать, сообщал даже самым простым словам глубокое, интимное, волнующее значение. **Помните ли**, как в дождливые дни, когда море на целые сутки заволакивалось туманом, а в воздухе пахло мокрым песком, рыбою и освеженными листьями, мы забирались в мою уютную комнату и читали Шекспира, читали понемножку, как истинные лакомки, вдумчиво наслаждаясь каждой страницей, каждой искрой этого великого ума, который становился для меня еще глубже, еще проникновеннее благодаря вашим тонким комментариям. Эти книжки в мягких переплетах из нежного зеленого сафьяна и теперь со мной. В них, на некоторых страницах, **до сих пор** остались кое-где ваши "отметки резкие ногтей", и, когда я вновь вижу эти уцелевшие символы, так живо напоминающие мне о вашем нежном восторге перед красотами и безднами шекспировского гения, мной овладевает тихое, меланхолическое умиление.

Помните ли... Ах, я без конца готова была бы повторять этот вопрос, но я чувствую, что уже начинаю уставать, а, между прочим, мне еще хочется сказать вам так много (А. Куприн. Сентиментальный роман) повторяется форма 2 лица **помните**, указывающая на то, что извлеченная из памяти информация принадлежит не только Говорящему, но и адресату. Следовательно, выражает одновременно и значение персональности, о чем речь шла в первой главе.

И в первом, и во втором приведенных контекстах повторяющиеся показатели модусной категории «воспоминание»—глаголы-анафоры, являющиеся началом ССЦ: в первом примере 1 ССЦ – **Вспоминается мне** <...> а меня тошнит; 2 ССЦ – **Вспомнился мне и ты** <...> Христос тебя знает, и 3 ССЦ – **Вспомнились все** <...> не понимаю; и во втором примере 1 ССЦ – **Помните ли** вы наши долгие, неторопливые прогулки <...> как след от дыхания на стекле; 2 ССЦ – **Помните ли**, как тайком от доктора <...> волнующее значение; 3 ССЦ – **Помните ли**, как в дождливые дни <...> меланхолическое умиление. Как видим, анафоры обеспечивают связность ССЦ, а также позволяют Говорящему произвольно предъявлять

воспоминания. Одновременно благодаря этой анафоре не только сохраняется их формальная и семантическая связность и целостность, но и реализуется прагматическая функция актуализации показателей МК «воспоминание», а следовательно, акцентируется внимание на ценности воспоминаний Говорящего.

Все это обусловило и другое сходство обозначенных частей каждого контекста по структуре. В первом примере каждая часть построена по принципу антитезы: противопоставлено прошлое и настоящее героя (*метил в композиторы и пианисты, а попал в таперы... В сущности, ведь это естественно... даже смешно, а меня тошнит...; Всё это когда-то кипело, копошилось, парило в поднебесье, а теперь... чёрт знает что*), а также то, чем обладает герой, и то, чем он должен обладать (*Малый ты славный, с душой, а нет в тебе этого, знаешь, огня, желчи, силы... нет азарта, и почему ты не аптекарь, не сапожник, а писатель*). Во втором примере первые две части начинаются с вопросительных предложений. Вопрос неявно присутствует и в первом предложении третьей части.

Такое устройство частей задает своеобразный ритм текстового фрагмента и сближает обозначенные части прозаического отрывка с стихотворной строфой. Ср.:

Помню! Синявинские высоты

Брали курсанты три раза подряд.

Еле уволокли пулеметы.

А три батальона — там и лежат.

Помню! Расстреливали перед строем

Солдатика девятнадцати лет

За то, что парнишка не был героем.

Бежал. А этого делать не след.

Помню! Мальчик простерт на талом

Снегу с простреленным животом.

Помню еще — о большом и малом,
Об очень сложном и очень простом.

И все же были такие минуты,
Когда, головой упав на мешок,
Думал, что именно так почему-то
Жить особенно хорошо.

И ясно мне все без лишних вопросов,
И правильно все и просто вокруг.
А рядом — Семен Андреевич Косов,
Алтайский пахарь, до смерти друг.

<...>

Семен Андреич! Алтайский пахарь!
Счастлив ли ты? Здоровый? Живой ли?
Помнишь, как ты разорвал рубаху
И руку мне перетянул до боли!

Помнишь? Была побита пехота,
И мы были двое у пулемета.

И ты сказал, по-обычному просто,
Ленту новую заложив:
— Ступай. Ты ранен. (Вот нынче мороз-то!)
А я останусь, покуда жив.

Мой друг Семен, неподкупный и кровный!
Век не забуду наше прощанье.

Я напишу Пелагее Петровне,
Выполню клятвенное обещанье <...> (Д. Самойлов. Семен Андреич).

Этот текст имеет несколько особенностей. Модусным ключом «воспоминание» ко всему произведению выступает повествовательное восклицательное предложение **Помню!**. Текст также строится на анафоре

этого показателя во второй и третьей строфе. Ментальный глагол **помню** позволяет не только произвольно, т.е. не придерживаясь строгой хронологической последовательности, предъявлять воспоминание, но и обеспечивать при этом связность и целостность текста. Далее автор форму 1 лица заменяет формой 2 лица. Здесь происходит трансформация: восклицательное **Помню!** заменяется на невосклицательное с оттенком обобщенно-личного, а далее на невосклицательное вопросительное. Являясь анафорой в последней части стихотворения, **Помнишь?** указывает, что это общее прошлое для лирического героя и адресата текста. Нагнетание конструкции определенно-личного предложения, лексически заполненной показателями модусной категории «воспоминание» (**помню, помнишь**), с каждым повторением усиливает экспрессию произведения и подводит к высшей точке эмоционального напряжения **век не забуду**, актуализируя ценность воспоминаний для лирического героя.

Как видим, и в поэтическом тексте модусный ключ «воспоминание» вместе с другими показателями также может образовывать своеобразный каркас, на котором держится корпус текста в целом.

Часто с помощью модусного ключа в произведение вводятся воспоминания героя, представляющие собой самостоятельную законченную историю. Композиция таких произведений может представлять собой так называемый рассказ в рассказе, например: 1) *Да, <...> относительно этой женской лжи припомнился мне сейчас случай, рассказанный мне одним человеком, неким грузинским князем из интеллигентных... Этот князь убил свою жену из ревности, застав ее почти на месте преступления... Мог бы и на месте застать, я думаю, вышло бы то же... только разве не так скверно и бессмысленно, ибо убил бы на месте сразу, без всей этой муки...<...>*

А было это так: за его женой, которую он страшно любил, ухаживал какой-то офицер, кажется, тоже из восточных народов, красавец из тех, о которых каждая, себя уважающая женщина, должна говорить с презрительным лицом: «Мне такие расписные красавцы не нравятся...»

<...> Но князь не был ревнив и только добродушно подсмеивался. Верил жене и любовь к ней имел крепкую. Она кокетничала...<...> Но кокетничала равно со всеми. Кавалеров у нее было много, потому что она была очень красива и пикантна.<...>

Потом они уехали в родной город. И вот тут-то муж случайно нашел у нее письмо того офицера, с самым пылким объяснением в любви и на "ты".

<...> Был он как безумный и опомнился только тогда, когда замерли последние судороги и лежал перед ним уже только истерзанный, обнаженный, страшный и жалкий труп. Но правды так и не узнал. <...> Да, так вот... С этим грузинским князем я несколько отошел в сторону, хотя анекдот этот и весьма кстати... Но я говорил вам, что ревности как обособленного чувства нет <...> (М. Арцыбашев. Ревность);

2) Это напомнило мне одну историю и одного человека... Вот вы сказали о действии мороза и о добрых чувствах. Нет, мороз – это смерть. Думали ли вы, что в человеке может замерзнуть, например... совесть? <...> Вот я расскажу вам, если хотите... Кстати, и было это почти в этих самых местах <...> Это было в 18... таком-то году. В то время я только что получил место и ехал с товарищем на прииск <...> Надеялся ли он спасти этого незнакомого человека?.. Не думаю. Он пошел, как был, захватив, впрочем, трут и огниво, которыми едва ли даже сумел бы распорядиться. Говорю вам – совершенный ребенок. Ему, просто, стало невыносимо... И еще... Мне порой приходит в голову, что он казнил в себе подлую человеческую природу, в которой совесть может замерзнуть при понижении температуры тела на два градуса... Романтик в нем казнил материалиста...<...> Знаю одно, что погибают часто не те, кому бы следовало, а мы, которые остаемся...(В. Короленко. Мороз).

В первом примере воспоминания персонажа, самостоятельную законченную историю, приведенную в доказательство его собственных рассуждений, вводит модусный ключ *припомнился мне сейчас случай*. Во втором примере случай из прошлого включен в повествование при помощи

модусного ключа *это напомнило мне одну историю и одного человека.* Своеобразной точкой отсчета воспоминаний, непосредственным началом истории служит в первом примере выражение *а было это так*, а во втором — *это было в 18... таком-то году.*

Иногда модусный ключ ко всему тексту, вводящий воспоминания героя в произведении, композиция которых также представляет собой рассказ в рассказе, актуализирует непосредственное начало развития событий прошлого, например: — *Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что все дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что все дело в случае. Я вот про себя скажу.*

<...> *Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни.* <...>

— *Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.*

— *От чего же? — спросили мы.*

— *Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.*

— *Вот вы и расскажите.*

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— *Да, — сказал он. — Вся жизнь переменилась от одной ночи, или скорее утра.*

— *Да что же было?*

— *А было то, что был я сильно влюблен. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое; у нее уже дочери замужем.* <...> *Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как*

свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень веселый и бойкий малый, да еще и богатый. <...>

Жили мы **тогда** одни с покойным братом. <...>

Жили Б. **тогда** на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический институт. <...>

Что ж, вы думаете, что я **тогда** решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился <...> И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... (Л. Толстой. После бала).

В примере значение «воспоминание» задано при помощи темпорального и авторизационного ключей ко всему произведению **то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах**, ввод которых подготовлен предыдущим контекстом: высказываниями, не являющимися средствами выражения модуса «воспоминание», — но так или иначе указывающими на то, что Говорящий обращается к прошлому (все дело в случае. Я вот про себя скажу; вся жизнь переменялась от одной ночи, или скорее утра; по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни; дело прошлое), — и косвенным показателем исследуемой модусной категории (самая моя сильная любовь).

В подобных случаях модусный ключ выступает в качестве непосредственного начала извлекаемой из памяти истории. Ср.: **Мне было тогда лет двадцать пять**, — начал Н.Н., — **дела давно минувших дней**, как видите. Я только что вырвался на волю и уехал за границу <...>. Я был здоров, молод, весел <...>. Мне тогда и в голову не приходило, что человек не растение и процветать ему долго нельзя. Молодость ест пряники

золоченые, да и думает, что это-то и есть хлеб насущный; а придет время – и хлебца попросишься. Но толковать об этом не для чего.

Я путешествовал без всякой цели, без плана; останавливался везде, где мне нравилось, и отправлялся тотчас далее, как только чувствовал желание видеть новые лица – именно лица.<...>

Итак, лет двадцать тому назад я жил в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна. Я искал уединения: я только что был поражен в сердце одной молодой вдовой, с которой познакомился на водах <...> Я знал других женщин, — но чувство, возбужденное во мне Асей, то жгучее, нежное, глубокое чувство, уже не повторилось. Нет! ни одни глаза не заменили мне тех, когда-то с любовью устремленных на меня глаз, ни на чье сердце, припавшее к моей груди, не отвечало мое сердце таким радостным и сладким замиранием! Осужденный на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы <...> (И. Тургенев. Ася).

Мне было тогда лет двадцать пять, дела давно минувших дней – это модусный ключ «воспоминание» ко всему тексту произведения, но своеобразным сигналом к началу непосредственно истории служит темпоральный модусный ключ *лет двадцать тому назад*.

Во всех приведенных примерах вербально выражен момент прекращения процесса припоминания: в первом примере рефлексией Говорящего по поводу сказанного (*Да, так вот... С этим грузинским князем я несколько отошел в сторону, хотя анекдот этот и весьма кстати*), в остальных – обобщениями философского характера (во втором – *Знаю одно, что погибают часто не те, кому бы следовало, а мы, которые остаемся*; в третьем – *И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека*; в четвертом – *Осужденный на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы <...>*). Однако, как показывает языковой материал, выход из воспоминаний не всегда сопровождает композицию рассказ в рассказе.

Показатели модусной категории «воспоминание» в роли модусных ключей могут обуславливать более сложный композиционный рисунок, например: *Поговорим о вине. <...> И пусть, прежде чем делать окончательные выводы, каждый вспомнит какую-нибудь поучительную историю, связанную с этим напитком, я же буду рассказывать о том, что было со мной.*

У меня очень ранние воспоминания о вине. Не скрою – в нашем доме любили выпить, умели выпить и, просто говоря, пили. Среди многочисленных шумных мужчин нашего дома только двое не пили – это я и мой сумасшедший дядя.. <...> Сейчас в это трудно поверить, но лет с десяти до четырнадцати я был теоретическим алкоголиком, испытывая пламенное желание напиться и ни разу не удовлетворив его. Думаю, что все это кончилось бы плохо, если б не один счастливый случай, который вывел меня из этого опасного состояния.

Как-то зимой я жил в горах у своего дяди, о котором я уже неоднократно писал и намерен писать еще. И вот однажды он поручил мне принести к ужину чайник вина. <...>

Так, может быть, случайно мне тогда открылся великий объединяющий смысл вина, и другого смысла, достаточно высокого, я в нем не нахожу.

Однажды зимним вечером, подымаясь по Садовому кольцу, я увидел пьяного человека, лежавшего на тротуаре. <...> Пожалуй, замерзнет, подумал я и после некоторых колебаний подошел к нему. Я нагнулся и дернул его за плечо. <...> Я плотнее натянул ему на голову модную финскую или ту, которую у нас принято считать за финскую, кепку, потому что она еле держалась. <...>

Кстати, эта псевдофинская кепка напомнила мне совсем другой случай.

Однажды ночью в ленинградской гостинице я прошел в бар и увидел несметное количество очень пьяных блондинов. Зрелище было страшное.

(Ф. Искандер. Путь из варяг в греки). В данном примере модусный ключ «воспоминание» ко всему произведению (*я же буду рассказывать о том, что было со мной*) объединяет три разных самостоятельных истории, составляющие прошлое главного героя. Первая история вводится в текст модусным ключом *у меня очень ранние воспоминания о вине*, вторая и третья соответственно – *Однажды зимним вечером* и *Кстати, эта псевдофинская кепка напомнила мне совсем другой случай*. Так, в тексте рассказа реализуется радиальная композиция. Первую историю осложняет вписанная в нее еще одна самостоятельная история, которая включена в текст с помощью темпорального модусного ключа *как-то зимой*, что композиционно представлено как рассказ в рассказе. Как видим, модусный ключ «воспоминание», позволяя обеспечить многоуровневую конструкцию текста, выполняет композиционную функцию.

Как показывает языковой материал, при всех рассмотренных способах построения текста или его фрагмента (каркас, удерживающий повествование; последовательное расположение фрагментов-воспоминаний; радиальная композиция текстового фрагмента; нанизывание фрагментов-воспоминаний на единый стержень повествования, рассказ в рассказе) так или иначе компонентами структуры текстового фрагмента является модусная рамка «воспоминание», верхняя граница которой – модусный ключ – задает семантику исследуемой МК для всего текста, нижняя граница маркирует окончание ментального процесса, и показатели «воспоминание», поддерживающие заданную семантику и организующие текстовое пространство внутри модусной рамки, обеспечивая формальную и семантическую связность. Иными словами, во всех рассмотренных вариантах организации текста присутствует фрагмент, который, по выражению А. В. Бондарко, «остается неизменным при всех преобразованиях, обусловленных взаимодействием исходной системы с окружающей средой» [Бондарко, 2004. С. 103], то есть инвариант модусной рамки «воспоминание». В зависимости от реализации названного инварианта выделяются

рассмотренные в данном параграфе варианты построения текста / текстового фрагмента, или типы актуализации модусной рамки «воспоминание».

Итак, в текстоцентрическом плане показатели модусной категории «воспоминание» могут выполнять различные текстообразующие функции. Они не только обеспечивают формальную и семантическую связность текста или его фрагмента, но и влияют на его композиционный рисунок. Последний зависит от способа предъявления инварианта модусной рамки «воспоминание». Инвариант представляет собой текстовый фрагмент, где модусный ключ, задающий семантику «воспоминание», обычно сопровождается другими показателями исследуемой МК (ядерными, или периферийными), которые находятся между собой в отношениях семантического согласования. Поддерживая уже заявленную модусным ключом семантику «воспоминание», они способны организовывать текстовое пространство, обеспечивая, его формальную и семантическую связность, а иногда целостность. Нижняя граница модусной рамки «воспоминание» маркирует завершение процесса припоминания.

При реализации инварианта модусной рамки «воспоминание» возможны разные варианты.

1. Модусный ключ может эксплицировать такую композицию художественного текста, как рассказ в рассказе, где воспоминания Говорящего составляют содержание всего произведения. В этом случае модусный ключ выступает в качестве непосредственного начала извлекаемой из памяти истории, а выход из воспоминания оформлен не всегда. Семантику «воспоминание» могут подкреплять показатели исследуемой МК, обеспечивая формальную и семантическую связность текста.

2. Модусный ключ «воспоминание», скрепляя разные по протяженности следующие друг за другом текстовые фрагменты-воспоминания, каждый из которых вводится своим модусным ключом, обуславливает радиальную композицию текстового фрагмента или всего текста в целом. Показатели исследуемой модусной категории не только

задают значение «отступа назад во времени», но и обеспечивают связность и целостность художественного текста.

3. При отсутствии модусного ключа многочисленные показатели модусной категории «воспоминание», пронизывая текст, способны создавать каркас, на котором держится повествование или эмоциональная тональность лирического текста. Такой прием «нагнетания» показателей исследуемой модусной категории выполняет прагматическую функцию актуализации семантики «воспоминание», оценки силы воспоминаний и текстообразующую функцию, обеспечивая связность и целостность текста или текстового фрагмента.

4. Своеобразную композицию представляют расположенные последовательно (но при этом не всегда сохраняющие хронологическую последовательность) фрагменты-воспоминания, введенные каждый своим модусным ключом. Не имеющие общего модусного ключа, они не только создают развернутую «мозаику» прошлого опыта Говорящего, но и обеспечивают семантическую связность и целостность художественного текста.

Нередко фрагменты-воспоминания, которые не объединены общим модусным ключом, но нанизываются на единый стержень повествования воссоздавая таким образом единую картину прошлого. Воспоминания Говорящего предъявляются произвольно, без учета хронологии, но формальная и семантическая связность и целостность текста сохраняются при помощи жесткой структуры, заданной показателями исследуемой модусной категории, которые могут брать на себя функции анафоры.

Следовательно, показатели модусной категории «воспоминание» обуславливают разные типы композиции: радиальную, (когда один модусный ключ соединяет разные по протяженности отрывки-воспоминания), линейную (когда фрагменты-воспоминания, следующие друг за другом, составляют «мозаику» прошлого опыта Говорящего или

нанизываются на единый стержень повествования), – а также эксплицируют такую композицию художественного текста, как рассказ в рассказе.

Выявленный инвариант модусной рамки «воспоминание» по-разному реализуется в авторских вариантах организации текста-воспоминания, включенного в целостный текст произведения, которые рассматриваются в третьем и четвертом параграфах настоящего исследования на примере прозы Д. Рубиной и Е. Гришковца.

2.3. Репрезентация значения «воспоминание» в прозе Д. Рубиной

Воспоминания нередко составляют основу сюжета произведений современного прозаика или являются фоном, на котором разворачиваются основные события. Поэтому герои произведений Д. Рубиной часто обращаются к прошлому.

Персонажи вспоминают не столько события, сколько мысли, чувства, эмоции, с ними связанные, а также восприятие сопутствующих им деталей (цвет, запах, тактильные ощущения), например: 1) *Я всем телом помню тошнотворно-качельное колыхание земли: до сих пор любая неустойчивость под ногами обдает меня волной вестибулярного ужаса* <...> (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); 2) *Другую сцену я видела уже будучи студенткой консерватории, и тогда впервые задумалась о пространстве, в котором каждый из нас пребывает. Я стояла на остановке, ждала свой троллейбус. Накрапывал дождик, и все, кто находился там, зашли под пластиковый навес. Может быть, потому группа не сразу привлекла к себе внимание. Это были три женщины* <...> (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); 3) *Однажды, после особенно неистового их с мамой скандала, видимо, ощутив мое упрямое сопротивление и обиду за мать, он прилетел ко мне в школу на... вертолете.* <...> *И как же мы с Ромкой бежали друг к другу! Как билось мое сердце, да и его тоже – я слышал ухом, прижатым к его груди, – билось так же, как*

мое. Тот полет на шумящей «вертушке» (это был «старичок» Ми-8) я часто вижу во сне (Д. Рубина. Синдром Петрушки).

Как видим, персонажи Д. Рубиной восстанавливают в памяти факты, опираясь прежде всего на их восприятие, на то, как они преломились в сознании. Так, в первом примере героиня, вспоминая землетрясение (*помню*), сначала обращается к собственным ощущениям (*всем телом <...> тошнотворно-качельное колыхание земли*). Во втором примере в первую очередь вспоминается не сцена из прошлого, а мысль (*задумалась о пространстве*), вызванная этой сценой. В третьем примере чувства, испытанные персонажем когда-то, описаны так же подробно и выразительно, как и событие, связанное с ними. Итак, для героев большую ценность представляют не сами события прошлого, а те мысли, чувства, ощущения, которые они вызвали. Иначе говоря, персонаж вспоминает не столько факты, сколько самого себя в разные временные отрезки.

Восстановленные в памяти персонажей моменты прошлого вводятся в ткань произведения модусной рамкой «воспоминание», которая в текстах Д. Рубиной в целом соответствует инварианту, описанному в предыдущем параграфе: семантика исследуемой МК задается модусным ключом для всего текстового фрагмента и поддерживается показателями МК «воспоминание» (как ядерными, так и периферийными), выход из воспоминания обычно маркирован (чаще показателями темпоральности, разнообразными лексическими показателями). Приведем примеры.

1) *Помню и сейчас этот спектакль довольно подробно. Он работал на столе с тремя парами кукол, которых сделал сам по собственным эскизам. <...> В финале спектакля обе куклы просто тихо опускались на стол, опираясь друг о дружку поникшими головами... Тогда он уходил в темноту, покидал их. А на столе, в освещенном круге, оставались два поникших в тишине старика: ожидание конца в безнадежном отсутствии создателя. То был единственный случай (помимо детских дворовых спектаклей), когда он пытался запрячь меня в дело <...> Отказать ему я*

не смог, я никогда не мог противиться его деспотическому нажиму <...> (Д. Рубина. Синдром Петрушки); 2) Мартовской ночью вылетали в Амстердам, любимый нами город. **Когда-то, лет десять назад, мы впервые оказались за границей – в Амстердаме. Вышли из здания вокзала и увидели ряд старых домов над каналом <...> Словом, мы влюбились навсегда в эти огромные окна, жадно ловящие скудный северный <...> мы влюбились в свою первую** заграничную свободу, в свое безденежное безумие дорогих кофеен на улице Дамрак, **и с тех пор** хранили верность нашему странствию номер один, заруливая <...> в этот город при первой же возможности. **На сей раз возможность подвалила вполне рабочая:** Ляйденский университет пригласил меня выступить перед студентами факультета славистики (Д. Рубина. Школа света); 3) В ту минуту, как взглядом я проводила улетающий к потолку журавлиный клин оконных переплетов и под усилившийся запах яблок **полетела в обморочную глубину гулкового колодца, я вынырнула в до боли знакомом месте и, оглядевшись, поняла, что стою в дверях дедовского сарая, в тихом и зеленом Рыночном тупике Кашигарки.** Мгновенно выяснилось, что я кланчу у деда полтинник на кино, а дурная и ленивая собака Найда, не признающая своих, рвет цепь и беснуется у калитки. <...> Он протягивал мне истертую жизнью ладонь из глубины сарая. На ладони лежали три монеты по пятнадцать и тусклый рыжий пятак, истертый и старый, как дедова ладонь... Господи, сколько этих полтинников я выколола из его скудной пенсии!

Дед стоял в клубах золотой пыли и протягивал мне мелочь. Пахло яблоками, пылью старых газет, мешками, ветошью. Я отерла ладонью слезы и сопли и подалась к нему – забрать деньги. Но дед, пряча глаза, **вдруг отступил, смешиваясь с пылью в глубине сарая, я осталась стоять одна в проеме двери, да уже и не было ни двери, ни самого сарая, он распался, за клубился пылью, и только тонко звучащий в воздухе аромат «гольдена» все витал и витал надо мною...**

– ...Делай ветер!

– Я делаю.

– *Делай сильнее. Это у нее от жары* (Д. Рубина. Яблоки из сада Шлицбутера). Как видим, семантику «воспоминание» задает для текстового фрагмента модусный ключ, функцию которого могут выполнять различные показатели исследуемой МК: специализированные показатели (*помню*), как в первом примере; имплицитно показатели темпоральности (*Когда-то, лет десять назад*), как во втором примере; неспециализированные лексические показатели, среди которых преобладают метафоры (*полетела в обморочную глубину гулко колодца, я вынырнула в до боли знакомом месте <...> – в дверях дедовского сарая, в тихом и зеленом Рыночном тупике Кашигарки*), как в третьем примере.

Как показывает языковой материал, чаще всего (40% от количества контекстов из произведений Д. Рубиной) на актуализацию семантики «воспоминание» имплицитно указывает темпоральный ключ, реже функцию модусного ключа «воспоминание» выполняют и другие неспециализированные лексические показатели (35% от количества контекстов из произведений Д. Рубиной), среди которых преобладают развернутые метафоры, и не так часто (25% от количества контекстов из произведений Д. Рубиной) в текстах Д. Рубиной в роли модусного ключа «воспоминание» выступают специализированные средства выражения исследуемой модусной категории – глагол *помнить* и его дериваты

Нижняя граница модусной рамки «воспоминание», как правило, эксплицитна. Так, во всех приведенных примерах выход из воспоминаний выражен вербально: в первом примере – высказыванием *То был единственный случай (помимо детских дворовых спектаклей), когда он пытался запрячь меня в дело*; во втором примере – *На сей раз возможность подвалила вполне рабочая* (значение «отступа назад во времени» подчеркивает выражение *на сей раз*, т.е. в данный момент, противопоставленное модусному ключу *Когда-то, лет десять назад*); в третьем примере момент, когда Говорящий перестает вспоминать, называет

развернутая метафора *вдруг отступил, смешиваясь с пылью в глубине сарая, я осталась стоять одна в проеме двери, да уже и не было ни двери, ни самого сарая, он распался, за клубился пылью, и только тонко звучащий в воздухе аромат «гольдена» все витал и витал надо мною* и маркирует многоточие.

Завершение процесса припоминания в текстах Д. Рубиной нередко эксплицировано сплошным пробелом, например: *Однажды на день рождения – мне исполнилось лет пять – родители подарили мне красивую, «взрослую», сумочку на длинном ремне и блестящую синюю капроновую ленту с бархатными мушками. <...> Восторг, визг, счастье оцупывания, оглаживания и обжигания новых вещей... Сладкое привыкание к владению. В этот же день Маша, соседка по коммунальной квартире, взяла меня с собой в гости – как она часто делала, когда родители просили ее со мной посидеть. Я так и пошла, с сумочкой и бантом, уже порядком утомившимся на моей башке от постоянных прыжков, но неувядаемо прекрасным <...> Она спокойно забрала сумку и бант, не сказав даже «спасибо», вскочила боком на багажник, навесила на себя сумку, а бант дважды обвязала вокруг загорелой тощей ляжки. <...> – Прямо не знаю... – проговорила Лилька, вздохнув. – Меня б маманя прибила.*

*После этого происшествия в семье сложился миф о моей сверхъестественной доброте. Никакой особой доброты во мне никогда не было. Было и есть умение ощутить чужую шкуру на плечах, окунуть лицо в чужие обстоятельства, прикинуть на себя чужую шмотку. Но это от неистребимого актерства, боюсь, чисто национального (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Воспоминания Говорящего введены в текст с помощью модусного ключа *однажды на день рождения – мне исполнилось лет пять*, сигналом того, что воспоминание закончилось и Говорящий возвращается к настоящему, служит сплошной пробел (пространственно-композиционный знак).*

В произведениях Д. Рубиной показатели модусной категории «воспоминание» обычно сопровождают модусный ключ, поддерживая заданную им семантику исследуемой МК, служа своеобразным каркасом, на котором держится текст. Приведем пример: **В Германии сейчас оказался впервые после многих, очень многих лет...** *Исключительно по делу.* <...> *Захотелось на старости лет увидеть наш дом... Идиотское желание.* <...> *Да, я родился до войны... и отлично помню наш дом на Кёнигсallee* <...> *Мой отец был знаменитым архитектором, владельцем архитектурного бюро... И нашу квартиру отлично помню* <...>

Когда отец вел меня за руку домой, в парадном нас всегда приветствовал привратник, Крюгге, – он снимал кепку и почтительно кланялся «герру архитектору»...

– Вы, конечно, не помните приход Гитлера к власти?

– Но ведь вначале ничего не изменилось... в доме, в жизни... Для меня все началось вот с чего: отец **на четвертый мой день рождения** подарил мне игрушку – пожарную машину <...> И когда я вышел во двор, шестилетний сын привратника <...> расплакался, закричал <...> тогда Крюгге вырвал из моих рук мою машину и сунул ее в руки сыну! <...>

Потом... Потом меня выгнали из детского сада. Просто среди дня воспитательница выставила за ворота, и я оказался один, **впервые** один в огромном городе <...> И с **того дня** страх обнимал мою маленькую душу, не отпуская ее, держа в своих цепких паучьих пальцах... **Потом**, в знаменитую Хрустальную ночь, разгромили отцовское архитектурное бюро... <...> Словом, последним кораблем из Гамбурга мы отплыли в Палестину, и когда корабль причалил в Яффском порту... <...> Корабли бросали якорь далеко от берега, ишув высылал к кораблю лодки, в которых огромные амбалы <...> ловили пассажиров, прыгающих с высокого борта.

...**Тогда** папа раздвинул нерешительную толпу, взял меня на руки, поднял над бортом и бросил вниз! <...> Но того липкого мерзкого страха, того обморочного унижения... я не испытал **больше ни разу! Никогда!..**

<...> *Послушайте моего совета: никогда не оглядывайтесь!* (Д. Рубина. Коксинель). Семантику «воспоминание», которая в дальнейшем поддерживается специализированными средствами выражения этой МК, в текст имплицитно вводит темпоральный модусный ключ *В Германии сейчас оказался впервые после многих, очень многих лет*. Нижняя граница модусной рамки, последнее предложение примера *Послушайте моего совета: никогда не оглядывайтесь!* маркирует окончание процесса припоминания. Показатель модусной категории «воспоминание», повторяющееся словосочетание *отлично помню*, выполняет не только связующую функцию (соединяя большие фрагменты текста), но и функцию актуализации семантики «воспоминание». Кроме глагола *помню*, в данном примере формальную и семантическую связность обеспечивают неспециализированные лексические показатели: *на четвертый мой день рождения, потом, впервые, с того дня, тогда, больше ни разу, никогда*. Последние два намечают в тексте вектор проспекции, особенность которого в том, что он направлен не из настоящего в прошлое, а из прошлого в будущее. Кроме того, восклицательное предложение *Никогда!* выражает эмоциональную оценку событий прошлого.

Как показывает языковой материал, модусная рамка «воспоминание» эксплицирует не только семантику исследуемой МК. Обращение к прошлому Говорящего в произведениях Д. Рубиной очень часто содержит аксиологическую оценку извлеченной из памяти информации, например: 1) *... то чувство упоительного странничества, вольности, отчужденности и безотносительности ко всему миру <...> было в тот раз испытано, вероятно, впервые, если я запомнила его так остро и потрясенно* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); 2) *И сколько жив, буду помнить ее лицо на вокзале, ее бедное смятенное лицо: за одну ночь у этой девочки отняли дом, отца, привычную жизнь, друзей и город, обжитой до последней «газбудки» <...> И – ни словечка жалобы, ни словечка упрека. Впрочем, вру: знаешь, кого она оплакивала, по ком долго убивалась? По Мартыну –*

замызанному обезьяну, по той первой игрушке, которую я для нее смастерил под чутким руководством Матвеича; той игрушке, что мне самому дала мое другое, мое ночное имя...Да, это прощание на вокзале **я буду помнить всю жизнь** (Д. Рубина. Синдром Петрушки). Как видим, значение аксиологической оценки воспоминаний реализуется не только на уровне предложения, как в первом примере (**я запомнила его так остро и потрясенно**), но и на уровне текстового фрагмента, как во втором примере: модусный ключ **И сколько жив, буду помнить** задает для всего фрагмента текста не только значение исследуемой МК, но и значение аксиологической оценки, степень которой усиливается повтором **я буду помнить всю жизнь** – нижней границей модусной рамки «воспоминание».

Выражение высокой степени эмоциональности воспоминаний Говорящего указывает на высокую степень значимости для него событий прошлого, а значит, и достоверности извлеченной из памяти информации. Более того, экспликация достоверности в прозе Д. Рубиной часто служит не столько для выражения степени точности воспоминаний, сколько для выражения именно эмоциональной значимости прошлого. Как показывает языковой материал, герои часто акцентируют внимание на высокой точности своих воспоминаний, например: 1) **Я до сих пор помню** голос женщины в справочной роддома, голос с невучим украинским растягиванием гласных: «Сы-ин у вас...» (Д. Рубина. Двойная фамилия); 2) **Интересно, что я помню** день нашей с Петькой первой встречи **абсолютно отчетливо**. Сквозь блаженный утренний сон, сквозь густую вязь звуков: <...> привычно сплетаясь с вездесущими запахами утреннего города <...> доносится (дверь приоткрыта) голос бабуся: <...> – Скажи ей, пусть в воскресенье приходят вместе, тарелки супа мне не жалко.

И в воскресенье Глупая Бася приходит не одна, а с мальчиком <...> Когда нас позвали в столовую, он идти не захотел <...> А я-то думал, мы уже друзья...

*Мне и **сейчас** при каждой встрече хочется сразу всучить ему в руки какую-нибудь куклу <...> (Д. Рубина. Синдром Петрушки).*

Значение высокой степени достоверности воспоминаний в первом примере реализуется на уровне предложения и передано сочетанием специализированного показателя исследуемой МК **помню** с показателем времени **до сих пор**. Таким образом обозначен временной отрезок (прошлое – настоящее), обеспечивающий достоверность воспоминаний. Во втором примере высокую степень достоверности предъявляемого на уровне фрагмента текста эксплицирует модусный ключ **я помню <...> абсолютно отчетливо**, выраженный сочетанием показателей «воспоминание» (**помню**) и визуального восприятия (**абсолютно отчетливо**), который метафорически эксплицирует достоверность (ср. *смутно помню*). Выход из воспоминаний маркирует последнее предложение фрагмента, точнее, показатель темпоральности наречие **сейчас**.

Особенность прозы Д. Рубиной состоит в том, что гораздо реже Говорящий маркирует неточность извлеченной из памяти информации или ее утрату, например: 1) *Не знаю, какую культуру, кроме хлопка, выращивал колхоз «Кадыргач», но в местной гостинице и закрытой столовой обкома <...> (<...> **Смутно помню** очень мясные голубцы по двенадцать копеек порция, жирный плов и компот из персиков), — во всем этом благословенном пригороде произрастали, реяли, парили, висели в плывущем облаке зноя и, кажется, охранялись обществом защиты животных зудящие сонмища мух (Д. Рубина. Камера наезжает); 2) *Странная глухота и слепота глазастого детства к домашнему окружению: **я не помню** этого события, хоть мне и было тогда уже лет пять — изрядная дылда (Д. Рубина. Окна).* Примеры, где воспоминания Говорящего утрачены или предъявляются как неточные, немногочисленны. Как показывает языковой материал, низкая степень достоверности извлеченной из памяти информации выражается на уровне предложения, на уровне текста подобных примеров не обнаружено.*

Модусная рамка «воспоминание» в текстах Д. Рубиной реализуется по-разному. Встречается и такой вариант модусной рамки, когда текстовое пространство организуют только показатели исследуемой МК без помощи модусного ключа. Правда, это наименее востребованный способ актуализации «воспоминания» (в эмпирической базе всего один пример). Однако он заслуживает внимания, потому что в тексте автор использует прием лексического повтора в качестве показателя, организующего текстовое пространство, а именно создающего своеобразный композиционный каркас для повествовательного текста. Рассмотрим пример:

— Здесь сосны, здесь бильярд! — весело орала она в трубку. — Приезжай, тебе полезно после травмы!

*И я поддалась... Знаете, **после моей душевной травмы... но о ней я задним числом расскажу...** В общем, утренней Бородинской электричкой с Белорусского до Дорохова, а там малеевский автобус ждет. И — ах, этот воздух, эти леса...<...>*

Маринка подмигнула мне и сказала:

*— Это, пожалуй, покруче, чем «Школа женского обаяния»... — что было большим с ее стороны свинством, потому что именно она устроила меня посещать эту самую школу **после моей душевной травмы, о которой я задним числом расскажу...***

— Проветрись, — сказала Маринка, вручая абонемент, — может, научишься чему путному, — хотя по глазам ее было заметно, что она сильно сомневается в моих способностях. <...>

И я пошла в «Школу женского обаяния». Набилось на курс всякого женского отброса — так, шелуха картофельная... Ну, и я среди них. Читал курс старый психоаналитик Соломон Яковлевич. <...>

***Я все это задним числом рассказываю,** так сказать, на фоне тех же декораций — апрель, тепло, огромный сиреневый куст у поворота аллеи. Впрочем, и про это было уже у какого-то писателя...*

*...С Косей я познакомилась, когда ему не за пятьдесят было, а под. Волосы его седоватые очень эффектно вились, знаете — перец с солью... <...> В тот год Кося приехал из Таллина подработать на маце. Он, будучи артистичным человеком без профессии, каждый год ездил куда-нибудь на заработки. <...> Кося везет меня в свою комнатенку в дощатом коммунальном доме на окраине города <...> Чахлые балтийские сумерки долго колеблются за окном, не в состоянии сгуститься в ночь, и тут является с бутылкой коньяка довольно трезвый еще актер, Косин друг, — **забыла, как его звали.** И вот, когда, слегка выпив, Кося выбежал из комнаты — перевернуть на сковороде отбивные, друг его — **забыла, как его звали,** — вдруг говорит мне грустным мягким голосом:*

— Аня, мне кажется, вы такой искренний, симпатичный человек, неужели вы не видите — с кем связались? <...>

*— Кося мой муж! — гордо говорю я и с тоской чувствую, что все это я уже вычитывала, и не у одного писателя, а он — **вот забыла, как его звали!** — поморщился так досадливо и говорит:*

— Да какой там муж! Он прекрасно живет все это время с Татьяной Евсеевной. Они очень друг другу подходят. Они и расходились, чтобы вот эту комнату оттяпать.

*И тут с горячей сковородкой возвращается из кухни веселенький Кося <...> Тогда Кося переводит взгляд на этого своего хм... друга — **жаль, что забыла, как его зовут,** — и с ледяным бешенством цедит:*

— Ну, ты... какого... в чужую жизнь <...>

Утром я купила билет на поезд до Москвы и, на случай, если Кося приедет искать меня, до отхода поезда пряталась в вокзальном туалете, о чем неоднократно читала у разнообразных писателей...

** * **

По средам литфондовский автобус возил нас в Старую Рузу. <...> (Д. Рубина. Один интеллигент уселся на дороге). Как видим, в данном

примере ретроспективную направленность повествования обеспечивает повтор в тексте фразы *после моей душевной травмы... но о ней я задним числом расскажу*, позволяя постепенно, ступенчато возвращаться в прошлое от более позднего, приближенного к «моменту речи» – история о «Школе женского обаяния», – к более раннему, удаленному от «момента речи» – история с Косей, которая оформлена в тексте как модусная рамка. Модусный ключ *С Косей я познакомилась, когда ему не за пятьдесят было, а под* задает семантику «воспоминание» для фрагмента текста, выход из воспоминания маркирован многоточием, а также сплошным пробелом со звездочками. Своеобразной «несущей конструкцией», на которой держится текстовый фрагмент, служат выражения с лексемой *забыть*. В данном случае этот показатель модусной категории «воспоминание» оформлен как вставка *забыла, как его звали*. Нагнетание текстового фрагмента этой вставки – это прием, с помощью которого Говорящий не просто регулярно фиксирует внимание адресата на факте утраты информации из памяти, но и выражает свое эмоциональное отношение по этому поводу на протяжении всего фрагмента текста от нейтральной констатации факта (*забыла, как его звали*) до раздражения и сожаления (*вот забыла, как его звали! и жаль, что забыла, как его зовут*).

Нередко в произведениях Д. Рубиной воспоминания следуют одно за другим, каждое вводится своим модусным ключом. Так, например, в романе «На солнечной стороне улицы» текстовые фрагменты-воспоминания составляют содержание двух глав: 1) *В середине восьмидесятых я потеряла ее из виду. Вернее, я никогда и не держала ее в поле зрения, а если мы случайно сталкивались где-то, я удивлялась очередному преобразению ее внешности, ее одежде, манере двигаться. <...> Издал такую тетрадку рисунков Щегловой, которые она окурком по рассеянности черкала, а он много лет за ней подбирал... Да... Так и назвал: "Окурочная тетрадь"...*

...Году в восемьдесят девятом, проезжая мимо выставочного зала на Крымском мосту, я успела прочитать на огромной афише знакомое имя. На открытие персональной выставки Веры Щегловой я попасть тогда не смогла, но дня через три мы все-таки выбрались с мужем. <...> (31 глава);

2) В середине девяностых я встретила ее в Иерусалиме. К тому времени не только ташкентская, но и московская жизнь осталась за такими крутыми облаками, что я обомлела, и даже не поверила себе, когда прочитала ее имя на иврите, в афише Музея Израиля; она привозила небольшую выставку своих офортов. <...> Остро запахла трава, и звон цикад надорвал мятную фольгу библейских мифов... Впрочем, это уже тема другого города-романа.

*Лет через пять я оказалась в Германии, где молодое небогатое, но отважное издательство выпустило один из моих романов в переводе на немецкий. Меня пригласили провести презентации в Берлине, Лейпциге и Дрездене, и я согласилась, тем более что уже немало друзей и знакомых, в том числе и ташкентских, осваивали просторы хлебного фатерланда. <...> (32 глава) (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Как видим, цепь темпоральных модусных ключей (**В середине восьмидесятых; Году в восемьдесят девятом; В середине девяностых; Лет через пять; Не так давно**), имплицитно указывающих на значение «воспоминание» в тексте и создающих «несущую конструкцию» для повествования, организует таким образом текстовое пространство нескольких глав. Окончание процесса припоминания маркировано внутри главы многоточием и сплошным пробелом (как в первом примере) или только сплошным пробелом (как во втором примере), в конце главы — имплицитно. Чаще всего в текстах произведений Д. Рубиной темпоральный модусный ключ вводит фактологическую информацию, связанную с хронологической последовательностью событий.*

Ряд примеров демонстрирует, что иногда обратиться к прошлому Говорящего заставляют разворачивающиеся вокруг события или явления, а точнее, попытка осмыслить происходящее, понять самого себя. Именно поэтому воспоминания Говорящего вплетены в его рассуждения. В подобных случаях одно воспоминание тянет за собой другое, например: *Передо мной разверзлась... Нет, сначала так: огромную поляну перерезал по диагонали широкий ручей, по берегам которого <...> лежали на зеленой травке белые тюлени. Словом, это было лежбище nudистов, ничего особенного. <...> Эта поляна с бледными дряблыми телами произвела на меня потустороннее впечатление <...>*

*Сразу же **моя память явила** сельскую баню в киргизском селе на озере Иссык-Куль <...> мою ненависть к шайкам, горячей воде, плотному пару, жемчужным скользким телам голых женщин. Но, главное, мою ненависть к публичности голого тела.*

И это странно. Ведь я – дочь художника, выросшая в семье, где в шкафах стояло множество альбомов с репродукциями картин великих мастеров, писавших обнаженную натуру... И они легко открывались на любой странице.

Никогда тема обнаженности не была в семье запрещенной или стыдной.

*Откуда же это тошнотворное пуританство в моей крови, странное, особо крепкое устройство внутренних тормозов <...> Однако **в юности, лет семнадцати**, я получила путаное и сдавленное объяснение моему необъяснимому, очевидно, врожденному, шоку от зрелища толпы голых людей. **Помню** – утро, на нашей террасе завтракает приехавшая накануне ночью дальняя родственница с Украины; ее вскрик при виде меня, еще заспанной, с гривой спутанных волос: «Готеню, вылитая Фира!», и слезы на маминых глазах...*

Это был первый и единственный раз, когда глухо и невнятно была проговорена история <...> о семнадцатилетней девушке <...>

расстрелянной под Полтавой <...> вместе с голыми соплеменниками.<...>
Боже, как я устала от своих собственных историй, от историй
*собственной семьи, которые **всплывают в моей памяти** в Германии с*
какой-то безжалостной, ослепительной вещественной обыденностью!

<...> Что стряслось со всеми этими людьми, смятенно думала я,
почему от них отвернулся Эрос, могучий и грозный Эрос, сметающий все
преграды на пути и требующий лишь одного – хотя бы лоскутка, хотя б
*лишь дымки на замкнутых страстью, на вздыбленных страстью чреслах?!
(Д. Рубина. Коксинель). В данном примере истории следуют друг за другом.*
Они, с одной стороны, имеют ретроспективную направленность, а с другой –
тесно связаны с явлениями окружающей персонажа действительности.
В первой семантика исследуемой модусной категории эксплицируется
*модусным ключом **Сразу же моя память явила**; во второй – **в юности, лет***
***семнадцати... помню**. Завершение процесса припоминания в первом случае*
*имплицитно, во втором – маркируется метафорой **всплывают в моей***
***памяти** соответственно. Два фрагмента прошлого разорваны*
размышлениями Говорящего, поскольку призваны обозначить разные
*стороны предмета мысли: **ненависть к публичности голого тела** и трагедию,*
связанную с этой публичностью. Так, две модусные рамки эксплицируют
соединение в тексте два разных знания о мире, связанных ассоциативно в
памяти Говорящего. Ассоциативная связь просматривается также между
воспоминаниями и событиями персонажа в реальном времени.

Ситуация, когда одно воспоминание пробуждает в сознании
Говорящего другое воспоминание, может быть оформлена как рассказ в
*рассказе, например: **Не так давно я встретила ее на одной вечеринке в Нью-***
Йорке. Шел второй час ночи...<...>

Играла музыка – «Времена года» Вивальди... – начало первого, ми-
*мажорного концерта, с солирующей *violino principale*, когда **перед глазами***
***у меня возникает** обычно освещенная летним солнцем набережная*
венецианской лагуны с золотым кружевом собора, величественные аркады

Прокураций и лицо моей дочери во время поездки в Венецию, подаренной ей на восемнадцатилетие...

Все это непостижимым образом соединялось и сливалось сквозь воронку мгновения в прозрачную и сладчайшую каплю нектара, что набухает и стремится к вечной поверхности.

...Из этой сладчайшей капли выползла нагретая закатным солнцем улочка в летнем Гурзуфе, и мы с сестрой, идущие по улочке в зал кинотеатра, на концерт студенческого оркестра... И когда покатилося, фанфарно притоптывая, разворачиваясь в шпалеры, начало ми-мажорного концерта «Времен года» Вивальди, в распахнутые двери зала влетела огромная бабочка-капустница... До конца первой части она плескалась в цветных струях музыки – над альтами, виолончелями, скрипками и чембало.

В перерыве музыканты ушли за сцену, а инструменты, три виолончели, были прислонены к стульям: три виолончели, три одалиски – одна бордовая, другая медовая, а третья – цвета чечевицы...

И – в который раз! – я выпала из времени, угодила в расщелину, где медленно клубился бесшумный туман, из которого выплывали то лебединый гриф на мужском плече, то белая грудь артиста с бабочкой-удавкой, то мучительное вибрато кисти.

А позади плывущих виолончелей покачивался, поводя плечами, толстяк-контрабас...

Так вот, я сидела на диване в огромной нью-йоркской квартире на Манхэттене, не слишком оглядываясь по сторонам <...> В эту минуту в двери показалась новая фигура, какая-то женщина – высокая, тонкая, со светлыми волнистыми волосами до плеч. <...> (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

Как видим, процесс припоминания и предъявления восстановленного памятью являет собой сложный образ, имеющий столь же сложное языковое воплощение, что является особенностью в прозе Д. Рубиной. В данном

примере цепь воспоминаний обуславливает сложное построение текстового фрагмента.

Модусный ключ *не так давно*, выраженный показателем темпоральности, задает значение «отступа назад во времени» для событий, обрамляющих более ранние воспоминания героини (*Не так давно я встретила ее на одной вечеринке в Нью-Йорке. Шел второй час ночи... <...> Так вот, я сидела на диване в огромной нью-йоркской квартире <...>*) Она вспоминает свое потрясение на студенческом концерте, и это воспоминание введено модусным ключом, выраженным метафорой, *из этой сладчайшей капли выползла нагретая закатным солнцем улочка в летнем Гурзуфе*. Семантику восстановления прошлого опыта в памяти эксплицирует глагол *выползла*, а существительное *Гурзуфе* одновременно называет место события и указывает на связанный с ним период в жизни персонажа. Предъявление этого воспоминания подготавливает целая галерея образов прошлого. И сам процесс восстановления в памяти событий представлен метафорически (*все это непостижимым образом соединялось и сливалось сквозь воронку мгновения в прозрачную и сладчайшую каплю нектара, что набухает и стремится к вечной поверхности*).

Таким образом, воспоминания, встроенные в текст с помощью модусного ключа, задающего семантику исследуемой модусной категории, позволяют обеспечивать в текстовом фрагменте сложную временную перспективу: не просто рассказ в рассказе, а и воспоминание в воспоминании.

Подобная реализация модусной рамки «воспоминание» встречается не часто.

Как показывает языковой материал, в прозе Д. Рубиной чаще всего реализуется радиальное построение фрагментов-воспоминаний, в которых семантика исследуемой МК задана модусным ключом, выраженным такими метафорами, как *картины, сколки памяти, картинки, мгновения*. Модусный ключ, выраженный такими лексическими показателями, нередко

предопределяет построение текста, например: 1) **Я-то помню кое-что из того времени, хотя был совсем пацаном... — так, картинки отдельные. Представьте, что на некий азиатский город сваливается миллион вшивого, беглого оборванного люда... <...>**

Помню, на этой, залитой солнцем и застланной одеялами, площади лежала женщина в беспомощности.<...>

... А вот еще картинка: мы с мамой идем по улице, над головой — сплошная зеленая крона с узорными прорезами ослепительного солнца <...>

...Рынки, конечно, помню... Алайский рынок, знаменитый... это был какой-то... Вавилон! <...>

Помню, на рынке однажды поймали вора. И кто-то уже стал звать милицию, а один дядька — красноречивый, односторонний, сказал: «Не надо, сами справимся!» <...>

Шестьдесят пять лет прошло, а эти картины у меня перед глазами, как вчерашний день...<...> (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); 2) Я мгновенно ошарашена и благодарно заплакала, потому что стала узнавать — не улицы, а мгновения, эпизоды моей — на этих улицах — жизни.

Оказалась на Педагогической и пошла по ней.<...>

А свернув за угол, я увидела, как железная баба рушит старый особняк, — раскачивается и бьет, и бьет в стену дома... <...> Вдруг я поняла, что бывала в этом доме...

Обрывки иностранных слов, произнесенных высокомерно-любезным тоном, закружились в моей памяти, как клочки разорванного письма в водовороте арыка: Зинаида... (отчество? отчество, черт возьми! - Анатольевна?) Антоновна!

Чаепитие по - не вспомнить уже какому - поводу... Ах да, я заходила за нотами <...>

А неподалеку отсюда жил композитор Козловский, тот, что подобрал раненого аиста в своем саду и вылечил его. <...> Как странно, что столько

лет я не вспоминала историю этого ташкентского аиста... И вот, **вспомнила... Вспомнила!** <...>

То невысокое деревце... деревце – ... **дже?... жи?... джида!** Я даже **вспомнила** – каковы они на вкус, плоды этого дерева, вернее ягоды – сухие, словно из папье-маше, ворсистые, как бархат.

Та улица, с непроницаемым ныне названием <...> Здесь жил доктор, дантист. Грек. <...> У меня была марка! – **как я могла забыть!** – «Солидарность с греческой демократией». <...>

Я шла, и все было по пути, все кстати, все двигалось со мною, вдоль и обочь меня, словно я стала осью, вокруг которой нарастал мой собственный, давно утонувший, город. Он **собирался, восстанавливался, восставал из выцветших картинок моей безалаберной памяти, как восстанут в будущем мертвые из маленькой, но нетленной косточки.** <...> (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

В данных примерах значение «воспоминание» распространяется на весь текстовый фрагмент модусными ключами **я-то помню кое-что из того времени** <...> — **так, картинки отдельные и я** <...> **стала узнавать** <...> **мгновения, эпизоды моей** <...> **жизни** соответственно.

В первом примере эти так называемые «картинки» – небольшие истории, каждая из которых вводится своим модусным ключом (**представьте, помню, а вот еще картинка**). Они плотно «пригнаны» друг к другу и создают таким образом развернутую «мозаику» прошлого персонажа. Лексический показатель исследуемой модусной категории – последнее предложение примера – «закольцовывает» этот фрагмент.

Во втором примере «**эпизоды, мгновения жизни**» вплетены в текстовую ткань без помощи отдельных модусных ключей. Как в предыдущем контексте, семантику «воспоминание» эксплицируют отдельные показатели исследуемой модусной категории: **вспомнила, как я могла забыть.** Процесс припоминания представлен метафорически (**закружились в моей памяти**), а также оформлен лексическими

показателями, не имеющими семы 'ментальная операция', но ее изображающими: *(отчество? отчество, черт возьми! - Анатольевна?) Антоновна!; не вспомнить уже какому – поводу... Ах да; дже?... жи?... джида!* Тем не менее композиционный рисунок не становится размытым, а строго выдерживается, что обеспечено модусным ключом ко всему фрагменту, а также лексическими показателями из последнего предложения контекста: *собирался, восстанавливался, восставал из выцветших картинок моей безалаберной памяти.*

Таким образом, модусный ключ вместе с другими показателями модусной категории «воспоминание» создают канву для художественного текста. Показатели исследуемой модусной категории не только закрепляют значение «отступа назад во времени», но и выполняют композиционную функцию, обеспечивая радиальное построение текста относительно первой фразы. Это позволяет предъявлять воспоминания, не сохраняя хронологическую последовательность событий, но и обеспечивая смысловую связность и целостность текста.

В радиальном построении текста могут участвовать и развернутые метафоры, например: *Персонажи моего детства толпятся за кулисами памяти, требуя выхода на сцену. А я даже не знаю — кого из них выпустить первым, кто более всех достоин возглавить этот парад полусумасшедших родственников, соседей, знакомых и просто диковинных людей, застрявших в послевоенном Ташкенте. Позволю-ка я Маргоше первой прошвырнуться по авансцене развинченной жалкой походкой.*

Маргоша-б...дь, по кличке Стовосьмая, жила на чердаках. Каждый вечер спускалась во двор и тащила в Сквер. Часам к семи к «шестиграннику» стекались студенты, стилиаги и алкаши. <...>

А за Маргошей-б...дью пойдет — живет, живет! — диссидент Роберто Фрунсо, в своем — и в жару и в холод — резиновом плаще до пят. Он носил кепку «бакиночку», тогда многие ее носили — короткий черный пластиковый козырек, поверх него — плетеная косичка. <...>

А дирижер, дирижер, обитавший в Сквере, — сумасшедший старик в коротких штанах и черном драповом пальто! <...> Странная фигура моего детства, черный ворон... <...>

А великаниша, знаменитая баскетболистка, — имени не помню, — городское чудо! Ташкентцы относились к ней со смешанным чувством: гордости, ужаса и брезгливости. <...>

А соседская бабка Фира, безумная старуха, спятившая на ревности! Она ревновала своего восьмидесятилетнего мужа Зюню Хаскелевича, кроткого полуслеплого старичка в застиранной обвисшей пижаме. <...>

А истопник в котельной нашего двора! Мы, малышня, ссыпались к нему по высоким ступеням в подвал, в котельную. Он выдавал каждому листки, выданные из тетрадки, и мы в них рисовали. Я носила очки в круглой железной оправе, и он называл меня «профессор кислых щей». Потом, много лет спустя, уже после его смерти, мы узнали, что дядя Володя, Владимир Кириллович, был известным московским художником, профессором Суриковского института, отсидел свой срок по пятьдесят восьмой, в лагере под Бегаватом, и доживал у нас во дворе, на Червякова, 19, в комнатке рядом с котельной, где работал посменно (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

Как видим, метафора, называющая процесс припоминания (*персонажи моего детства толпятся за кулисами памяти, требуя выхода на сцену*), предопределяет композицию текстового фрагмента, наделяя при этом функциями показателей исследуемого модуса слова и выражения, которые являются элементами тематической сетки и значение которых не связано с ментальной сферой (*а диссидент Роберто Фрунсо, а дирижер, а великаниша, а соседская бабка Фира, безумная старуха, а истопник*). Более того, жесткие композиционные рамки поддерживает и соединенный с анафорой частичный синтаксический параллелизм в начале каждого абзаца, посвященного очередному персонажу из прошлого (*А дирижер, дирижер, обитавший в Сквере, — сумасшедший старик; А*

великаниша, знаменитая баскетболистка; А соседская бабка Фира, безумная старуха; А истопник). Эти средства в сочетании с многосоюзием (присоединительный союз *А*) обеспечивают формальную связность текстового фрагмента и его целостность.

Примеры, когда развернутая метафора диктует построение текста, мы встречаем и в других произведениях Д. Рубиной. Ср.: *А приходилось тебе видеть грозу в метель? Косое лезвие молнии, что раздирает пелену мятущегося снегопада?..*

Вначале кажется, что это просто короткое замыкание, тем более что в такие часы отключается электричество. Я и сейчас сижу с зажженной свечой, в призрачной от снега за окном темной кухне, <...> на столе – книга, и голубые молнии вспыхивают на ее невозмутимых страницах. Книга открыта, но спроси меня о названии, о сюжете – я не отвечу. Я снял ее с полки, не глядя на имя автора. На ее развороте вспыхивает и вспыхивает нестерпимыми синими зарницами моя убийственная тоска. Эта мускулистая скользкая тварь, этот змей, пожирающий мое несчастное нутро, носит разные имена: мама, Ромка, Бася, Казимир Матвеевич... И главная, огнедышащая, высоко и грозно восставшая надо мною вина: Лиза. <...> (Д. Рубина. Синдром Петрушки). Данная развернутая метафора служит модусным ключом «воспоминание» к очень большому отрывку текста и позволяет соединить воспоминания Говорящего о перечисленных персонажах именно в порядке их перечисления, не используя дополнительно модусный ключ для ввода истории каждого.

Итак, основу воспоминаний героев в прозе Д. Рубиной составляют в первую очередь чувства, ощущения, мысли, вызванные событиями прошлого. Фактологическая информация восстанавливается в памяти Говорящего часто с опорой на восприятие деталей (цвета, запаха, тактильных ощущений), которые сопутствуют происшедшему. Обычно эксплицируется

высокая степень точности воспроизведенных в памяти событий. Неточность воспоминаний или их утрата предьявляется Говорящим не часто.

Способы выражения модусного ключа «воспоминание» в прозе Д. Рубиной разнообразны: не только различные специализированные лексические показатели (глагол *помню* и его дериваты), но и метафоры (часто имеющие сложную структуру). Наиболее часто модусный ключ опирается на показатели темпоральности. Речь идет о темпоральном ключе, который имплицитно указывает на семантику «воспоминание» благодаря семе 'отступ во времени', что ещё раз подтверждает синкретическую природу «воспоминания».

Реализация модусной рамки «воспоминание» в текстах Д. Рубиной близка описанному инварианту, т.е. семантика исследуемой МК задается модусным ключом для всего текстового фрагмента и поддерживается показателями МК «воспоминание» (как ядерными, так и периферийными), выход из воспоминания обычно маркирован (вербально, или многоточием, или сплошным пробелом).

Своеобразие организации текстовых фрагментов произведений Д. Рубиной состоит в том, что модусный ключ, выраженный метафорами *картинки, эпизоды, мгновения*, а иногда и развернутыми метафорами, определяет композицию текста или текстового фрагмента. Часто композиция имеет радиальное построение относительно высказывания, выполняющего роль модусного ключа. Подобная композиция предоставляет потенциальную возможность бесконечного расширения текстового пространства, позволяет предьявлять воспоминания, не сохраняя хронологическую последовательность событий, но обеспечивая при этом смысловую связность и целостность текста.

Модусный ключ задает семантику исследуемой модусной категории на весь текст, в то время как остальные показатели варьируют значение «воспоминание»: они, внося различные смысловые оттенки, выражают

аксиологическую оценку воспроизводимой памятью информации или задают векторы проспекции и ретроспекции в повествовании.

Совокупность средств выражения модусного значения «воспоминание» может задавать сложную композицию текстового фрагмента, а также является средством актуализации.

2.4. Репрезентация значения «воспоминание»

в прозе Е. Гришкова

Воспоминания часто составляют основу и произведений Е. Гришкова. Как правило, предметом воспоминаний становится фактическая информация, гораздо реже его персонажи вспоминают свои мысли и чувства. Главный герой, рассказчик, от лица которого ведется повествование в произведениях, составляющих эмпирическую базу данного исследования обычно обращается к собственному опыту, для того чтобы подтвердить или проиллюстрировать собственные умозаключения, выводы, наблюдения над собой, над жизнью, над людьми, попытаться осмыслить какой-либо важный вопрос. Обратимся к примерам: 1) *Это именно наколка, а не татуировка. <...> **Помню**, я очень не хотел её делать. Сам вид синей наколки на руке, какой бы она ни была, мне казался ужасным. <...> Но уговорили, убедили, настояли, и наколка засинела на запястье левой руки. Мне **тогда** было двадцать лет. Я служил моряком. <...> Мой якорёк всё больше и больше похож просто на синее пятно. Я привык к нему, потому что последние двадцать лет он всё время находится в поле моего зрения. <...> Самое забавное, что этот якорёк, как ни крути, моя единственная особая примета. Он, практически, стал для меня родимым пятном. Но родимым пятном, которое мне досталось не от родителей, а от моей жизни.* (Е. Гришковец. Наколка); 2) *Ясно же, что ту книжку, которую я когда-то прочёл, не понял, и собирался перечитать, теперь уже не перечитаю, и даже не потому, что не будет на это времени, а потому что не смогу вспомнить, что же я там не понял. И что-то недодуманное когда-то, недочувствованное так и останется там.*

*Там, где я стоял после того, как сдал последний экзамен... Тогда, когда закончилась для меня сдача выпускных школьных экзаменов. <...> Закончились экзамены, закончилась школа. Я что-то чувствовал, что трепетало и рвалось внутри <...> Когда мы прощались с одноклассниками, вдруг в первый раз кольнуло что-то. Кольнуло то, что нельзя было сказать «до завтра». Мы пошли со двора, а я вспомнил, что оставил портфель в кабинете физики, я вернулся в опустевшую школу <...> Я видел и знал это помещение при любом освещении, знал наизусть, но так, как **в тот момент** я его прежде не видел. На подоконник стало капать... <...> Было хорошо. Но я чувствовал, что мне так, как не было раньше. И я даже почувствовал, что если постояю так ещё немного, то что-то пойму, что-то существенное... Но на подоконник закапало сильнее, я забрался на него и закрыл окно, потом взял портфель и вышел из класса.*

*А **теперь**-то я знаю, что не пойму того, что **тогда** мог понять. Но это не значит, что я **тогда** не понял чего-то очень важного или судьбоносного, нет. Мне даже кажется, что я знаю, что я **тогда** мог понять, и что-то подобное я обязательно уже понял, и живу с этим. Просто, **тогда** я мог понять то, чего не понял с какими-то нюансами. А **теперь** все! Уже все! И так со всем <...> (Е. Гришковец. Реки).*

Как видим, в данных текстовых фрагментах семантика «воспоминание» задана модусным ключом: в первом примере он выражен специализированным показателем исследуемой МК **помню**; во втором – модусный ключ «воспоминание» представлен неспециализированными средствами – двумя предложениями-парцеллятами *Там, где я стоял после того, как сдал последний экзамен... Тогда, когда закончилась для меня сдача выпускных школьных экзаменов* (они не просто вводят значение «отступа назад во времени» для текстового фрагмента, но и выражают эмоциональный настрой относительно событий прошлого). Воспоминания Говорящего (информация в основном фактическая, иногда сопровождаемая сведениями о переживаниях персонажа) включены в его размышления, не

прерывая их, а напротив, помогая более глубоко раскрыть суть рассматриваемого вопроса.

Как показывает языковой материал, в текстах Е. Гришковца модусный ключ «воспоминание» не всегда сопровождается показателями исследуемой МК (как во втором примере), или они могут быть представлены минимально (как в первом примере – показатель темпоральности *тогда*).

Нижняя граница модусной рамки, маркирующая выход из воспоминания, как правило, присутствует и эксплицитна. Так, в первом текстовом фрагменте прекращение процесса припоминания выражено предложениями *Мой якорёк всё больше и больше похож просто на синее пятно. Я привык к нему, потому что последние двадцать лет он всё время находится в поле моего зрения*, называющими временной зазор между событиями прошлого и настоящего (*последние двадцать лет*). Во втором фрагменте текста выход из воспоминания выражен вербально наречием с временной семантикой *теперь*, употребленного в сопоставительной паре с повторяющимся *тогда*, что также указывает на временную оторванность событий прошлого.

Такой способ реализации инварианта модусной рамки «воспоминание» в текстах Е. Гришковца самый востребованный. Это связано с отведенной воспоминаниям ролью: как уже говорилось, извлеченная из памяти информация тесно вплетена в размышления Говорящего и служит как иллюстрация его умозаключений, как попытка осмыслить какой-либо важный для него вопрос.

Модусный ключ рамки «воспоминание» в произведениях современного писателя имеет не столь разнообразное, как в текстах Д. Рубиной, языковое выражение, однако заслуживает не менее пристального внимания.

Особенность предъявления воспоминаний в прозе Е. Гришковца состоит в том, что на семантику исследуемой МК в большинстве случаев имплицитно указывает в тексте или текстовом фрагменте темпоральный модусный ключ, причем в качестве модусного ключа преобладают наречия с

временной семантикой (*однажды, тогда, позже, когда-то, недавно, всегда*), например: 1) **Однажды**, он нас с отцом сводил на то место, откуда когда-то больше века назад начала свою жизнь деревня Колбиха. В паре километров от теперешней деревни, в лесу, Иван Петрович показал нам, заросшую высокой травой поляну. <...> Удивительно было копать этот хрен на огороде дома, которого нет. Сладкая жуть была в этом. <...> (Е. Гришковец. 80 километров от города); 2) **Когда-то** я даже не чувствовал сам, что болезнь уже пришла и присутствует во мне... Я сидел, играл своими игрушками или ещё что-то делал, но, может быть, как-то вяло, может быть, не хотел есть. Тогда мама могла сказать: «Что-то он какой-то вялый, или мне кажется?» <...> Та болезнь даже не мучила какими-то болезненными ощущениями, она просто утомляла лежанием в постели, ограничениями и отсутствием сил и желаний. <...> (Е. Гришковец. Реки); 3) **А тогда** купить фотоаппарат — это было полдела, даже четверть дела. Нужно было к нему купить фотоувеличитель, для того чтобы фотографии печатать, а ещё фотофонарь с красным стеклом, ванночки для проявителя, закрепителя и промывания фотографий. Нужен был фотоэкспанометр, чтобы правильно определять, какую выставить выдержку и диафрагму на фотоаппарате и объективе, нужен был фотобачок, для проявления фотоплёнки... И ещё нужно было уметь всем этим пользоваться. Представляете, как трудно было заправлять плёнку в кассету, а потом для проявки в фотобачок. Это нужно было делать в полной темноте.. <...> (Е. Гришковец. Начальник).

Не менее часто при воспоминании Говорящий эксплицирует «отступ во времени» с помощью временной придаточной части сложноподчиненного предложения, например: 1) **Когда дочка наша, Наташа, ещё не родилась**, к нам приехал в гости мой друг. Дружили мы с этим моим другом в основном по переписке, потому что он бельгиец. <...> Он очень удивился тому, что мы его пригласили в такую маленькую квартирку в гости. Спал он у нас на кухне на раскладушке, был, в итоге, очень доволен, и очень радовал нас

забавным акцентом, наивностью и своим присутствием у нас дома в целом. <...> (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами); 2) *А когда мы с папой плыли на теплоходе по Чёрному морю, папа предложил написать записку, засунуть её в бутылку, бутылку хорошо закупорить и бросить в море. Просто так, приключения ради. Как я был рад! Я аккуратно написал в записке свои фамилию, имя, возраст, номер школы и класс.* <...> (Е. Гришковец. Реки); 3) *Когда же я бывал на концертах нашего городского симфонического оркестра... нашу школу приводили в городскую филармонию на специальные концерты для школьников, я чувствовал ту муку, которую испытывали все участники такого концерта. Страдали и музыканты, и мы. Мы мучили музыкантов, а они нас.* <...> (Е. Гришковец. Реки); 4) *Правда, когда я сломал руку, учась в классе шестом, я испытал боль и удивление. Я удивился тому, что такое дело, как перелом, может случиться со мной..* <...> *Все время, пока я носил гипс, я охотился за взглядами людей на улице или в автобусе. И если ловил таковые, делал серьёзное и умное лицо* (Е. Гришковец. Реки). Как видим, мерилom времени, определенными вехами для Говорящего, когда он обращается к прошлому, становятся не конкретные даты (таких контекстов в выборке почти нет), а конкретные события его жизни, иными словами, его время измеряется не календарем.

Эту мысль подтверждают контексты (они немногочисленны), в которых модусный ключ выражен лексемой *первый*, эксплицирующей значение «отступа назад во времени» на уровне всего текста или его части, например: 1) *Наша с моей женой первая отдельная квартира была очень долгожданной. Это была однокомнатная квартира на девятом этаже десятиэтажного дома в совсем новом районе города Кемерово. Как же мы её ждали, как мечтали о ней, как не просто она нам досталась. Навсегда запомню адрес: улица Свободы, дом 13. Вот номер квартиры не помню. Так бы показал, а номер не помню* <...> (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами); 2) *Я увидел его в первый раз на концерте студенческой*

художественной самодеятельности. Каждый год, весной, в нашем университете проходил фестиваль факультетских концертов. <...> Он не делал ничего особенного и даже не говорил, но после первого же его появления на сцене, следующего его выхода ждали и встречали аплодисментами и радостным смехом. <...> (Е. Гришковец. Зависть); 3) **Я в первый раз в жизни** видел дождь на реке в тот момент, когда я сам на середине реки. Дождь мощный, крупный, отвесный и тёплый. Такой, совершенно июльский дождь. Его было видно издалека. Он стоял стеной, под ним река рябила пятнами и была матово-серая. <...> (Е. Гришковец. Реки).

Модусный ключ может быть представлен несколькими предложениями, например: **Это случилось 31 декабря. Год не буду называть. Это было давненько.** Серёге пришло в голову отметить Новый год в своей квартире и пригласить туда гостей, тех, кто согласится. Мы приехали к нему днём, чтобы подготовиться к приёму гостей. Денег у нас было очень мало, и мы купили всё, что смогли купить. Всё выбирал Ковальский. Только маленькую ёлочку купил я сам. Но сначала про квартиру Ковальского <...> (Е. Гришковец. Зависть). Если первые два высказывания – экспликация темпорального ключа, то третье связано с модусной категорией «воспоминание».

Меньше в количественном отношении, чем показатели темпоральности в роли модусного ключа, семантику «воспоминание» на уровне всего текста или его части выражают специализированные средства – глагол **помню** и его дериваты. Например, в высказывании *Как же я всё-таки выбрал то образование, которое, в итоге, получил, и другого у меня нет? Я помню процесс выбора и помню все возможные варианты. Весело об этом вспоминать. Очень весело.* <...> (Е. Гришковец. Дарвин) модусный ключ **помню** задает семантику «воспоминание» всему тексту рассказа.

Приведем другие примеры. 1) *А ещё я помню, когда мы после последней нашей зимы в Сибири, приехали проститься с Колбихой, помню, как радостно нас встретила наша кошка Бася.* <...> Бася кинулась к нам,

заволновалась, засуетилась, потом неожиданно метнулась обратно в соседский двор. Мы удивились, почему она убежала. Но вскоре Бася вернулась. Она волокла в зубах своего котёнка. Она притащила всех троих своих котят, остальных Клавдия Владимировна сказала, утопили. <...> (Е. Гришковец. 80 километров от города); 2) Точнее сказать, у меня был один хороший приятель <...> Он уехал в Америку давно. И я **помню**, как это случилось.

Мой приятель был абсолютно стопроцентный «ботаник». Такой типичный увалень, в мятых брюках, сутулый, румяный, совершенно белокожий, с непослушными жидкими и бесцветными волосами <...>

– Из Америки? Не вернусь я. Оттуда не возвращаются. Не знаю, почему, но это знаю. Не понравится, говоришь? Это вряд ли.

Больше приятеля своего Борю я не видел никогда (Е. Гришковец. А.....а). В этих примерах **помню** является модусным ключом для небольших фрагментов произведений.

Модусный ключ может быть представлен и вопросительным предложением, например: **Почему в этот момент вспоминается то**, как я, запыхавшийся и разгорячённый игрой, забежал с летнего, знойного и пыльного двора в подъезд моего дома? Моего дома... там, в том городе, откуда я уехал. <...> Прохлада такая же, как в старой, ещё сталинской постройки библиотеке или кассовом зале кинотеатра <...>

Почему вспоминается кинотеатр? <...> Мне нравилось даже просто проезжать мимо него на автобусе, рассматривать афиши, слушать, как водитель объявляет остановку: «Следующая остановка — кинотеатр (такой-то)». <...> (Е. Гришковец. Реки). В данном случае воспоминания Говорящего приобретают особую выразительность, поскольку предложения содержат риторический вопрос.

Очень немногочисленны примеры, в которых модусный ключ «воспоминание» выражен описательным оборотом, например: *А чем были для меня другие города в то время, когда мой город был не изведен и*

огромен? <...> Их названия возникали в жизни только в связи с тем, что папа уезжал туда в командировки, и я с нетерпением ждал его, потому что папа всегда из командировки привозил подарок. Другие города звучали в новостях по телевизору и в прогнозе погоды в конце этих новостей...

Ещё другие города были на светящейся панели большого радио, которое стояло в спальне у деда. <...> (Е. Гришковец. Реки).

Выполняющий функцию модусного ключа описательный оборот **то время, когда мой город был не изведен и огромен** в контексте повести Е. Гришкова «Реки» имеет значение *в детстве*. В данном случае он не только вводит в текст воспоминания персонажа (Говорящего), но и отсылает читателя к другим воспоминаниям, таким образом обеспечивая связность текста.

Как отмечалось в первой главе, Говорящий часто маркирует воспоминания с точки зрения степени достоверности воспроизводимой в памяти информации от *хорошо, отчетливо помню* до *не помню*. Степень точности припоминаемого передается сочетанием специализированных показателей (глагола **помнить** и его дериватов) с наречиями *хорошо, ясно, точно, смутно* и др., а также с такими лексическими показателями, как *до сих пор помню, запомнила на всю жизнь* и т.п.

В отличие от текстов Д. Рубиной, в текстах Е. Гришкова Говорящий наиболее часто маркирует то, что он не помнит (имена, детали одежды, название музыкального произведения и др.), например: 1) *На голове у него была какая-то светлая выгоревшая фуражечка, одет он был в светло-серую рубаху <...> и я не помню, что у него было на ногах* (Е. Гришковец. Реки); 2) **Не могу припомнить**, как его звали. *Был он старший лейтенант, женат, к моменту нашего знакомства, не был* (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами); 3) **Не помню** этого кабинета. *Главное в этом кабинете был сам Данков* (Е. Гришковец. Декан Данков).

Более того, герою-рассказчику Е. Гришкова не свойственно отмечать степень точности, достоверности извлеченной из памяти информации:

примеры, в которых воспоминания предъявляются как точные, составляют всего 4% от количества контекстов из произведений писателя, в 3% контекстов маркируется низкая степень точности воспоминаний, например:

1) *Я отлично запомнил, как уплывала моя шапка* (Е. Гришковец. Реки);
2) *Как сейчас помню, притащу я найденного во дворе и быстро замученного детской заботой полудохлого жука, червяка или бабочку домой, и все умильно охают <...>* (Е. Гришковец. Дарвин); 3) *Мы купили в том городе такое вкусное мороженое, что я до сих пор помню его вкус* (Е. Гришковец. Реки); 4) *Людей, которые жили за лифтом я не очень помню. Они были старше нас, не разговорчивые, не улыбчивые и мы редко их встречали* (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами); 5) *Но я помню родителей ещё студентами. Это смутные воспоминания и, в основном, ночные* (Е. Гришковец. Дарвин). Степень точности предъявляемой информации иногда может содержать и ее оценку, как в третьем примере.

Как видим, сочетаемость показателей «воспоминание» и достоверности на уровне предложения встречается не часто, и на уровне текста в прозе Е. Гришкова представлена минимально: три контекста. Во всех трех контекстах воспоминания Говорящего оформлены как модусная рамка «воспоминание», встроенная в общее повествование произведения.

В примере *Но я так же отчётливо помню, как размеры и объёмы города вдруг стремительно сократились и стали ужасающе, бессмысленно тесны мне. Казалось, мне нечем дышать в этой тесноте. Исчезла глубина, проявилась только поверхность города. Город перестал быть живым и необходимым. Это случилось тогда, когда я подумал о том, что можно было бы уехать из него. И как только пришла мысль, что можно уехать... следующая мысль была, что надо уехать обязательно! <...> А когда я вернулся в свой город, где шли бесконечные холодные дожди, на деревьях уже не было листьев, все машины были одного грязного цвета... я подумал тогда, что все это заговор. Причем заговор лично против меня.*

Интересно, дед когда-нибудь ощущал то же самое или нет. (Е. Гришковец. Реки) модусный ключ **отчётливо помню**, выраженный сочетанием показателей «воспоминание» и достоверности, не только задает семантику «воспоминание» для всего фрагмента текста, но выражает высокую степень точности извлеченной из памяти информации. Семантику исследуемой МК поддерживают сложноподчиненные предложения с временной придаточной частью (**Это случилось тогда, когда я подумал о том, что можно было бы уехать из него; А когда я вернулся в свой город, где шли бесконечные холодные дожди** <...>). Завершение процесса припоминания маркирует сплошной пробел.

В примере Германа **вспоминаю особо!** И сейчас объясню почему.

Герман был непонятного возраста. <...> Где он работал, я не помню, но работал он целые сутки, а потом двое суток отдыхал. Эмма была моложе Германа, стройная, симпатичная и с красивыми волосами. Девочка у них вела себя хорошо. Они были приятные люди, поэтому про их семью мне трудно что-то вспомнить и что-то рассказать. <...> Но всё же именно про Германа или, как он просил его называть, Геру, я должен рассказать особо... Ему удалось самым невероятным образом поразить моё воображение. Как? А вот как! <...> Я навсегда запомню, с какой грустью он это говорил, и как при этом улыбался (Е. Гришковец. Над нами, под нами и за стенами) модусный ключ **Вспоминаю особо** не только задает семантику исследуемой МК, но и указывает на значимость воспоминаний для Говорящего. Немногочисленные показатели исследуемой МК, наполняющие модусную рамку (**не помню; мне трудно что-то вспомнить**), не столько поддерживают семантику «воспоминание», заданную для всего текстового фрагмента модусным ключом, сколько расставляют нужные акценты, маркируя несущественные, с точки зрения Говорящего, детали воспроизводимого прошлого. Выход из воспоминания выражен сочетанием специализированного показателя исследуемой МК **запомню** и показателя темпоральности наречия **навсегда**, выражающего степень значимости и

эмоциональную оценку события прошлого, что имплицитно указывает на высокую степень достоверности предъявляемых воспоминаний.

Как показывает языковой материал, функцию модусного ключа может выполнять заголовок. Так, например, название сборника «Следы на мне» задает семантику «воспоминание» для всех рассказов, составляющих сборник (анализируя свои произведения, Е. Гришковец высказал мнение о том, что он рассматривает эту книгу как цельную повесть), что обуславливает радиальную композицию сборника. Слова *след* и *воспоминание* имеют общую сему *сохранившийся*, ср.: «*след* – остаток или сохраняющийся признак чего-н.» [Шведова, 1998]; «*воспоминание* – мысленное воспроизведение чего-н. сохранившегося в памяти» [Шведова, 1998]. Каждый рассказ – это история о людях, которые оставили след в жизни рассказчика, повлияли на его мировоззрение и именно поэтому отпечатались в памяти. Для каждого рассказа отдельно семантику исследуемой модусной категории задает свой модусный ключ, например: 1) *Деканом филологического факультета Кемеровского государственного университета, когда я в него поступил*, был Василий Николаевич Данков. Он был деканом с незапамятных времён и с незапамятных времён копились страшные истории о нём. <...> Знакомство моё с деканом произошло в первый же день занятий во время первой же лекции Я весь был преисполнен благоговейного трепета и радости. Я *впервые* сидел в большой университетской аудитории, где столы и сидения уходили от кафедры вверх крутым амфитеатром. *Навсегда* запомню, что это была лекция по введению в языкознание, и читала её настоящий профессор по фамилии Орёл. <...> (Е. Гришковец. Декан Данков). Семантику «воспоминание» во всем рассказе задает темпоральный модусный ключ, выраженный придаточной частью сложноподчиненного предложения *когда я в него поступил*, вместе с показателями исследуемой модусной категории *впервые* и *навсегда* запомню. Ситуация, когда значение «отступа назад во времени», заданное модусным ключом, поддерживается показателями модусной

категории «воспоминание» на протяжении всего произведения, встречается неоднократно. Особенность художественных текстов Е. Гришкова в том, что показателей исследуемой модусной категории может быть минимальное количество или не быть вовсе, и тогда «отступ назад во времени» эксплицируется только при помощи модусного ключа.

2) *Хотя я не уверен, что его звали Михалыч. По-моему, Михалыч. <...> Всё-таки Михалыч! Так и буду его называть. Так я его помню.*

Михалыч просуществовал в моей жизни два дня. А меня он, наверное, даже не особенно и разглядел. И он, конечно, не мог догадаться, какую важную оказал мне услугу и как повлиял на многое, очень многое в моей жизни. Я признателен ему очень! <...> Михалыч <...> погасил и спустил с пьедестала на нашу землю образ человека физического труда. Да простят меня за эти слова многие и многие. Значит так... <...> (Е. Гришковец. Михалыч). В этом примере модусный ключ «воспоминание» **так я его помню** предваряют показатели достоверности со значением «неуверенности» (*я не уверен, по-моему*), с которой исследуемая модусная категория тесно взаимодействует. Непосредственное начало истории из прошлого маркирует предложение **Значит так...**

В некоторых произведениях этого сборника мы наблюдаем своеобразную инверсию: модусный ключ, который вводит воспоминание в текст, может располагаться не в начале рассказа, что модусному ключу несвойственно. Рассмотрим пример: *Я очень плохо знаю деревенскую жизнь. Точнее, я не знаю её совсем. Хотя я наблюдал жизнь в деревне. У моих родителей был дом в деревне, который мы называли «дача». Но это не была дача в подмосковном смысле, и это не был летний домик. Это был старый деревенский дом, сложенный из брёвен и с крытой досками крышей. Такой настоящий сибирский дом. Дом этот стоял в середине деревни Колбиха, а Колбиха живописно расползлась своими сорока дворами по красивому и холмистому левому берегу реки Томи. От города Кемерово до Колбихи было в аккурат 80 километров. Мы владели этим домом в деревне около*

пятнадцати лет. И около пятнадцати лет, когда я приезжал в Колбиху, мне удавалось наблюдать деревенскую жизнь.

Наш дом. А мы все и всегда будем называть его «наш» дом, так и стоит по сей день в деревне Колбиха. <...> (Е. Гришковец. 80 километров от города).

Как видим, модусному ключу ***около пятнадцати лет, когда я приезжал в Колбиху*** предшествует небольшой фрагмент текста, в котором нет показателей модусной категории «воспоминание», однако фрагмент представляет личный опыт Говорящего. Семантику исследуемой модусной категории, как мы уже отметили, эксплицирует в данном случае заголовок сборника – «Следы на мне».

Таким образом, заглавие в качестве модусного ключа «воспоминание» обуславливает радиальный принцип организации сборника как текста, образно говоря, позволяет рассматривать композицию произведения как своего рода «кластер» и дает возможность вводить в повествование любого рассказа новые воспоминания и персонажей, с ними связанных, свободно, без специального модусного ключа, не нарушая при этом целостности и связности текста. Такой тип актуализации модусной рамки «воспоминание» используется редко: подобный пример радиального построения текста единственный в выборке.

Воспоминания, вплетенные в размышления Говорящего, иногда имеют сложную временную перспективу, иными словами, представляют собой **воспоминание в воспоминании**, например: *Помню, я шёл по улице нашего города, и увидел женщину, которая бежала по улице и рыдала. <...> Она не плакала и даже не рыдала, просто в каждом её выдохе был отчаянный звук какого-то невыносимого страдания. И было видно, что она бежит не куда-то, не спешит, и не убегает. <...> Я вспомнил, как сам бежал, не в силах стоять, говорить или просто плакать и кричать. Я бежал так же, как эта женщина, по улице, гонимый своим каким-то детским огромным горем <...> И, увидев её, я узнал, как выглядело моё горе. И как это не странно, но я*

вдруг узнал, что другие тоже страдают, испытывая то же, что и я, а может быть сильнее... И помочь не может никто.

<...> Я в первый раз ощутил себя участником жизни. И почти почувствовал, что улица, город, Сибирь, страна и т.д. только условия этого участия. Но я тогда не мог такого почувствовать. Точнее, почувствовать мог, но разобраться с упавшим на меня ощущением не мог. Не должен был. Рановато было...<...> (Е. Гришковец. Реки).

Говорящий вспоминает, как одно из событий прошлого вызвало в его сознании более раннее воспоминание и – самое главное – помогло открыть и понять в себе нечто важное.

В ряде случаев воспоминания Говорящего, представляющие собой самостоятельную, законченную историю, следуют друг за другом, а авторские размышления, замечания, наблюдения, ради которых и введены воспоминания, включаются в текст в последнюю очередь, например: **Когда я первый раз был за границей, а потом и во второй раз**, я сильно удивлялся простым вещам. Я тогда побывал не только в городах, но и в глубинке. <...>

— Мне 76 лет, — сказал он по-английски, — и знаешь, я думаю, что заработал себе право держать вилку в той руке, в которой мне держать её удобно.

Я запомнил эту фразу раз и навсегда.<...>.

Год или полтора после того эпизода в Бельгии случился другой эпизод. Случился этот эпизод в Кемерово, и в этом эпизоде снова прозвучала фраза, которую я так же запомнил на всю жизнь. <...> **Так вот**...<...>

Одна фраза, сказанная мудрым всю жизнь помогавшим людям, благородно седым и добрым аристократом, наложилась на фразу вот этого мужика с авоськой и грязными волосами.

Я много слышал мудрых высказываний <...> Но почему-то те две фразы так попали в меня и так что-то во мне уравновесили, что я ощущаю это равновесие, как одно из самых важных своих достижений. А те люди, я уверен, и не помнят того, что сказали. Но я помню. Вот так. Кто-то

сказал, а кто-то услышал (Е. Гришковец. И было сказано). Семантика «воспоминание» имплицитно выражена в первой истории темпоральным модусным ключом, эксплицированным придаточной частью с временной семантикой (*когда я первый раз был за границей, а потом и во второй раз*) и во второй – темпоральным модусным ключом, выраженным лексическим показателем темпоральности (*год или полтора после того эпизода*). На протяжении всего текста значение «отступа назад во времени», заданное модусным ключом, подкрепляется показателями исследуемой модусной категории (в приведенном отрывке произведения *я запомнил, я помню*). Авторские рассуждения, составляющие содержание трех последних абзацев, служат своего рода стяжкой для предшествующих двух историй из прошлого героя-рассказчика, иначе говоря, обеспечивают композиционную и смысловую целостность текста.

Сложная, многоуровневая композиция, как правило, не свойственна текстам Е. Гришкова. Однако такие примеры встречаются: *Есть у меня два друга, которым я всегда завидовал. <...> Я по-прежнему им завидую и, наверное, буду завидовать всегда. <...>*

Серёге я начал завидовать ещё до того, как мы познакомились. Когда я поступил в университет, Серёга служил в армии, а когда я вернулся со службы и восстановился на второй курс, он уже заканчивал университет. <...> Но всё по порядку.

В первый раз я услышал о Серёге от кого-то из знакомых, когда речь зашла о музыке. <...>

Помню, как я увидел его впервые. <...>

В другой раз я увидел его на улице, он шёл одетый в жёлтый плащ и без шапки, хотя стоял мороз, и улицы заполняли сгорбленные люди в шапках, пальто и шубах. <...>

Познакомились мы позже. Тогда таинственный Ковальский и яркий незнакомец сошлись в одном человеке.

Помню, одно время, не долго, он был увлечён написанием пьесы. Пьесу он не писал. Он не написал ни строчки. Он был просто этим увлечён и думал об этом. <...>

*— Я тут сочинил пьесу, — **в другой раз** говорил он. — Только нужен для этого театр и очень хороший свет. <...>*

Помню, однажды он позвонил мне домой очень поздно вечером, или, лучше сказать, ночью. Обычно он так не делал.

— Не разбудил? — спросил он и, услышав по моему голосу, что точно разбудил, извинился. <...>

Это случилось 31 декабря. Год не буду называть. Это было давненько. Серёге пришло в голову отметить Новый год в своей квартире и пригласить туда гостей, тех, кто согласится. Мы приехали к нему днём, чтобы подготовиться к приёму гостей. Денег у нас было очень мало, и мы купили всё, что смогли купить. Всё выбирал Ковальский. Только маленькую ёлочку купил я сам. Но сначала про квартиру Ковальского <...>

*С Максимом, или Максом, я познакомился уже **позже**. Я увидел его в **первый раз** на концерте студенческой художественной самодеятельности. Каждый год, весной, в нашем университете проходил фестиваль факультетских концертов. <...>*

*Помню его **первое** появление. Он вышел вместе с ведущим концерта в самом начале представления. <...>*

*Я встретил Макса **существенно позже** и случайно. Он пил кофе в университетском буфете, был один и я подсел к нему, напомнил, что видел его на сцене, похвалил. <...>*

Помню, мы показывали наш спектакль в Челябинске, на каком-то маленьком фестивале студенческих театров. После показа члены жюри из Москвы и местные критики подсели за столик, где сидели Макс, пара актёров нашего театра и я. Мы были довольны тем, как прошёл спектакль, настроение было отличное, и мы собирались выпить пива. Макс к тому времени уже выпивал. <...>

Он выхватывал из жизни только ему заметные детали и увлекался ими. **Однажды** он посмотрел какой-то старый американский фильм времён 40-50-х годов XX века. Ему фильм так понравился, что он разволновался. Яне понимал, что ему там так понравилось. Фильм был так себе. А через месяц он явился в толстенном твидовом пиджаке с широкими ватными плечами и в широких брюках.

— Вот, — сказал он, — точно такой же пиджак, как у того адвоката из фильма. Как он мне понравился!

— Пиджак? — спросил я.

— Фильм! — ответил Макс удивлённо. <...>

Помню, это, кстати, случилось в Москве, мы сидели в каком-то кабачке, и пили пиво у барной стойки. Рядом сидел симпатичный, выпивший мужик. Как-то, слово за слово, мы разговорились. Он был из Ростова-на-Дону, а мы сказали, что мы из Кемерово. <...>

Он **впервые** был заметно несчастлив. Но опасности ещё не почувствовал. Его уже переполняли новые замыслы. А работа, которая приносила ему деньги, уже душила его совершенно. **Однажды** Макс сказал такую фразу, после которой мне стали ясны его взаимоотношения с деньгами и повседневной работой ради денег.

Эту фразу он сказал в городе Вена. Так случилось, что мы оказались на несколько дней в Вене вместе <...> (Е. Гришковец. Зависть). Весь текст рассказа «Зависть» представляет собой две истории-воспоминания, для которых в качестве модусного ключа выступает показатель темпоральности — наречие с временной семантикой **всегда**. Каждая история собрана, как мозаика, из более коротких по объёму историй-воспоминаний, введенных своим модусным ключом, в роли которых выступают специализированные показатели исследуемой модусной категории (**помню**), лексические показатели темпоральности (**до того, как мы познакомились; в первый раз я услышал; в другой раз; позже; существенно позже; однажды; впервые**), а также их сочетание (**помню, как я увидел его впервые; помню, однажды**).

Особенность модусного ключа *Это случилось 31 декабря. Год не буду называть. Это было давненько* в том, что он состоит из нескольких предложений. Как мы ранее отмечали, первые два высказывания – экспликация темпорального ключа, а третье связано с модусной категорией «воспоминание». Как видим, воспоминания в рассказе «Зависть» чаще всего вводятся темпоральным модусным ключом, что позволяет не столько сохранять хронологическую последовательность событий, сколько маркировать их временную соотнесенность.

Итак, в произведениях Е. Гришковца воспоминания в основном не просто передают фактологическую информацию, но и вплетены в рассуждения Говорящего, служат в качестве аргументов для его умозаключений, и представлены как попытка осмыслить какой-либо важный для автора вопрос. В связи с этим воспоминания Говорящего чаще всего оформляются в тексте как модусная рамка, где семантику исследуемой МК задает модусный ключ, а поддерживают немногочисленные показатели «воспоминание», нижняя граница модусной рамки, как правило, эксплицитно маркирует завершение процесса припоминания.

В текстах Е. Гришковца обычно семантику «воспоминание» реализует модусный ключ, выраженный показателями темпоральности: наречия с временной семантикой (*однажды, тогда, позже, когда-то, недавно, всегда*), временная придаточная часть сложноподчиненного предложения и другие немногочисленные лексические показатели с семой 'время' (*первый, в юности* и др.).

Гораздо реже автор вводит модусный ключ «воспоминание», выраженный специализированными средствами – глаголом *помнить* и его дериватами. Такой модусный ключ, задавая семантику «воспоминание» всему тексту, как правило, не содержит эмоциональной оценки событий прошлого и не маркирует степени их точности. Сочетаемость показателей «воспоминания» и достоверности на уровне текста в прозе Е. Гришковца представлена минимально: модусный ключ «воспоминание», который

выражен сочетанием глагола *помнить* и его дериватов с наречиями, обозначающими степень точности, достоверности восстановленной в памяти информации (*хорошо, ясно, точно, смутно* и др.), встречается редко.

В качестве своеобразного модусного ключа выступает заголовок произведения или даже название сборника «Следы на мне». Модусный ключ, который является заглавием сборника, реализуя семантику «воспоминание» для каждого рассказа, его составляющего, обуславливает радиальный принцип организации текста, который обеспечивает его семантическую связность и целостность.

Выводы по второй главе

1. Показатели модусной категории «воспоминание» выполняют в тексте разные функции: а) прагматическую функцию (актуализация семантики «воспоминание»); б) текстообразующую (экспликация формальной и семантической связности и целостности текста/текстового фрагмента; функция модусного ключа); в) композиционную (влияние на композиционный рисунок текста/текстового фрагмента, обеспечение разных типов композиции).

2. Модусный ключ «воспоминание» бывает различной протяженности (слово, сочетание нескольких слов, часть сложного предложения, вводная единица и самостоятельное предложение) и, располагаясь обычно в начале всего текста произведения, главы или текстового фрагмента, выполняет функцию показателя данной модусной категории, задающего ее значение в текстовом фрагменте (или тексте в целом).

3. В роли модусного ключа а) часто выступают специализированные средства модусной категории «воспоминание» – ментальные глаголы *помнить, помниться* и их дериваты; б) иногда – иные лексические показатели (*рассказать, личное воспоминание, отпечатается в моей памяти* и др.). Не менее часто на семантику модусной категории «воспоминание», благодаря ее синкретичности, указывает темпоральный ключ. Нередко в художественном тексте сочетаются оба модусных ключа – «воспоминание» и темпоральный, – что обусловлено не просто обращением к событиям прошлого, но и фиксированием их на конкретном временном отрезке.

4. Модусный ключ в художественном тексте, эксплицирующий семантику «воспоминание» один или при поддержке других показателей исследуемой МК (особенно при их нагнетании на протяжении всего текста), обеспечивает семантическую и формальную связность текстового фрагмента (или текстового пространства нескольких глав, или целого текста).

5. Инвариант модусной рамки «воспоминание» представляет собой текст (текстовый фрагмент), где реализуется модусная категория «воспоминание», и включает модусный ключ «воспоминание», показатели исследуемой МК (они поддерживают заданную модусным ключом семантику и организуют текстовое пространство внутри модусной рамки) и показатель выхода из воспоминаний (вербальный или невербальный). При неполной реализации данного инварианта возможна незамещенная позиция или модусного ключа, или других показателей исследуемой модусной категории, или показателя выхода из рамки.

6. Композиция текста (или текстового фрагмента) зависит от реализации инварианта модусной рамки «воспоминание»: а) модусный ключ организует композицию «рассказ в рассказе», если воспоминания Говорящего составляют содержание всего произведения; б) наличие модусного ключа, соединяющего разные по протяженности отрывки-воспоминания, обеспечивает радиальную композицию текста; в) «нагнетание» показателей модусной категории «воспоминание», даже при отсутствии модусного ключа, создает каркас для повествовательного текста; г) своеобразие композиции расположенных последовательно, линейных фрагментов-воспоминаний (часто нарушающих хронологическую последовательность) состоит в мозаичности предъявляемого прошлого опыта Говорящего или нанизывании на единый стержень повествования.

7. Предпочтения в выборе способов реализации инварианта модусной рамки «воспоминание» зависят от индивидуальной авторской манеры. Герои Д. Рубиной воспроизводят в памяти события прошлого через призму чувств, мыслей, ощущений (визуальных, тактильных, слуховых), а сама по себе фактологическая информация не является первостепенной. Между тем в произведениях Е. Гришковца воспоминания героя-рассказчика составляют именно факты, они вплетены в размышления персонажа о себе, о жизни, о людях, выступают как средство аргументации его собственных

выводов, как попытка осмыслить какой-либо важный вопрос или как способ раскрыть характер самого героя-рассказчика.

8. В произведениях и Д. Рубиной, и Е. Гришковца наиболее часто семантику «воспоминание» задает темпоральный модусный ключ, выраженный наречиями с временной семантикой (*однажды, тогда, позже, когда-то, недавно, всегда*) и другими лексическими показателями со значением «времени» (*первый, в юности, лет десять назад* и др.), наименее востребован в экспликации значения исследуемой модусной категории модусный ключ, выраженный специализированными показателями – глаголом *помнить* и его дериватами. В прозе Е. Гришковца темпоральный ключ нередко может быть выражен придаточной частью сложноподчиненного предложения, а Д. Рубина столь же часто семантику «воспоминание» задает разнообразными неспециализированными лексическими показателями, из которых преобладают развернутые метафоры.

9. Модусный ключ «воспоминание» в текстах Д. Рубиной не только выражает значение исследуемой модусной категории, но и может содержать аксиологическую оценку припоминаемого, обозначать степень точности (обычно высокую) восстановленной в памяти информации, сочетание же модусного ключа с другими показателями модусной категории «воспоминание» выполняет функцию актуализации воспоминаний Говорящего. Герои же Е. Гришковца, как правило, степень достоверности предъявляемой информации не маркируют.

10. У обоих авторов в текстовых фрагментах (Д. Рубина) или целом тексте (Е. Гришковец) реализуется радиальный способ композиции. Однако в прозе Д. Рубиной, как правило, воспоминания Говорящего вводятся с помощью модусного ключа, выраженного метафорически, а особенность прозы и Е. Гришковца состоит в том, что функцию модусного ключа, а также обеспечения семантической связности и целостности текста может выполнять заголовок произведения или цикла. Правда, этот способ

реализации инварианта модусной рамки «воспоминание» наименее востребован.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель настоящей работы состояла в обосновании особого статуса модусной категории «воспоминание» на фоне других модусных категорий и исследовании функционирования ее показателей в художественном тексте. Анализ языкового материала позволил прийти к следующим результатам.

Опираясь на идеи современной лингвистики о роли субъективного в языке и рассматривая модус в русле работ Т. В. Шмелевой, мы трактуем его как комплекс обязательных и необязательных семантических категорий в семантической структуре высказывания, с помощью которых Говорящий выражает свое отношение к описываемой ситуации (или событию), к информации о них, к Адресату, к высказыванию как речевому произведению, а также к собственному речевому поведению.

«Воспоминание» – это модусная категория, обозначающая языковыми средствами одну из ментальных операций, когда Говорящий обращается к событиям, свидетелем которых он был в прошлом, и маркирует внимание адресата на степени погрешности в точности воспроизведения информации, в ее адекватности происходившим в прошлом событиям. Модусная категория «воспоминание» является необязательной, поскольку сопровождает не каждую пропозицию и эксплицируется грамматическими и лексическими показателями, в репертуаре которых при полевом подходе выделяются две зоны: ядерная и периферийная.

В ядерную зону входят вводные слова *помню*, *помнится* и другие вводные элементы, образованные на их базе, поскольку данные показатели, выражая значение ментальной операции припоминания и акцентируя на ней внимание адресата, указывают на субъективность интерпретации события в результате этой ментальной операции. В периферийную зону включены разнородные средства: показатели, расположенные на пересечении диктума и модуса высказывания (модус-диктумные конструкции с ментальными предикатами), а также разнообразные лексические показатели, со значением

«хранение информации в памяти», глагольно-именные обороты типа *хранить в памяти*, фразеологизованные конструкции, метафоры, выступающими в значении «помню, вспоминаю». Дальняя периферия показателей исследуемой модусной категории представлена языковыми средствами, выявленными в процессе исследования взаимодействия «вспоминания» с другими модусными категориями, синкретичными лексическими показателями, имеющими эксплицитную семантику темпоральности / восприятия / ментального модуса и контекстуальную семантику 'вспоминание'.

Анализ семантики «вспоминание» позволяет сделать вывод о «сотрудничестве» исследуемой модусной категории с такими категориями, как авторизация, персональность, темпоральность, достоверность, эвиденциальность, восприятие и ментальный модус. Отчетливо выделяются три типа их взаимодействия.

Первый тип взаимодействия – наложение друг на друга, или **спаянность**, нескольких субъективных смыслов: «вспоминание» и авторизация / персональность / темпоральность / достоверность / эвиденциальность / восприятие / ментальный модус.

Второй тип связан с взаимодействием модусных категорий «вспоминание» и эвиденциальности. Его особенность – **включение** одного субъективного смысла («вспоминание») в другой (эвиденциальность), поскольку эвиденциальность в семантическом плане шире: память – лишь один из источников информации.

Третий тип взаимодействия модусных категорий реализуется на синтагматическом уровне, т.е. на уровне сочетаемости показателей различных субъективных смыслов, и называется **линейная цепочка**. Так исследуемая модусная категория взаимодействует с категориями авторизации / достоверности / восприятия.

Модусная категория «вспоминание» взаимодействует с различными модусными категориями неодинаково: такие модусные категории, как

авторизация, достоверность, восприятие, могут вступать в разные типы взаимодействия: спаянность и линейная цепочка.

Анализ языкового материала приводит к заключению о том, что показатели модусной категории «воспоминание» выполняют не только свою основную функцию – семантическую, т.е. эксплицируют семантику исследуемой модусной категории («хранение информации в памяти»), но и прагматическую и текстообразующую функции.

Реализация семантики «воспоминание» в художественном тексте (или его фрагменте) имеет свои особенности. Показатели «воспоминание» (слово, сочетание нескольких слов, часть сложного предложения, вводная единица и самостоятельное предложение), располагаясь обычно в начале текста (или текстового фрагмента), выполняют функцию модусного ключа, т.е. выражения модусного значения в текстовом фрагменте с начала и на всей его протяженности.

Модусный ключ «воспоминание» выражается специализированными средствами модусной категории «воспоминание» – ментальными глаголами *помнить, помниться* и их дериватами, различными лексическими показателями (*рассказать, личное воспоминание, отпечатается в моей памяти* и др.). Часто на семантику модусной категории «воспоминание», благодаря ее синкретичности, указывает темпоральный ключ. Нередко в художественном тексте сочетаются оба модусных ключа – «воспоминание» и темпоральный, – что обусловлено не просто обращением к событиям прошлого, но и фиксированием их на конкретном временном отрезке.

Обозначенная модусным ключом отнесенность событий к прошлому часто эксплицируется в тексте различными показателями исследуемой модусной категории (*помню, как теперь вижу* и др.) и маркерами темпоральности (*никогда, ни прежде, ни после* и др.)

Выход из воспоминаний также маркируется Говорящим и оформляется в тексте вербально (показателями исследуемой МК, лексическими показателями, значение которых не связано напрямую с «отступом назад во

времени») или невербально (с помощью многоточия, сплошного пробела и сплошной линии). Нередко выход из воспоминания имплицитен.

Модусный ключ, вводящий семантику исследуемой модусной категории для всего текста (текстового фрагмента), вместе с маркером завершения операции припоминания (возможно, имплицитного) образуют модусную рамку «воспоминание». Анализ текстов (текстовых фрагментов) различной протяженности, составляющих фоновый языковой материал, позволил выявить ее инвариант – текст / текстовый фрагмент, в котором реализуется модусная категория «воспоминание» и который включает модусный ключ «воспоминание», показатели исследуемой модусной категории (поддерживающие заданную модусным ключом семантику и организующие текстовое пространство внутри модусной рамки) и показатель выхода из воспоминаний (вербальный или невербальный). При реализации данного инварианта может быть незамещенной позиция или модусного ключа, или других показателей исследуемой модусной категории, или показателя выхода из рамки, что влияет на композицию текста (текстового фрагмента): а) модусный ключ организует композицию «рассказ в рассказе», если воспоминания Говорящего составляют содержание всего произведения; б) модусный ключ, соединяющий разные по протяженности отрывки-воспоминания, обеспечивает радиальную композицию текста; в) «нагнетание» показателей модусной категории «воспоминание», даже при отсутствии модусного ключа, создает каркас для художественного текста; г) своеобразие композиции расположенных последовательно линейных фрагментов-воспоминаний (часто при нарушении хронологической последовательности) состоит в мозаичности предъявляемого прошлого опыта Говорящего или нанизывании на единый стержень повествования.

Таким образом, варианты наличия / отсутствия компонентов, формирующих инвариант модусной рамки «воспоминание», реализуют композиционную функцию модусных показателей исследуемой модусной категории.

Кроме того, задавая семантику «воспоминание» для всего текста (или его фрагмента), поддерживая заданное модусным ключом значение «отступа назад во времени», пронизывая таким образом ткань произведения и оставляя внимание читателя в поле воспоминания, показатели «воспоминания» не только обеспечивают формальную и семантическую связность и целостность текста/текстового фрагмента (в чем выражается текстообразующая функция языковых средств выражения модусной категории «воспоминание»), но и реализуют прагматическую функцию актуализации показателей исследуемой модусной категории.

Как показывает сопоставительный анализ художественных текстов Д. Рубиной и Е. Гришковца, выявленный инвариант организации модусной рамки «воспоминание» по-разному реализуется в авторских вариантах организации текста-воспоминания, включенного в целостный текст произведения, предпочтения в выборе способов реализации данного инварианта зависят от индивидуальной авторской манеры.

Содержание воспоминаний героев Д. Рубиной составляют прежде всего собственные мысли, чувства, эмоции, связанные с событиями прошлого, а также восприятие сопутствующих им деталей (цвет, запах, тактильные ощущения). Фактологическая информация как таковая не является для Говорящего первостепенной.

Персонажи произведений Е. Гришковца обращаются именно к фактам, которые вплетены в ткань повествования и выполняют роль аргументов, подтверждающих то или иное суждение Говорящего о себе, о жизни, о людях, либо служат материалом, на основе которого делаются важные для него выводы.

Как видим, несмотря на отмеченные различия в содержательных предпочтениях извлеченной из памяти информации, в текстах и Д. Рубиной, и Е. Гришковца для Говорящего воспоминания важны не сами по себе: они помогают герою вернуться к испытанным ранее чувствам и пережить их еще

раз (Д. Рубина) или приблизиться к ответу на значимые для него вопросы о мире и о себе (Е. Гришковец).

Наиболее часто в произведениях обоих авторов семантику «воспоминание» имплицитно выражает темпоральный ключ, выраженный наречиями с временной семантикой (*однажды, тогда, позже, когда-то, недавно, всегда*) и другими лексическими показателями с семой 'времени' (*первый, в юности, лет десять назад* др.). Авторской особенностью текстов Е. Гришкова является то, что часто в роли темпорального ключа выступает придаточная часть сложноподчиненного предложения. Д. Рубина нередко семантику «воспоминание» задает разнообразными неспециализированными лексическими показателями, из которых преобладают развернутые метафоры. В художественных текстах и того и другого прозаика наименее востребован модусный ключ «воспоминание», выраженный специализированными показателями – глаголом **помнить** и его дериватами.

Модусный ключ, вводящий семантику исследуемой модусной категории, в произведениях Д. Рубиной, как правило, содержит аксиологическую оценку припоминаемого, герои же Е. Гришкова, предъявляя извлеченную из памяти информацию, сдержанны, что вполне объясняется содержанием воспоминаний персонажей обоих авторов. Более того, модусный ключ «воспоминание» в текстах Д. Рубиной может обозначать степень точности (обычно высокую) восстановленной в памяти информации, сочетание же модусного ключа с другими показателями модусной категории «воспоминание» выполняет функцию актуализации воспоминаний Говорящего. В произведениях Е. Гришкова степень достоверности предъявляемой информации обычно не маркируется.

В художественных текстах Д. Рубиной наиболее востребован радиальный тип композиции, модусный ключ в этом случае чаще всего выражен метафорой. Напротив, радиальное построение текста-воспоминания не столь частотно в прозе Е. Гришкова. Особенность его текстов заключается в том, что функцию модусного ключа может выполнять

заголовок произведения или цикла. Наиболее часто в текстах Е. Гришковца воспоминания Говорящего вводятся в ткань произведения модусной рамкой «воспоминание», которая в целом соответствует инварианту: семантика исследуемой модусной категории задается модусным ключом для всего текстового фрагмента и поддерживается показателями модусной категории «воспоминание», выход из воспоминания обычно выражен вербально. Такое предпочтение объясняется ролью, отведенной воспоминаниям: извлеченная из памяти информация тесно вплетена в размышления Говорящего и служит как иллюстрация его умозаключений, как попытка осмыслить какой-либо важный для него вопрос.

Перспективой данной работы является а) исследование функций показателей «воспоминание» и особенностей реализации модусной рамки «воспоминание» в художественных текстах других авторов; б) выявление особенностей языковых средств выражения модусной категории «воспоминание» и ее сотрудничества с другими модусными категориями на материале публицистических текстов; в) исследование особенностей реализации семантики «воспоминание» в разных речевых жанрах.

Список литературы

1. **Аверинцев, С. С.** Риторика и истоки европейской литературной традиции / С. С. Аверинцев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 448 с.
2. **Апресян, Ю. Д.** Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Ю. Д. Апресян. Избр. тр. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995а. – Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 629–650.
3. **Апресян, Ю. Д.** От истины до лжи по пространству языка / Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Индрик, 2008. – С. 23–45.
4. **Апресян, Ю. Д.** Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян. // Ю. Д. Апресян. Избр. тр.– М.: Школа «Языки русской культуры», 1995б. – Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 348–388.
5. **Апресян, Ю. Д.** Прагматическая информация для толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Ю. Д. Апресян. Избр. тр.– М.: Школа «Языки русской культуры», 1995в. – Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 135–154.
6. **Апресян, Ю. Д.** Проблема фактивности: *знать* и его синонимы / Ю. Д. Апресян. // Ю. Д. Апресян. Избр. тр.– М.: Школа «Языки русской культуры», 1995г. – Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 405–433.
7. **Апресян, Ю. Д.** Избранные труды: в 2т. / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995д. – Т. 1. Лексическая семантика. – 472 с.
8. **Арнольд, И. В.** Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 444 с.

9. **Артемьева, Е. Ю.** Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М.: Наука, 1999. – 350 с.
10. **Архипов, И. К.** Категория персональности / имперсональности: опыт когнитивного анализа / И. К. Архипов // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация: сб. ст. к юбилею проф. Н. А. Кобриной / под ред. Н. А. Абиевой, Е. А. Беличенко. – СПб.: Тригон, 2005. – Ч. 1. Лексика и грамматика с когнитивной точки зрения. – С. 198–206.
11. **Арутюнова, Н. Д.** Видение и виденье (проблема достоверности) / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Индрик, 2008. – С. 92–105.
12. **Арутюнова, Н. Д.** Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика: сб. ст. / под ред. Е. В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985а. – С. 3–42.
13. **Арутюнова, Н. Д.** Об объекте общей оценки / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1985б. – № 3. – С. 13–24.
14. **Арутюнова, Н. Д.** Показатели чужой речи *де, дескать, мол* / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 437–449.
15. **Арутюнова, Н. Д.** Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи / Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Наука, 1992. – С. 40–52.
16. **Арутюнова, Н. Д.** Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
17. **Бабайцева, В. В.** Простое предложение / В. В. Бабайцева // Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч.

- / под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Академия, 2011. – Ч. 2. Морфология. Синтаксис. – С. 259–417.
18. **Бабайцева, В. В.** Современный русский язык: в 3 ч. / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – 2 изд. – М.: Просвещение, 1987. – Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. – 256 с.
 19. **Бабайцева, В. В.** Система односоставных предложений в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2004. – 512 с.
 20. **Бакланова, И. И.** Образ адресата в мемуарном и рекламном текстах / И. И. Бакланова // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 2 (4). – С. 7–15.
 21. **Балли, Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка: пер. с фр. / Ш. Балли. – М.: Иностранная литература, 1955. – 298 с.
 22. **Баранчеева, Е. И.** «Запечатленные образы» и их языковое воплощение: память как невидимый орган / Е. И. Баранчеева // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение: сб. науч. тр. / под ред. И. П. Матхановой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – С. 80–88.
 23. **Бахтин, М. М.** Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: сб. ст. / под ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. С. 47–56.
 24. **Баяндин, В. И.** Военная история Сибири и Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX вв. в мемуарах современников / В. И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 3. – С. 30–33.
 25. **Баяндин, В. И.** Военный «Романовский университет» в сибирской каторжной тюрьме в годы Первой мировой войны (по мемуарам «сидельцев») // Война и личность: роль и место личности в истории

- войн: мат-лы Всероссийск. конф. / под ред. В. И. Баяндина, А. В. Запорожченко. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 39–43.
26. **Белошапкова, В. А.** Синтаксис / В. А. Белошапкова // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. – Изд. 3-е. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 606–868.
27. **Беляева, Е. И.** Достоверность / Е. И. Беляева, А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / под ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – С. 157–170.
28. **Бергсон, А.** Материя и память: пер. с фр. / А. Бергсон // А. Бергсон. Творческая эволюция. Материя и память.– Минск: Харвест, 1999. – С. 413–668.
29. **Березовская, Е. А.** Категория персуазивности в устной речи современных носителей русского языка / Е. А. Березовская // Когнитивные исследования языка. Вып. XVIII. Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: мат-лы Международного конгресса по когнитивной лингвистике / под ред. Е. И. Головановой. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2014. – С. 594–596.
30. **Билинкис, М. Я.** Проблемы мемуарного жанра в русской литературе первой трети XVIII века / М. Я. Билинкис, М. М. Уманская // Вопросы эстетики и поэтики: сб. ст. / под ред. М. М. Уманской. – Ярославль: Ярославский гос. пед. ин-т, 1976. – Вып. 160. – С. 3–10.
31. **Блонский, П. П.** Память и мышление / П. П. Блонский. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
32. **Блум, Ф.** Мозг, разум и поведение: пер. с англ. / Ф. Блум, А. Лайзерсон, Л. Хофстедтер. – М.: Мир, 1988. – 248 с.
33. **Богомолов, Н. А.** Дневники в русской культуре начала XX века // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения: сб. докладов / под ред. М. О. Чудаковой. – Рига: Зинатне, 1990. С. 148–158.
34. **Болдырев, Н. Н.** Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания / Н. Н. Болдырев //

- Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. / под ред. Н. Н. Болдырева – М.; Тамбов, 2010. – С. 46–60.
35. **Бондарева, Л. М.** О некоторых закономерностях оценочной деятельности повествующего субъекта в текстах мемуарного типа / Л. М. Бондарева // *Studia Linguistica*: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Кабакчи, В. М. Аринштейна. – СПб.: Образование, 1995. – Вып. I. – С. 134–139.
36. **Бондарева, Л. М.** Структура и функции субъекта речевой деятельности в текстах мемуарного типа (на материале современного немецкого языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб, 1994. – 16 с.
37. **Бондарко, А. В.** Время и перцептивность: инварианты и прототипы / А. В. Бондарко // *Мысли о русском языке: прошлое, настоящее, будущее*: сб. ст. / под ред. П. А. Клубкова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 96–103.
38. **Бондарко, А. В.** Категориальные и некатегориальные значения в грамматике / А. В. Бондарко // *Принципы и методы семантических исследований* / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Наука, 1976. – С. 180–201.
39. **Бондарко, А. В.** Категоризация в системе грамматики / А. В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 483 с.
40. **Бондарко, А. В.** К вопросу о перцептивности / А. В. Бондарко // *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура*: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 276–282.
41. **Бондарко, А. В.** Персональность / А. В. Бондарко // *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. – СПб.: Наука, 1991. – С. 5–40.

42. **Бондарко, А. В.** Темпоральность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: 1990. – С. 5–58.
43. **Борисова, С. А.** Темпоральность как смыслообразующий фактор в процессе текстовой коммуникации / С. А. Борисова // Язык, сознание. Коммуникация: сб. ст. / под ред. В. В. Красных, А.И. Изотова. – М.: Филология, 1997. – Вып. № 1 – С. 52–64.
44. **Боуфал, З. Р.** Актуализация модусных категорий в диалектном высказывании: авторизация и персуазивность: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 2017. – 23 с.
45. **Брагина, Н. Г.** «И к былям небылиц без счету прилыгал». О границах между памятью и воображением / Н. Г. Брагина // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Индрик, 2008. – С. 624–636.
46. **Брызгалова, Е. Н.** Концепты «творчество» и «красота» в «Грасском дневнике» Галины Кузнецовой / Е. Н. Брызгалова // Вестник Тверск. государственного ун-та. Сер.: Филология. – 2010. – № 5. – С. 16–22.
47. **Буглак, С. И.** Модальные слова со значением достоверности: значение и употребление слова действительно / С. И. Буглак // Русский язык в школе. – 1995. – № 6. – С. 86–92.
48. **Булыгина, Т. В.** Гипотеза как мыслительный и речевой акт / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка: Ментальные действия: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой, Н. К. Рябцевой – М.: Наука, 1993. – С. 78–82.
49. **Булыгина, Т. В.** Ментальные предикаты в аспекте аспектологии / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 151–166.

50. **Булыгина, Т. В.** О границах и содержании прагматики / Т. В. Булыгина // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 333–342.
51. **Валгина, Н. С.** Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – 3-е изд. – М.: Высш. шк., 1991. – 432 с.
52. **Ваулина, С. С.** Специфика функциональной соотнесенности категорий модальности и персональности в художественном тексте / С. С. Ваулина // Вестник Волгоградск. государственного ун-та. Сер. 2: Языкознание. – Волгоград. – 2013. – № 3. – С. 34–39.
53. **Вежбицка, А.** Восприятие: семантика абстрактного словаря: пер. с англ. / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка / под ред. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1986. — С. 336–369.
54. **Вежбицка, А.** Метатекст в тексте: пер. с польск. / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / под ред. Т. М. Николаевой. – М.: Прогресс, 1978. – С. 402–421.
55. **Вежбицка, А.** Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / А. Вежбицка. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
56. **Величковский, Б. М.** Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2-х тт. / Б. М. Величковский. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. – Т. 2. – 432 с.
57. **Виноградов, В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
58. **Волошина, С. В.** Языковые средства выражения категории авторизации в речевом жанре автобиографического рассказа (на материале диалектной коммуникации) / С. В. Волошина // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: мат-лы IV Международной научно-методической конф. / под ред. Г. М. Мандриковой. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – С. 39–43.

59. **Вольф, Е. М.** Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» / Е. М. Вольф // *Вопр. языкознания*. – 1986. – № 5. – С. 98–107.
60. **Вольф, Е. М.** Состояние и признаки оценки состояний / Е. М. Вольф // *Семантические типы предикатов* / под ред. О. Н. Селиверстовой. – М.: Наука, 1982. – С. 320–354.
61. **Вольф, Е. М.** Субъективная модальность и семантика пропозиции / Е. М. Вольф // *Логический анализ: Избранное. 1988–1995: сб. ст.* / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Индрик, 2003. – С. 87–102.
62. **Вольф, Е. М.** Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
63. **Всеволодова, М. В.** Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка / М. В. Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
64. **Выготский, Л. С.** Мышление и речь / Л. С. Выготский. – 5-е изд. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
65. **Вязигина, Н. В.** Фрагменты языковой картины мира старожилов города Барнаула: гендерный аспект / Н. В. Вязигина // *Речевая коммуникация в современной России: мат-лы III Международн. конф.: в 2 т.* – Омск, 2013. – Т. 1. – С. 27–35.
66. **Гак, В. Г.** К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // *Проблемы структурной лингвистики: сб. ст.* / под ред. С. К. Шаумяна. – М.: Наука, 1972. – С. 367–395.
67. **Гак, В. Г.** О категориях модуса предложения / В. Г. Гак // *Предложение и текст в семантическом аспекте: сб. ст.* / под ред. И. П. Сусова. – Калинин: Изд-во КГУ, 1978. – С. 19–26.
68. **Гак, В. Г.** Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) / В. Г. Гак // *Логический анализ языка: Ментальные действия* / под ред. Н. Д. Арутюновой, Н. К. Рябцевой. – М.: Наука, 1993. – С. 22–29.

69. **Гак, В. Г.** Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
70. **Гальперин, И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
71. **Гаспаров, Б. М.** Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.
72. **Гатинская, Н. В.** Модальные слова кажимости в русском языке: характеристика взаимоотношения с другими категориями / Н. В. Гатинская // Семантика и прагматика языковых единиц: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. И. В. Артющкова – Уфа: Изд-во БГПИ, 1999. – С. 61–68.
73. **Гинзбург, Л. Я.** Мемуары / Л. Я. Гинзбург // Л. Я. Гинзбург. О психологической прозе. – М.: Intrada, 1999. – С. 117–241.
74. **Гнездечко, О. Н.** Авторизация научного дискурса: коммуникативно-прагматический аспект (на материале англоязычных статей современных европейских и американских лингвистов) / О. Н. Гнездечко. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 175 с.
75. **Голайденко, Л. Н.** Прилагательные со значением памяти / воспоминание и их функционирование в художественной прозе / Л. Н. Голайденко // Вестник Челябинск. государственного педагогического ун-та. – Челябинск, 2012. – № 8. – С. 205–216.
76. **Голайденко, Л. Н.** Существительное «воспоминание» и особенности его функционирования в художественной прозе / Л. Н. Голайденко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 2. Ч. 1. – С. 58–65.
77. **Голоднов, А. В.** Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003. – 23 с.

78. **Голубева, Е. И.** Соотношение различных видов информации в тексте автобиографии / Е. И. Голубева // Информативность текста и его компонентов: сб. науч. тр. / под ред. К. М. Ирисхановой. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1986. – Вып. 263. – С. 65–75.
79. **Голубева, Т. И.** Темпоральная структура текстов дневников и воспоминаний: (на материале англ. и амер. авторов XIX и XX веков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 22 с.
80. **Голубцов, В. С.** Мемуары как источник по истории советского общества / В. С. Голубцов. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 114 с.
81. **Грамматика современного русского литературного языка** / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
82. **Григоренко, М. Ю.** Модусный статус эвиденциальности в современном русском языке / М. Ю. Григоренко // Вестник МГОУ. Сер.: Русская филология. – М.: 2009. – № 4. – С. 73–77.
83. **Гричин, С. В.** Авторизация в тексте научного произведения: когнитивно-дискурсивный аспект / С. В. Гричин, Т. А. Демешкина, // Вестник Томск. государственного ун-та. Филология. – 2016. – № 6. – С. 5–19.
84. **Гричин, С. В.** Авторизационная модель научного текста: автореф. дис. ... уч. степ. д-ра. филол. наук. – Томск, 2017. – 39 с.
85. **Гынгазова, Л. Г.** О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики: мат-лы Всероссийс. науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века» (г. Кемерово, 1–3 декабря 1997 года). – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. – С. 167–174.
86. **ван Дейк, Т. А.** Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
87. **Демешкина, Т. А.** Маркеры авторизации в диалектной речи // Наука и образование в XXI веке: мат-лы Международн. науч. конф. – Тамбов, 2013а. – Ч. 8. – С. 25–28.

88. Демешкина, Т. А. Модели восприятия в поэтическом тексте как способ интерпретации мира // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: картина мира в немецкоязычной поэзии и ее русских переводах: от романтизма к модернизму: мат-лы российско-германского семинара. – Томск, 2006. – С. 9–17.
89. Демешкина, Т. А. Персуазивность в диалектном высказывании // Мат-лы Международн. съезда русистов: в 2т. – Красноярск, 1997. – Т. 1. – С. 100–102.
90. Демешкина, Т. А. Специфика проявления категории авторизации в диалектной коммуникации // Мат-лы I Международн. науч. конф. – Петропавловск-Камчатский, 2013б. – С. 33–39.
91. Дмитриев, С. С. Мемуаристика как феномен культуры / С. С. Дмитриев // История СССР. – 1981. – № 6. – С. 25–32.
92. Дмитриева, Е. Ф. Повседневность и воспоминания как речевой жанр / Е. Ф. Дмитриева // Вестник Алтайск. государственной педагогической академ. – 2011. – №8. – С. 53–58.
93. Димитрова, С. Актуализация предложения и её зависимость от представления говорящего о степени осведомлённости адресата / С. Димитрова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.15. Современная зарубежная русистика: сб. ст. / под ред. Т. В. Булыгиной, А. Е. Кибрика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 535–545.
94. Дмитриовская, М. А. Знание и достоверность / М. А. Дмитриовская // Прагматика и проблемы интенциональности: сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: ИНИОН, 1988. – С. 166–188.
95. Дмитриовская, М. А. Философия памяти / М. А. Дмитриовская // Логический анализ языка: Культурные концепты: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1991. – С. 78–85.
96. Дымарский, М. Я. Высказывание и коммуникативность / М. Я. Дымарский // Проблемы функциональной грамматики.

- Полевые структуры / под ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубика. – СПб.: Наука, 2005. С. 292–332.
97. **Дымарский, М. Я.** Прагматика как векторная семантика / М. Я. Дымарский // Вестник Новосибирск. государственного педагогического ун-та. – 2015. – № 2. – С. 118–125.
98. **Дымарский, М. Я.** Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.) / М. Я. Дымарский. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1999. – 281 с.
99. **Етко, А. Г.** Категория авторизации в аспекте функционального подхода / А. Г. Етко // Вестник Ставропольск. государственного ун-та. – Ставрополь, 2008. – № 58. – С. 80–88.
100. **Ефремова, Д. А.** Категория времени в биографических эссе / Д. А. Ефремова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 4–1. – С. 346–352.
101. **Жирова, И. Г.** Мемуарный текст как средство актуализации языковой личности политика (на материале мемуаров Маргарет Тетчер «Downing street years») / И. Г. Жирова // Вестник Московск. государственного обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. – 2005. – № 6. – С. 47–54.
102. **Зализняк, Анна А.** Считать и думать: два вида мнения / Анна А. Зализняк // Логический анализ языка: Культурные концепты: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1991. – С. 187–194.
103. **Захарова, В. А.** Предикаты мыслительной деятельности как средство выражения эвиденциальности / В. А. Захарова // В мире научных открытий. – 2013. – № 1.2. – С. 84–95.
104. **Золотова, Г. А.** Категории времени и вида с точки зрения текста / Г. А. Золотова // Вопр. языкознания. – 2002. – № 3. – С. 8–29.
105. **Золотова, Г. А.** Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – 6-е изд. – М.: УРСС, 2010. – 368 с.

106. **Золотова, Г. А.** Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Наука, 2004. – 544 с.
107. **Золотова, Г. А.** Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
108. **Иванчикова, Е. А.** Автор в повествовательной структуре исповеди и мемуаров / Е. А. Иванчикова // Язык как творчество (к 70-летию В. П. Григорьева): сб. ст. / под ред. З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 250–255.
109. **Иванчикова, Е. А.** Вводные слова и сочетания слов / Е. А. Иванчикова // Грамматика русского языка: в 2 тт. / под ред. В. В. Виноградова. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 2. Синтаксис. – Ч. 2. – 444 с.
110. **Ильенко, С. Г.** Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка / С. Г. Ильенко. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2009. – 398 с.
111. **Ильенко, С. Г.** Несколько замечаний о категориальном статусе модальности и об эвиденциальности как ее составляющей / С. Г. Ильенко // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 24. – С. 335–341.
112. **Ильенко, С. Г.** О семантическом «радиусе действия» предложения в тексте / С. Г. Ильенко // С. Г. Ильенко. Русистика: Избр. тр. – СПб: Изд-во РГПУ, 2003. – С. 352–358.
113. **Ильенко, С. Г.** Персонализация как важнейшая сторона категории предикативности / С. Г. Ильенко // С. Г. Ильенко. Русистика: Избр. тр. – СПб: Изд-во РГПУ, 2003. – С. 19–26.
114. **Карабан, В. И.** Перцептивные импликации грамматики текста / В. И. Карабан // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия / под ред. Ю. А. Жлуктенко, А. А. Леонтьева. – Киев: Изд-во при Киев. ун-те, 1979. – С. 112–146.

115. **Кардин, В.** Сегодня о вчерашнем: Мемуары и современность / В. Кардин. – М.: Воениздат, 1961. – 191 с.
116. **Карпенко, С. М.** Концепт «память» в поэтической картине мира Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой: сопоставительный аспект / С. М. Карпенко // Вестник Томского государственного пед. ун-та. – Томск. – 2014. – № 9(92). – С. 47–53.
117. **Кацнельсон, С. Д.** Речемыслительные процессы / С. Д. Кацнельсон // Вопр. языкознания. – 1984. – № 4. – С. 3–12.
118. **Киселева, О. А.** Моральный облик общества и устная история (по воспоминаниям и фронтовым письмам) / О. А. Киселева // Вестник Псковск государственного ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – Псков. – 2013. – № 2. – С. 214–219.
119. **Кобрина, О. А.** Возможна ли эвиденциальность восприятия? / О. А. Кобрина // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация: сб. ст. / под ред. Н. А. Абиевой, Е. А. Беличенко. – СПб.: Тригон, 2005. – Ч. 1. Лексика и грамматика с когнитивной точки зрения. – С. 254–263.
120. **Кобрина, О. А.** Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию / О. А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 90–100.
121. **Козинцева, Н. А.** Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) / Н. А. Козинцева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.
122. **Козинцева, Н. А.** Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) / Н. А. Козинцева // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. / под ред. В. С. Храковского. – СПб.: Наука, 2007. – С. 84–103.
123. **Кожина, М. Н.** Стилистико-текстовый статус и взаимодействие категорий ретроспекции и проспекции в научной речи (интердисциплинарный аспект) / М. Н. Кожина, Я. А. Чиговская //

- Стереотипность и творчество в тексте: сб. ст. / под ред. М. П. Котюровой. – Пермь: Изд. Пермск. ун-та, 2001. – С. 118–156.
124. **Колесов, И. Ю.** «Лингвистика видения» и «лингвистика видимого» / И. Ю. Колесов // Мир науки, культуры и образования. – 2008. – № 3(10). – С. 58–61.
125. **Колшанский, Г. В.** О вербальности мышления / Г. В. Колшанский // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М.: Наука, 1977. – Т. 36. – № 1. – С. 18–26.
126. **Колядич, Т. М.** Воспоминания писателей XX века (проблемы поэтики жанра) / Т. М. Колядич. – М.: Мегатрон, 1998. – 276 с.
127. **Коньшина, Ю. И.** Категория персональности в текстах авторизованных биографий / Ю. И. Коньшина // Studia Linguistica: сб. науч. тр. / под ред. В. М. Аринштейна – СПб.: Политехника-принт, 2001. – Вып. X. Проблемы теории европейских языков. – С. 362–369.
128. **Копытов, О. Н.** Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте: Авторизация и персуазивность: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2004. – 27 с.
129. **Кораблина, Т. И.** Языковые средства выражения модуса «воспоминание» в традиционной и современной лексикографии / Т. И. Кораблина // Слово. Словарь. Словесность: Динамические процессы в языке, речи и словаре (к 50-летию издания академического «Словаря современного русского литературного языка»): мат-лы Всероссийск. науч. конф / под ред. В. Д. Черняк. – СПб.: Сага, 2015. – С. 97–101.
130. **Кормазина, О. П.** Воспоминание как жанр разговорной речи: к проблеме типологии / О. П. Кормазина // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Сер.: Филология. – Санкт-Петербург. – 2014. – № 2. Т. 1. Филология. – С. 172–180.

131. **Котюрова, М. П.** Целостность текста / М. П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 609–611.
132. **Кубрякова, Е. С.** Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка: Культурные концепты: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1991. – С. 85–91.
133. **Кузнецова, Л. Г.** Модус в аргументативном дискурсе парламентских дебатов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2004. – 32 с.
134. **Куликова, В. Ф.** Украина в начале XVIII века (по воспоминаниям иностранцев) / В. Ф. Куликова // Мир Евразии. – 2012. – № 2–4 (17–19). – С. 106–113.
135. **Кустова, Г. И.** Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы / Г. И. Кустова // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной. – М.: Индрик, 1999. – С. 229–243.
136. **Лаврова, С. Ю.** Категория персональности в дискурсе публичности (на материале «большой книги интервью» И. А. Бродского) / С. Ю. Лаврова // Вестник Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4–2. – С. 587–589.
137. **Лагута, Н. В.** Жанр «воспоминание» в речи диалектной личности / Н. В. Лагута, Т. В. Самойленко // Вестник Амурск. государственного ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 54. – С. 126–132.
138. **Ламбарджян, С. П.** О взаимодействии модусных значений / С. П. Ламбарджян // Вестник Ереванск. ун-та. Сер.: Русская филология. – 2017. – № 1 (7). – С. 62–71.
139. **Ламбарджян, С. П.** Я – физическое в зеркале персуазивности / С. П. Ламбарджян // Русский язык в Армении. – 2013. – № 3. – С. 25–39.

140. **Лаппо, М. А.** Высказывания с семантикой состояния: непосредственное описание эмоций и описание-воспоминание: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2000. – 20 с.
141. **Лаппо, М. А.** Типология мемуарно-автобиографических изданий: динамические аспекты / М. А. Лаппо // Библиосфера. – 2015. – № 2. – С. 47–52.
142. **Латфулина, З. Р.** Модусные показатели диалектного высказывания: авторизация и персуазивность / З. Р. Латфулина // Вестник Томск. государственного ун-та. – 2014. – № 380. – С. 29–33.
143. **Латфулина, З. Р.** Модусы авторизации и воспоминания в диалектном высказывании / З. Р. Латфулина // Вестник Томск. государственного ун-та. – 2014. – № 389. – С. 22–27.
144. **Левковская, Н. А.** Категория времени как одно из средств связи текста мемуарного жанра / Н. А. Левковская // Коммуникативные и прагматические особенности текстов разных жанров: сб. науч. тр. / под ред. А. Д. Швейцера. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1981. – Вып. 178. – С. 19–25.
145. **Левковская Н. А.** Организующая роль ретроспекции в системе категорий текста мемуарной литературы / Н. А. Левковская, Т. М. Баталова // Прагматика и стилистика: сб. науч. тр. / под ред. Т. М. Баталовой. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1985. – Вып. 245. – С. 81–90.
146. **Леонтьев, А. Н.** Развитие памяти / А. Н. Леонтьев. – М. – Л.: Учпедгиз, 1931. – 278 с.
147. **Лотман, Ю. М.** Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман. Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПб, 2000. – С. 673–676.
148. **Лотман, Ю.М.** Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман. Об искусстве. – СПб.: Искусство, 1998. – С. 14–285.

149. **Лукьянова, Н. А.** О соотношении понятий «экспрессивность», «эмоциональность», «оценочность» / Н. А. Лукьянова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: сб. науч. тр. / под ред. К. А. Тимофеева. – Новосибирск: Новосиб. ун-т. – 1976. – Вып. 5. – С. 3–21.
150. **Лукьянова, Н. А.** Экспрессивность как семантическая категория / Н. А. Лукьянова // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе: сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лукьяновой. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – С. 3–23.
151. **Лурия, А. Р.** Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 320 с.
152. **Малашенко, В. П.** Осложненное предложение / В. П. Малашенко, П. А. Лекант // Современный русский литературный язык: учебник для филол. спец. пед. ин-тов / под ред. П. А. Леканта. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1988. – С. 332–345.
153. **Малычева, Н. В.** Текстовая категория персональности (на материале художественных текстов А. П. Чехова) / Н. В. Малычева // Известия Южного федерального ун-та. Филологические науки. – 2009. – № 4. – С. 48–55.
154. **Манн, Ю. В.** Мемуары как эстетический документ / Ю. В. Манн // Ю. В. Манн. Диалектика художественного образа. – М.: Советский писатель, 1987. – С. 155–171.
155. **Маркасова, О. А.** Категория персональности в репрезентологии // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: материалы Третьих филол. чтений / под ред. Т. А. Трипольской. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2002. – С. 210–216.
156. **Мартьянова, И. А.** Textoобразующая роль киносценария в ретрансляции русской культуры / И. А. Мартьянова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. – 320 с.

157. **Матханова, И. П.** О модусе «осторожности» в научном тексте // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А. С. Шишкова): мат-лы Всероссийск. конф. / под ред. В. Д. Черняк. – СПб.: Сага, 2005. – С. 153–156.
158. **Матханова, И. П.** Фокус восприятия ситуации как параметр интерпретационной деятельности автора / И. П. Матханова, Т. А. Трипольская // Филологические этюды: сб. ст. памяти Ю. А. Пупынина / под ред. И. П. Матхановой, Т. И. Стексовой, Т. А. Трипольской, М. И. Стрельцовой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – С. 105–116.
159. **Матханова, Н. П.** Власть и чиновники в мемуарах сибирского купечества XIX века / Н. П. Матханова // Сибирские исторические исследования. – 2016. – № 2. – С. 58–75.
160. **Матханова, Н. П.** Сибирская мемуаристика XIX века / Н. П. Матханова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. – 551 с.
161. **Мельчук, И. А.** Курс общей морфологии: в 3 тт.: пер. с фр. / И. А. Мельчук. – Москва – Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1998. – Т. 2. – 544 с.
162. **Минц, С. С.** Об особенностях эволюции источников мемуарного типа: К постановке проблемы / С. С. Минц // История СССР. – 1979. – № 6. – С. 55–70.
163. **Моисеева, М. Н.** Тематическая речь в рамках категории эвиденциальности: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2012. – 23 с.
164. **Морараш, М. М.** Категория темпоральности и ее отражение в художественном дискурсе В. В. Набокова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 28 с.
165. **Мордкович, Ж. В.** К вопросу о природе функционально-семантической категории темпоральности / Ж. В. Мордкович //

- Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры. – 2015. – № 8. – С. 41–49.
166. **Муравьева, Н. Ю.** К вопросу о структуре семантического поля «перцептивность» в современном русском языке // Текст, контекст, интертекст: мат-лы Международной науч. конф. «XIV Виноградовские чтения» // под ред. Е. С. Ярыгиной, Е. Ю. Геймбух. – М.: МГПУ: ViviArt, 2016. – С. 150–157.
167. **Мурзин, Л. Н.** Язык, текст, культура / Л. Н. Мурзин, Н. А. Купина, Т. В. Матвеева // Человек – текст – культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 160–169.
168. **Муфозалова, Л. С.** Концепт память в русской языковой картине мира / Л. С. Муфозалова // Вестник Иркутск. государственного техн. ун-та. – Иркутск. – 2014. – №9 (92). С. 324–328.
169. **Мызникова, Я. В.** Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» / Я. В. Мызникова // Вестник Пермск. ун-та. Российская и зарубежная филология. – Пермь. – 2014. – Вып. 4 (28). – С. 66–72.
170. **Нагорный, И. А.** Предикативные функции модально-персуазивных частиц. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. – 310 с.
171. **Никитина, Е. Н.** Субъектные нули и перцептивный модус (к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке) / Е. Н. Никитина // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 69–82.
172. **Николаев, И. М.** Впечатления о начале войны (по воспоминаниям современников) / И. М. Николаев // Актуальные проблемы социальных наук: Герценовские чтения: сб. ст. / под ред. В. В. Барабанова. – СПб.: Элексис Принт, 2008. С. 152–156.
173. **Нюбина, Л. М.** Память, воспоминание и текст / Л. М. Нюбина // Studia Linguistica: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Щировой. – СПб.: Политехника-Сервис, 2010. – Вып. XIX. Человек. Язык. Познание. – С. 213–223.

174. **Омельченко, С. Р.** Функционально-семантическая характеристика русских ментальных глаголов / С. Р. Омельченко // Известия Уральск. гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 2004. – Вып. 7. – № 31. – С. 217–229.
175. **Орехова, Е. Н.** О средствах выражения модальности уверенности / Е. Н. Орехова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Леденевой, Т. М. Фадеевой, Е. Д. Звуковой. – М.: Изд-во МГОУ, 2015. – С. 198–202.
176. **Орехова, Е. Н.** О субъективной модальности эвиденциальности / Е. Н. Орехова // Вестник МГОУ. Сер.: Русская филология. – М., 2012. – № 2. – С. 95–100.
177. **Орлова, Н. А.** Речевой жанр «мемуары» и его реализация в текстах носителей разных типов речевой культуры: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Омск, 2004. – 21 с.
178. **Павловская, С. В.** Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX–начала XX веков: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 25 с.
179. **Падучева, Е. В.** Говорящий: субъект речи и субъект сознания / Е. В. Падучева // Логический анализ: Культурные концепты / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1991. – С. 164–168.
180. **Падучева, Е. В.** Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? / Е. В. Падучева // Русский язык в научном освещении. – 2013. – № 2 (26). – С. 9–29.
181. **Падучева, Е. В.** К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2001. – № 4. – С. 23–44.

182. **Падучева, Е. В.** Наблюдатель как Эксперимент «за кадром» / Е. В. Падучева // Слово в тексте и словаре: сб. ст. / под ред. Л. Л. Иомдина, Л. П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – С. 175–192.
183. **Падучева, Е. В.** Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
184. **Панков, Ф. И.** Наречная темпоральность и ее речевые реализации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М.:, 1996. – 20 с.
185. **Пенфильд, В.** Речь и мозговые механизмы / В. Пенфильд, Л. Робертс. – М.: Медицина, 1964. – 264 с.
186. **Перфильева, Н. П.** Метатекст в аспекте текстовых категорий / Н. П. Перфильева. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – 285 с.
187. **Перфильева, Н. П.** Модальная частица *якобы* / Н. П. Перфильева // Модальность в ее связях с другими категориями: сб. науч. тр. / под ред. И. П. Матхановой. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1992. – С. 121–130.
188. **Перфильева, Н. П.** Модус воспоминания: между истиной и ложью / Н. П. Перфильева // Дискурс лжи и ложь дискурса: сб. науч. тр. / под ред. Т. А. Трипольской. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. – С. 24–33.
189. **Перфильева, Н. П.** Правила употребления слова *действительно* / Н. П. Перфильева // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака: сб. науч. тр. / под ред. Н. П. Перфильевой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1996. – С. 47–55.
190. **Перфильева, Н. П.** Ретроспекция в свете метатекста / Н. П. Перфильева // Проблемы интерпретационной лингвистики: Интерпретаторы и типы интерпретации: сб. науч. тр. / под ред. И. П. Матхановой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – С. 177–190.

191. **Перфильева, Н. П.** Семантика высказываний с частицами *мол, де, дескать* / Н. П. Перфильева, Ю. Б. Хальзова // Семантический и прагматический аспекты высказывания: сб. науч. тр. / под ред. Т. И. Стексовой. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. – С. 86–95.
192. **Петрова, Н. А.** Проблемы самоидентификации в романе-воспоминании об Одессе начала XX века / Н. А. Петрова // Вестник Пермск. ун-та. Российская и зарубежная филология. – Пермь. – 2009. – Вып. 3. – С. 85–94.
193. **Пиаже, Ж.** Психология интеллекта: пер. с фр. / Ж. Пиаже // Избранные психологические труды. – М.: Просвещение, 1969. – С. 55–231.
194. **Пляскина, М. В.** Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2001. – 18 с.
195. **Плунгян, В. А.** Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 672 с.
196. **Порублева, И. С.** Персуазивное клише как средство снятия категоричности высказывания в современном русском языке // Дискурс, текст, слово в свете современных исследований филологических наук: мат-лы Международн. науч. конф. – Екатеринбург, 2017. – С. 36–39.
197. **Правила** русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.
198. **Пупынин, Ю. А.** О роли перцептора в функционировании грамматических категорий вида, залога и времени в русском языке / Ю. А. Пупынин // Проблемы функциональной грамматики:

- Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / под ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубика. – СПб.: Наука, 2000. – С. 36–51.
199. **Пупынин, Ю. А.** О связях субъективности и модальности в русском языке / Ю. А. Пупынин, И. П. Матханова // Модальность в ее связях с другими категориями: сб. науч. тр. / под ред. И. П. Матхановой. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1992. – С. 50–57.
200. **Пупынин, Ю. А.** О связях субъективности и персональности в русском языке / Ю. А. Пупынин, Т. И. Стексова // Семантический и прагматический аспекты высказывания: сб. науч. тр. / под ред. Т. И. Стексовой. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. – С. 67–75.
201. **Рассел, Б.** Человеческое познание: Его сфера и границы: пер. с англ. / Б. Рассел. – Киев: Ника-Центр, 1997. – 560 с.
202. **Ревякина, А. В.** Взаимодействие категории персуазивности с другими модусными категориями // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы): мат-лы III Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / под ред. И. С. Ровдо. – Минск: РИВШ, 2006. – Ч. 2. – С. 47–50.
203. **Рогушина, Л. Г.** Жизнь семьи в блокадном городе (по воспоминаниям близких) / Л. Г. Рогушина // Великая Отечественная война в памяти поколений: сб. науч. тр. / под ред. В. П. Соломина, В. А. Рабоша, А. В. Воронцова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. – С. 316–321.
204. **Роуз, С.** Устройство памяти. От молекул к сознанию: пер. с англ / С. Роуз. – М.: Мир, 1995. – 384 с.
205. **Русская грамматика:** в 2-х тт. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 1–2.
206. **Рябцева, Н. К.** Коммуникативный модус и метаречь / Н. К. Рябцева, Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык речевых действий: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой, Н. К. Рябцевой. – М.: Наука, 1994. – С. 82–92.

207. **Рябцева, Н. К.** Ментальный модус: от лексики к грамматике / Н. К. Рябцева, Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Ментальные действия: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой, Н. К. Рябцевой. – М.: Наука, 1993. – С. 51–57.
208. **Рябцева, Н. К.** Субъектные компоненты речи (к постановке проблемы) / Н. К. Рябцева // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 567–578.
209. **Рябцева, Н. К.** Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: межъязыковой аспект: науч. докл. по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание уч. степ. д-ра филол. наук. – М., 1996. – 112 с.
210. **Рябцева, Н. К.** Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М.: Academia, 2005. – 639 с.
211. **Савостина, Д. А.** Категоризация субъективности и эмоциональности в русской литературе первой трети XX века: формы предикатива / Д. А. Савостина. – М.: Изд-во МГОУ, 2010. – 151 с.
212. **Сахарный, Л. В.** Человек и текст: две грамматики / Л. В. Сахарный, Н. А. Купина, Т. В. Матвеева // Человек – текст – культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 7–59.
213. **Серебренников, Б. А.** К проблеме «Язык и мышление» (Всегда ли мышление вербально?) / Б. А. Серебренников // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1977. – Т. 36. – № 1. – С. 9–17.
214. **Серебрякова, А. Ю.** Особенности представления категории персональности в философских текстах И. Канта и их переводах на русский язык: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005. – 25 с.
215. **Скворецкая, Е. В.** Языковая организация текста / Е. В. Скворецкая. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2002. – 268 с.

216. **Смирнов, И. Н.** Категория временной локализованности / нелокализованности действия и ее взаимодействие с темпоральностью и аспектуальностью / И. Н. Смирнов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2010. – № 126. – С. 186–194.
217. **Смирнова, М. А.** Отечественная война 1812 года в памяти купечества: по материалам мемуаров / М. А. Смирнова // 1812 и 1812 годы как ключевые этапы в формировании национального исторического сознания: сб. науч. тр. / под ред. М. А. Шибаева, Е. Б. Грузновой. – СПб.: Президентская библиотека, 2013. – С. 129–140.
218. **Созина, Е. К.** Динамика художественного сознания в русской прозе 1830–1850-х годов и стратегия письма классического реализма: автореф. дисс. ... уч. степ. д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2002. – 40 с.
219. **Солганик, Г. Я.** К проблеме модальности текста / Г. Я. Солганик // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст: сб. ст. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1984. – С. 173–186.
220. **Стексова, Т. И.** Взаимодействие грамматических и семантических категорий (на примере высказываний с семантикой напрасности) / Т. И. Стексова // Вестник Томск. государственного ун-та. Филология. – 2016. – № 2. – С. 84–93.
221. **Стексова, Т. И.** Маркеры недостоверного восприятия / Т. И. Стексова // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение: сб. науч. тр. / под ред. И. П. Матхановой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – С. 88–95.
222. **Стексова, Т. И.** Персуазивность и категоричность / Т. И. Стексова // Модальность в ее связях с другими категориями: сб. науч. тр. / под ред. И. П. Матхановой. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1992. – С. 18–26.

223. **Стексова, Т. И.** Семантическая категория невольности осуществления в русском языке: автореф. дисс. ... уч. степ. д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2002. – 39 с.
224. **Сударева, О.Г.** Темпоральные маркеры в детской речи / О.Г. Сударева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – Т.13. – № 36. – С. 142–145.
225. **Сухотерина, Т. П.** К вопросу о воспоминаниях как жанре естественной письменной русской речи / Т. П. Сухотерина // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2011. – № 6. – С. 238–245.
226. **Сыроватская, Н. С.** Авторизация: проблемы определения и научного описания на уровне предложения и текста / Н. С. Сыроватская // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – Вып. 89. – С. 250–256.
227. **Тартаковский, А. Г.** Русская мемуаристика XVIII–первой половины XIX в.: От рукописи к книге / А. Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1991. – 288 с.
228. **Тихонова, О. А.** Категория личности в поэтической речи И. Бродского / О. А. Тихонова // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – Т. 1. – № 1–2. – С. 138–141.
229. **Трипольская, Т. А.** Модусное значение «важности» высказывания и способы его выражения / Т. А. Трипольская // Модальность в ее связях с другими категориями: сб. науч. тр. / под ред. И. П. Матхановой. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1992. – С. 27–33.
230. **Туровский, В. В.** Память в наивной картине мира: забыть вспомнить, помнить / В. В. Туровский // Логический анализ: Культурные концепты: сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1991. – С. 91 – 95.

231. **Ульманн, С.** Семантические универсалии: пер. с англ. / С. Ульманн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии / под ред. Б. А. Успенского. – М.: Прогресс, 1970. – С. 250–299.
232. **Урбан, А.** Художественная автобиография и документ / А. Урбан // Звезда. – 1977. – № 2. – С. 192–208.
233. **Ушакин, С. А.** От памяти к воспоминаниям: послесловие к блоку статей об исследовании памяти в частных исторических источниках / С. А. Ушакин // Изв. Иркутск. государственного ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2.2. – С. 97–102.
234. **Ухова, Е. Ю.** Значение памяти у Газданова и Набокова / Е. Ю. Ухова // Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейских литератур: сб. ст. / под ред. А. М. Ушакова. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 109–115.
235. **Филатова, В. В.** Авторизация предложения в художественном тексте (на материале творчества Сергея Довлатова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2000. – 20 с.
236. **Харабаева, В. И.** Категория лица и функционально-семантическая категория личности как разноплановые категории / В. И. Харабаева // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 12 (102). – С. 147–149.
237. **Харченко, Н. П.** Ретроспекция текста и лексико-грамматические средства обратнонаправленной межфразовой связи в языке науки / Н. П. Харченко // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе: сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лукьяновой. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – С. 179–187.
238. **Хасанова, М. А.** Модальные слова как маркеры перцептивности высказываний / М. А. Хасанова // В мире научных открытий. – 2015. – № 5.1 (65). – С. 404–409.
239. **Хофман, И.** Активная память: пер. с нем. / И. Хофман. – М.: Прогресс, 1986. – 312 с.

240. **Храковский, В. С.** Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность / В. С. Храковский // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. / под ред. В. С. Храковского. – СПб.: Наука, 2007. – С. 600–632.
241. **Центнер, А. С.** Репрезентация представлений о процессах памяти в немецком языке / А. С. Центнер // Критика и семиотика. Новосибирск, М., 2012. – Вып. 17. – С. 43–51.
242. **Цзиньпин, Ма.** Средства выражения субъективного смысла «надежда» и их описание в лексикографии / Цзиньпин Ма // Молодая филология–2015: сб. науч. тр. / под ред. О. А. Маркасовой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 69–76.
243. **Циген, Т.** Внимание – Произвольное мышление – Наше Я – Память: пер. с нем. / Т. Циген // Г. Спенсер, Т. Циген. Ассоциативная психология. М.: ООО АСТ-ЛТД, 1998. – С. 459–470.
244. **Цуциева, М. Г.** Персуазивность языковой личности политика // Политический дискурс в парадигме научных исследований: сб. ст. международн. научн. конф. / под ред. Д. В. Шапочкина. – Тюмень: Вектор Бук, 2014. – С. 74–78.
245. **Чейф, У. Л.** Память и вербализация прошлого опыта / У. Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика: сб. ст. / сост. В. А. Звегинцев. – М.: Радуга, 1983. – С. 35–73.
246. **Чекунова, А. Е.** Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII вв.: Опыт источниковедческого анализа / А. Е. Чекунова. – М.: Рос. унив. изд-во, 1995. – 134 с.
247. **Черноморский, М. Н.** Мемуары как исторический источник: учебн. пособие / М. Н. Черноморский. – М., 1959. – 80 с.
248. **Чувакин, А. А.** Текст как объект и предмет лингвистики / А. А. Чувакин // Основы теории текста / под ред. А. А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 7–37.

249. **Шанина, А. Л.** Характер и соотношение различных видов информации в тексте воспоминаний / А. Л. Шанина, К. М. Ирисханова // Информативность текста и его компонентов: сб. науч. тр. / под ред. К. М. Ирисхановой. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1986. – Вып. 263. – С. 103–113.
250. **Шапиро, А. Е.** Концепт памяти в понимании Анри Бергсона и В. Набокова / А. Е. Шапиро // Язык и текст. – 2016. – Т. 3 – № 2. – С. 31–36.
251. **Шаталова, О. В.** Репрезентация концепта «память» в текстах русских элегий первой трети XIX века: Лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 25 с.
252. **Шацкая, М. Ф.** Авторизация и персуазивность при формировании языковой игры // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: мат-лы Всероссийской науч. конф. с международным участием. – Уфа, 2008. – С. 327–330.
253. **Шведова, Н. Ю.** Простое предложение. Основные понятия. Средства формирования и выражения субъективно-модальных значений / Н. Ю. Шведова // Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. Синтаксис. – С. 83–92, 214–231.
254. **Шведова, Н. Ю.** Средства выражения субъективно-модальных значений / Н. Ю. Шведова // Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – С. 611–614.
255. **Шведова, Н. Ю.** Три заметки о смысловых пересечениях / Н. Ю. Шведова // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 242–254.
256. **Шестухина, И. Ю.** Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2009. – 17 с.

257. **Шмелева, Т. В.** Диалогичность модуса / Т. В. Шмелева // Вестник Московского государственного ун-та. Сер. 9: Филология. – М., 1995а. – № 5. – С. 147–156.
258. **Шмелева, Т. В.** Модус и его средства выражения в высказывании / Т. В. Шмелева // Идеографические аспекты русской грамматики. – М.: Изд-во МГУ, 1988а. – С. 168–202.
259. **Шмелева, Т. В.** Модальность и модус / Т. В. Шмелева // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сб. науч. тр. / под ред. С. С. Ваулиной. – Калининград, 2008. – С. 140–151.
260. **Шмелева, Т. В.** Семантический синтаксис: текст лекций / Т. В. Шмелева. – Красноярск: КГУ, 1988б. – 52 с.
261. **Шмелева, Т. В.** Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т. В. Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса: сб. ст. / под ред. К. В. Горшковой, Е. В. Клобукова. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 78–100.
262. **Шмелева, Т. В.** Субъективные аспекты русского высказывания: автореф. дисс. ... уч. степ. д-ра филол. наук. – М., 1995. – 35 с.
263. **Шулежкова, С. Г.** Концепт «память» в русской духовной культуре и средства его вербализации / С. Г. Шулежкова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: мат-лы Междунар. симпозиума. – Волгоград, 2003. – С. 125–127.
264. **Якобсон, Р. О.** Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя: сб. ст. / сост. О. Г. Ревзина. – М.: Наука, 1972. – С. 95–113.
265. **Яковлева, Е. С.** Согласование модусных характеристик в высказывании / Е. С. Яковлева // Прагматика и проблемы интенциональности: сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – С. 278–302.

266. **Ярмаркина, Г. М.** Воспоминание теории речевых жанров / Г. М. Ярмаркина // Научная мысль Кавказа. – 2010. – №4 – 2 (64). – С. 63–66.
267. **Chafe, W.** Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing / W. Chafe // University Of Chicago Press, 1994. – 327 p.
268. **Chafe, W.** Language and memory / W. Chafe // Language. – 1973. – Vol. 49. – P. 261—281.
269. **Chafe, W.** Things we can learn from repeated tellings of the same experience / W. Chafe // Narrative Inquiry. – 1998. – Vol. 8. – P. 269–285.
270. **Wierzbicka, A.** Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals / A. Wierzbicka. – Paris: Cambridge University Press, 1999. – 349 p.

Список словарей

1. **Большой академический словарь русского языка** / под ред. А. С. Гердта. – М. – СПб.: Наука, 2011. – Т. 18. – 774 с.
2. **Большой академический словарь русского языка:** в 20 тт. / под ред. К. С. Горбачевича. – М.: Рус. яз., 1991. – Т. 2. – 960 с.
3. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1997. – 939 с.
4. **Русский ассоциативный словарь:** в 2-х тт. / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – Т. 1. От стимула к реакции. – 784 с.
5. **Русский семантический словарь.** Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Институт русского языка РАН, 2007. – Т. 4. Глагол. – 952 с.
6. **Словарь современного русского литературного языка:** в 20 тт. / под ред. К. С. Горбачевича. – 2-е изд. – М.: Рус. яз.; 1991. – Т. 2. – 960 с.
7. **Словарь русского языка:** в 4-х тт./ под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз.; 1981–1984. – Т. 3.
8. **Толковый словарь русского языка:** в 4-х тт. / под ред. Д. Н. Ушакова – М.: Сов. энциклопедия, 1935–1940. – Т. 1–4.

Список источников

1. **Аксенов, В.** Звездный билет. – М.: Эксмо-Пресс, 2012. – С. 74–153.
2. **Астафьев, В.** Обертон // В. Астафьев. Обертон: повести. – М.: Эксмо, 2006. – С. 280–406.
3. **Бунин, И.** Антоновские яблоки. – СПб.: ИГ Лениздат, 2012. – С. 52–73.
4. **Бунин, И.** Жизнь Арсеньева. – СПб.: Азбука-Классика, 2014. – 352 с.
5. **Быков, В.** Карьер // В. Быков. Альпийская баллада. Мертвым не больно. Карьер. – М.: Эксмо, 2009. – С. 327–734.
6. **Газданов, Г.** Вечер у Клэр // Г. Газданов. Вечер у Клэр. Ночные дороги. – СПб.: Азбука-Классика, 2006. – С. 7–154.
7. **Газданов, Г.** Ночные дороги // Г. Газданов. Вечер у Клэр. Ночные дороги. – СПб.: Азбука-Классика, 2006. – С. 155–402.
8. **Газданов, Г.** Призрак Александра Вольфа. – СПб.: Азбука-Классика, 2009. – 224 с.
9. **Гришковец, Е.** Следы на мне. – М.: Махаон, 2007. – 320 с.
10. **Гришковец, Е.** Реки. – М.: Махаон, 2008. – 192 с.
11. **Довлатов, С.** Креповые финские носки // С. Довлатов. Чемодан. – СПб.: Азбука-Классика, 2015. – С. 15–27.
12. **Довлатов, С.** Приличный двубортный костюм // С. Довлатов. Чемодан. – СПб.: Азбука-Классика, 2015. – С. 56–70.
13. **Достоевский, Ф.** Униженные и оскорбленные. – Л.: Худож. лит., 1981. – 376 с.
14. **Достоевский, Ф.** Кроткая. – М.: Эксмо-Пресс, 2014. – 128 с.
15. **Железников, В.** Чучело. – СПб.: Азбука-Классика, 2015. – С. 5–47.
16. **Искандер, Ф.** Сандро из Чегема. – М.: Время, 2005. – 685 с.
17. **Каверин, В.** Два капитана. – М.: Оникс, 2003. – 720 с.
18. **Куприн, А.** Брегет // А. Куприн. Олеся. – М.: Эксмо, 2006. – С. 33–40.

19. **Куприн, А.** Сентиментальный роман // А. Куприн. Олеся. – М.: Эксмо, 2006. – С. 17–23.
20. **Рубина, Д.** Камера наезжает!.. // Д. Рубина. Камера наезжает!.. – М.: Эксмо-Пресс, 2014. – С. 5–112.
21. **Рубина, Д.** Коксинель // Д. Рубина. Джаз-банд на Карловом мосту. – М.: Эксмо, 2012. – С. 96–136.
22. **Рубина, Д.** На солнечной стороне улицы. – М.: Эксмо, 2011. – 384 с.
23. **Рубина, Д.** Один интеллигент уселся на дороге // Д. Рубина. Яблоки из сада Шлицбутера. – М.: Эксмо-Пресс, 2015. – С. 5–28.
24. **Рубина, Д.** Синдром Петрушки. – М.: Эксмо, 2013. – 432 с.
25. **Рубина, Д.** Школа света // Д. Рубина. Джаз-банд на Карловом мосту. – М.: Эксмо, 2012. – С. 49–95.
26. **Рубина, Д.** Яблоки из сада Шлицбутера // Д. Рубина. Яблоки из сада Шлицбутера. – М.: Эксмо-Пресс, 2015. – С. 29–70.
27. **Самойлов, Д.** Семен Андреич // Д. Самойлов. Счастье ремесла. – М.: Время, 2013. – С. 64–66.
28. **Соколов, С.** Школа для дураков. – СПб.: Симпозиум, 2001. – 266 с.
29. **Толстой, Л.** Крецерова соната // Л. Толстой. Повести и рассказы. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 410–471.
30. **Тургенев, И.** Ася / И. Тургенев. Рудин. Дворянское гнездо. Повести. – М.: Худож. лит., 1980. – С. 321–365.
31. **Чехов, А.** Тапер / А. Чехов. Юмористические рассказы. – М.: Эксмо, 2008. – С. 81–84.
32. **Шахназаров, К.** Курьер. – СПб.: Амфора, 2004. – 447 с.
33. **Шолохов, М.** Тихий Дон. – М.: Эксмо, 2008. – 704 с.